

АРИНА НН

Современная русская поэзия и проза

Выпуск тридцатый

Нижний Новгород
2017

А 79

УДК Рс

ББК 83.3 (2=Рус) 6

Арина НН: литературно-художественный православный альманах. Вып. 30. — Нижний Новгород: Печатная мастерская «Радо-неж», 2017 — 224 с.

Главный редактор Борис Селезнёв,
зам. главного редактора Марина Зубова

Редакционный совет:

Валерий Сдобняков

Светлана Супрунова

Александр Ломтев

Диана Кан

Геннадий Емкин

Александр Высоцкий

Василий Гусев (Бабушкин-Сибиряк)

Представители издания:

Ирина Новосельская — Москва

Светлана Супрунова — Калининград

Региональные представители:

Василий Гусев (Бабушкин-Сибиряк) —

Красноярский край

Надежда Ефремова — Краснодарский край

На обложке — Татьяна Емеличева

Фото Антона Филиппова

Ответственный редактор выпуска (№30)

Татьяна Антипова

Корректор Евгения Орехова

УДК Рс

ББК 83.3 (2=Рус) 6

© «Арина», 2017

С НАМИ — БОГ

Сначала хочу от всей души поблагодарить всех драгоценных моих друзей, авторов и сотрудников альманаха за самоотверженный творческий труд и такие проникновенные, искренние, горячие поздравления! Сейчас как никогда чувствуешь, что если рядом друзья и братья по вере, все трудности и препятствия преодолимы. Ведь с нами Бог.

Я не один раз писал о том, какие нам испытания и преграды попадались на пути. Не скажу, что было легко и просто. Бывали ситуации просто критические. Не стану вдаваться в подробности, но честно скажу, что без Божией помощи, без поддержки добрых людей и, конечно же, друзей, авторов, соратников наших ни один номер «Арины» не увидел бы свет. Всё это дорогого стоит. Это по-настоящему самоотверженный, честный, во славу Божию труд.

В прошлом номере альманаха я уже писал, как удивительно все эти пятнадцать лет выстраивалась судьба издания. Кто был рядом и кто выстоял вопреки всему. И я благодарю Господа за такую великую милость, что Он послал нам в помощь таких замечательных, творческих людей, как Диана Кан с целым содружеством молодых ярко одарённых авторов. Это Светлана Супрунова из далёкого Калининграда, но как бы ни было далеко место пребывания — её участие в творческом процессе альманаха всегда ощущается. Это Александр Ломтев со всем его саровским творческим потенциалом. Это Ольга Кисарова (Ветлуга), Наталья Ладыгина (Володарск), Ксения Калинина (Шилокша) и много-много других, не менее дорогих нашим сердцам людей! Кстати, за каждым из них стоят активные молодёжные творческие объединения. И конечно же, не забуду доброе и горячее слово сказать о ветеранах, которые поднимали и начинали такое великое дело... Это, конечно же, Валерий Сдобняков — основатель и бессменный главный редактор знаменитого журнала «Вертикаль», протоиерей Владимир Гофман, Марина Зубова, Татьяна Антипова, протоиерей Сергей Муратов, Евгения Орехова, Геннадий Ёмкин, Александр Высоцкий, Валерий Фирсов, Павел Шаров и многие другие. А сейчас у нас есть даже региональные представители, очень добрые, отзывчивые и талантливые люди: Василий Гусев (Бабушкин-Сибиряк) из Красноярского края, Надежда Ефремова из Краснодарского края,

Ирина Новосельская из Москвы. Нас много, и мы любим своё дело и трудимся во славу Божию! И как хочется мне всех обнять и пожелать счастья! С прекрасным юбилеем! С днём рождения нашей «Арины». Она ещё совсем девочка, ей всего-то 15! Дай Бог ей творчества и процветания и прожить ещё много-много лет...

Борис СЕЛЕЗНЁВ

НЕТ ОБЩЕГО ДЕЛА БЕЗ ЛЮБВИ И БРАТСТВА

Нижегородский поэтический альманах «Арина» отмечает своё пятнадцатилетие. Создатель его и бессменный главный редактор — поэт Борис Селезнёв, думаю, не так просто прожил все эти годы. Но итог говорит сам за себя — юбилей отмечается выходом в свет тридцатой книжки этого издания.

Я не оговорился — именно юбилей. Потому что в нынешних условиях подобный труд совершается только жертвенно, а значит, и каждый прожитый альманахом год можно смело умножать на несколько лет спокойной обывательской жизни.

Теперь «Арина» — неотъемлемый факт культурной жизни Нижнего Новгорода. Альманах не только предоставляет возможность многим местным поэтам, в том числе из андеграунда, представить свои произведения широкой публике, но и знакомит нижегородцев со своими гостями из многих уголков России. И эти выстроенные творческие мосты, когда культурное пространство страны разорвано в клочья, очень важны. Они дают нам возможность ощутить себя единым народом. Ведь только культура определяет идентичность той или иной нации.

Я думал уже, почему именно Борис Селезнёв взвалил на себя такую ношу — и хлопотную, и неблагодарную, и ответственную. И пришёл к такому выводу: во-первых, Селезнёв — талантливый поэт; во-вторых, добрый, отзывчивый, честный человек; в-третьих, патриот своей Отчизны. Вот из этого и выходит: кто, если не он, должен был взяться за подобное ответственное дело. Вот он и взялся.

Говоря о таланте, отзывчивости, я вдруг вспомнил про стихотворения, которые присылал мне Борис домой по почте в давнее время. Я нашёл открытки с этими стихами в своём архиве (берёт их, как дивную память о нашей дружбе) и, так как они, как мне кажется, ещё ни разу не публиковались, решил вставить их в этот свой поздравительный текст.

ДРУГУ

*Печаль моя светла...
А. Пушкин*

Друг уехал,
Друг мой замолчал.
И приедет, видимо, не скоро.
Никогда меня не огорчал,
Только тешил соколиным взором.
А теперь в столице, говорят...
Подмигнул мне некий человеке.
Я бы аргументов целый ряд
Выставил. А мне ответить нечем...

Ничего, я тоже помолчу.
Может быть, и сам туда заеду.
Знаю только: другу по плечу
И в столице одержать победу!

Ведь не зря ж рванул в такую даль
С неподкупной и кристальной верой
В Господа... и в нашу «Вертикаль»...

.....
Только приезжай скорей, Валера!

В. Сдобнякову с любовью!

Друг мой!
Время всё чаще болит
Под лопаткой, как водится,
Слева.
Да под утро собака скулит,
Да зовут неземные напевы.
Да грохочет железная дверь,
Отверзая пространства иные.
...Мы устали от страшных потерь.
Где же, милый, твои воронье?..
На пороге холодной зари
Только листья да ветер
С Востока.
Постучу...
А ты дверь отвори —
И увидишь, как мне одиноко.

Нет, мой славный Борис, мой дорогой друг. Я не замолчал. И дверь моя для тебя всегда открыта. Если же говорить об одиночестве, то всякий истинный художник одинок (так уж предопределено Богом), и только шуты суетятся около толпы, ожидая от неё сиюминутной похвалы, ожидая от власть имущих подачек, снисходительного поглаживания по голове. Нам же с тобой всегда это претило. За нашими с тобой плечами сделанное дело, за которое и ответим перед Богом — журнал «Вертикаль» и альманах «Арина». Вместе мы всё начинали, вместе и продолжаем. И теперь уже ясно, что так и будем по жизни рядом идти до неведомого нам с тобою срока.

Такие стихи мог написать только настоящий, преданный друг и искренний человек. Такие стихи пишутся только живой совестью и человеческой теплотой из самого сердца. А ты был и остаёшься для меня талантливым русским поэтом, патриотом и редактором.

Многих тебе, Борис, лет, стихов, выпусков «Арины».

Валерий СДОБНЯКОВ

13 мая 2017 г.

НЕПРОСТЫЕ ГОДЫ...

Сердечно поздравляю редактора альманаха «Арина», всех его авторов и тех, кто принимает участие в его выпуске с юбилеем!

15 лет — солидный срок и славный путь. Это были непростые годы в жизни нашего Отечества. Насколько мне известно, непростыми они были и для альманаха «Арина», который все эти годы держался на одном энтузиазме и любви к слову. И, несмотря на все трудности, выстоял, сохранил своё неповторимое лицо, глубину мысли, чистоту звучания и красоту образов. Альманах не дал уйти в небытие многим талантам, создал вокруг себя атмосферу, в которой многие и многие его авторы нашли отдушину и даже смысл жизни. Во всём этом, разумеется, большая заслуга редактора альманаха — Бориса Селезнёва, который все эти годы радел о своём детище и довёл его до столь знаменательного юбилея.

Ещё раз поздравляю!

Владимир ЧУГУНОВ

ВОЗРАСТ НАДЕЖДЫ

Нужно ли вновь и вновь повторять горькую правду сегодняшнего дня: литература в целом и поэзия в частности переживают далеко не самые лучшие времена. Может быть, даже самые худшие. Пожалуй, стоит, поскольку молчать — значит смириться и принять. А принимать такое никак нельзя. Хотя бы из чувства самосохранения. Государственные мужи то ли не понимают, то ли делают вид, что не понимают значения литературы в укреплении устоев Отечества.

Однако, как бы ни обольванивали «электорат» TV и глянec, как бы ни принижали либералы всех мастей значение культуры на фоне безудержного возвеличивания золотого тельца, как бы ни радели о глобализации, ведущей к дебилизации рядового населения, записные политологи и экономисты, литература продолжается и, живым родником пробиваясь сквозь химию современной жизни, самоочищается.

На Руси всегда находились, находятся и будут находиться подвижники, которые искренне «болеют за русскую словесность». Своего рода Минины и Пожарские от литературы. Пока одни ноют и стенают, жалуются и плачут, они делают. Такие, как Марина Зубова; как Светлана Леонтьева, совсем недавно основавшая альманах «Третья столица»; как ушедшая ныне от нас Любовь Ковшова, много лет на собственных плечах (и из собственного кармана) державшая журнал «Нижегородская провинция»; как Валерий Сдобняков, на «голом энтузиазме» выпускающий «Вертикаль» — солидный «толстый» журнал русского уровня. Такие наконец, как Борис Селезнёв, решивший пятнадцать лет назад, что ему лично есть дело до судеб русской поэзии, и основавший поэтический альманах с вполне пушкинским названием «Арина».

Это нужно понять: пятнадцать лет в наши времена на культурном фронте нужно засчитывать по принципу «год за два». И дело, как всегда, не в отсутствии талантов, а в отсутствии средств. А что до талантов, то и на Нижегородской земле, и в других пределах России их меньше не становится. Другое дело, что пробиться к читателю у них возможностей стало куда как меньше. В обойму больших, раскрученных изданий попасть «некоммерческому» поэту или прозаику почти невозможно, издать книгу за свои средства тоже далеко не каждому по карману. Да и с распространени-

ем даже небольшого тиража, изданного самостоятельно, тоже проблема. Зато книгами богатых графоманов или авторов пустого «занимательно-развлекательного» чтения, наносящими огромный урон уровню читательской культуры, прилавки буквально завалены. Именно из-за таких вот «литераторов» и из-за того, что государство ушло из этой сферы, занятия литературой в массовом сознании перестали быть профессией. Едва ли не каждый министр, каждая проворовавшаяся чиновница мнят себя поэтами. Но согласитесь: петь в Большом театре или попевать в клубе после работы — совсем не одно и то же...

Подобное положение и с литературными премиями. «Большую литературную премию России в этом году как присуждали, — написал мне недавно один большой белорусский поэт, — нашли графоманку-спонсоршу, которая все оплатила, но одну премию потребовала за это себе. Дали, а что делать? Можно было бы отказать, но тогда бы и достойных награждать стало нечем...»

Вот и остаются литературные журналы и альманахи для читателей барометром состояния современной литературы в России, а для писателей (особенно начинающих) — теми калитками, через которые нынешним литераторам можно войти в большую литературу. Ведь уровень большинства литературных журналов — и старых с именем, и новых, основанных в постсоветские времена, — несмотря ни на что, всё же по-прежнему высок. Именно потому, что их редакторам в подавляющем большинстве небезразлично, ЧТО они публикуют.

Недаром председатель правления Союза писателей России Валерий Ганичев однажды в разговоре со мной уподобил литературные журналы островам подлинной литературы в океане пошлости. Всё это напрямую относится и к альманаху Бориса Селезнёва «Арина», который пятнадцать лет противостоит штормам того самого океана пошлости.

На берега этого островка за пятнадцать лет его существования ступали и именитые литераторы, и те, кто только учится языку поэзии, у кого всё ещё впереди. «Арина» охотно протягивает руку начинающим, подбадривает, поддерживает, даёт ориентиры.

А ориентиры «Арины» однажды обозначила одна из лучших современных поэтесс России Диана Кан: это наши родовые, живительные, глубокие русские корни, это непоказное милосердие, бескорыстие, жертвенность и любовь, это преданность родной земле, это настоящая русская поэзия...

Вряд ли за выпуск поэтического альманаха в наше время взяли бы холодный прагматик — дело-то явно неденежное, неприбыльное. Романтики — другое дело: они видят то, чего никогда не увидят меркантильные люди. Результат они видят не сию секунду, не здесь и сейчас, а где-то там, в будущем, за горизонтом. И работают ради мечты. Хотя мечты эти и выглядят порой довольно непритязательно. Вот Борис Селезнёв мечтает, чтобы «Арина» выходила регулярно четыре раза в год, а не по мере изыскания денег. Чтобы она была потолще и давала бы более подробную панораму русской поэзии, чтобы редакция могла выплачивать авторам гонорары... Чтобы власти заметили бы наконец и осознали, какое большое дело делает этот небольшой альманах для воспитания граждан великой страны, и помогли, поддержали.

Как Арина Родионовна когда-то пробудила в маленьком Пушкине понимание и любовь к народной поэтике, русской душе, русскому слову, так и «Арина» пытается удержать всё это в странных реалиях нынешнего века, передать новым поколениям. Не дать уйти, исчезнуть, сгинуть под напором холодной рассудочности «глобального мышления», обезличивания и виртуализации жизни.

Борис Селезнёв любит своё дело, свой альманах, любит и ценит тех людей, произведения которых в нём печатает. И говорит о них с искренним романтическим теплом: «Именно в наше прагматичное, я бы даже сказал — циничное, время особенно заметны, как звёздочки на чёрном фоне ночного небосвода, такие замечательные люди. Они тихо делают свою работу и даже не замечают, какое сияние излучают их души и сердца! Без этих людей-подвижников — поэтов, художников, артистов, музыкантов и всех людей творчества — какой унылой и скучной стала бы планета Земля! Да и сам свод небесный без них рухнул бы на неё!»

«Арина» уже стала настоящей стартовой площадкой в литературу для многих хороших поэтов, стала маяком в море литературы для многих и многих читателей как на Нижегородчине, так и в иных пределах. Пятнадцать лет — это и много, и мало. Много в пересчёте на труд и трудности, через которые пришлось пройти, мало в отношении тех долгих лет, которые «Арине» ещё жить, расти и набирать литературный авторитет.

Пятнадцать лет — хороший возраст. Возраст надежд...

ТРИЖДЫ РАДУЮСЬ

Радуюсь, что есть в Нижнем Новгороде альманах современной русской поэзии и называется он так тепло — «Арина». Немного у нас изданий, публикующих стихи. «Арина» же регулярно предоставляет страницы для поэзии нижегородцев.

Радуюсь, что не раз имел возможность увидеть свои стихи в этом альманахе.

Радуюсь, что могу поздравить сотрудников и авторов «Арины» с 15-летием. Мы молоды — нам ещё только 15! А с другой стороны — нам уже 15, и у нас есть что сказать *urbi et orbi*. Надеюсь, город и мир услышат слова, идущие от сердца.

С праздником, друзья!

*Протоиерей Владимир ГОФМАН,
член Союза писателей России*

ОБОЙДЁМСЯ БЕЗ ВОПРОСОВ, МНОГО ИЛИ МАЛО ЭТО — 15 ЛЕТ

Пятнадцать лет литературно-художественному православному альманаху «Арина НН», это значит, что литературный мир Нижегородской земли из года в год пятнадцать лет свидетельствует о том, что, невзирая на катаклизмы социально-политических процессов, экономических потрясений, взлётов и падений в духовно-нравственной и культурной плоскости социума, продолжает дело, которое в обиходе принято называть образованием. Образованием не в утилитарном формате — приобретением некоей суммы знаний и навыков, но в его изначальном, онтологическом смысле — формировании человека по образу и подобию Божию.

Литературный альманах «Арина» по старинке, сохраняя запах бумаги, давая возможность телесного ощущения, в отличие от современных носителей информации, листать страницы (а сегодня это уже процесс, по которому скучают), вмещающая огромный мир творческих переживаний, находок и открытий как молодых литераторов, так и маститых, щедро делится этим со своим читателем. Я познакомился с альманахом благодаря его основателю и по сию пору главному редактору, стоящему во главе замечательного творческого редакторского союза, Борису Селезнёву несколько лет назад и с тех пор являюсь его постоянным поклонником и читателем.

Хочу пожелать всем: и редакторскому коллективу, и читательскому братству, чтобы этот альманах ещё многие и многие годы продолжал начатое дело, и Господь да поспешествует во всех благих начинаниях трудящимся на литературном поприще нижегородским авторам.

*Протоиерей Сергей МУРАТОВ,
член Союза писателей России,
лауреат премии г. Дзержинска «Творящая душа»*

МНЕ НРАВИТСЯ ИМЯ «АРИНА»

Есть имена как песня — звучные и протяжные. Произнесёшь такие — и, кажется, от заоблачных далей до глухих лесных лощин вся Россия эхом откликается тебе.

Мне очень нравится имя «Арина» — певучее, протяжное, как клики серых журавлей. Может быть, потому, что переводится как «мир». А может быть, оттого что веет от него глубокой стариной — достопамятной, былинной.

Наверное, не случайно оно сыграло большую роль в русской литературе и истории. Тут и Арина Жданова — нянька царевича Дмитрия, и некрасовская «Орина — мать солдатская», и, безусловно, Арина Родионовна — няня Александра Сергеевича Пушкина. Именно эта простая женщина научила будущего поэта русской речи, пела ему колыбельные, сказывала сказки, дарила искреннюю любовь, которой он не видел от матери. Страшно подумать: не будь её, какого мощного пласта русской литературы лишился бы мир!

Осень — время отлёта журавлей в тёплые страны. И тут без Арины не обошлось. Отмыкает небесные пути заветным ключом Арина — плакунья журавлиная. Ей одной известно, наступила ли пора гнать птиц от родимых болот, от озер и улетать за тридевять земель. А то день-другой — и света бела невзвидеть, ветра подоблачные пути покривят, переймут. Арина в этот день прикладывает ухо к земле. Припадает к оврагам и низинам. И будто бы ведаёт ей земля об осенних днях слово вещее. Старые люди скажут: «Время на время не находит, время времени не вытаптывает». 1 октября этот день.

Сегодня празднует своё 15-летие литературный альманах «Арина». Выходит это издание в Нижнем Новгороде. Его создатель — замечательный поэт, душевный искренний человек Борис Анатольевич Селезнёв. Он является главным редактором альманаха. А мне посчастливилось быть его заместителем.

И ещё об имени. «Арина» — имя, производное от Ирины. Но оно и решает судьбу своей владелицы. Арина мудрее, спокойнее и отзывчивее, чем Ирина.

Наш альманах именно такой — спокойный, мудрый, отзывчивый. Он легко откликается на значимые события русской литературы и культуры, будь то юбилей самарского поэта Евгения Николаевича Семичева или семинар молодых писателей.

Да, в нём печатаются многие известные поэты: Диана Кан, Николай Зиновьев, Геннадий Ёмкин.

Но часто, как Арина Родионовна, альманах пестует, нянчит, выводит в свет имена молодых литераторов, таких как Сергей Бударин из Самары.

У «Арины» много хлопот и планов. Хорошо бы учредить премию имени нашей замечательной землячки — Любви Ковшовой.

Есть мысль сделать номер о любви, собрав имена самых лучших поэтов современности. Уже дали своё согласие Владимир Шемшученко, Диана Кан, Николай Зиновьев, Геннадий Ёмкин.

Хочется сделать «молодёжный» номер, где могли бы о себе заявить юные поэты и прозаики. Возможно, для кого-то из них это послужило бы стартовой площадкой для дальнейшей писательской карьеры.

В чём же дело? Как часто у нас бывает, вопрос упирается в финансы. Литература подобного рода — дело неприбыльное, даже убыточное.

А читатель ждёт новых имён, стихов известных поэтов, книг которых не найти в магазинах из-за мизерных тиражей.

Возможно, среди жителей Сарова и Нижнего Новгорода, Москвы и Калининграда найдутся люди равнодушные, которые захотят помочь нашей доброй, отзывчивой «Арине».

Для этого можно написать её главному редактору Б.А. Селезнёву на электронную почту: basnn53@mail.ru.

Сейчас в адрес «Арины» приходит очень много поздравлений от известных поэтов, писателей, знаменитых людей и простых читателей, сердца которых она покорила за время своего существования.

От себя хочу пожелать нашему альманаху крепко встать на ноги финансово, открывать новые имена, быть интересным, глубоким и содержательным, заставлять читателей размышлять вместе с нашими авторами, учить их прекрасной русской речи, добру и любви, как некогда это делала Арина Родионовна — няня великого Пушкина.

Марина ЗУБОВА,
*заместитель главного редактора
альманаха «Арина»*

Законодательное Собрание
Нижегородской области

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

НАГРАЖДАЕТСЯ

СЕЛЕЗНЕВ

Борис Анатольевич

*главный редактор альманаха "Арина НН", председатель
ревизионной комиссии, руководитель секции поэзии
Нижегородской областной организации общероссийской
общественной организации "Союз писателей России"*

*за многолетнюю плодотворную творческую
деятельность, личный вклад в развитие культуры
Нижегородской области и в связи с 15-летием
альманаха "Арина НН"*

*Председатель
Законодательного Собрания
Нижегородской области*

Е.В. Лебедев

*Распоряжение Председателя Законодательного Собрания
Нижегородской области от 27 октября 2016 года № 373рп*

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

НАГРАЖДАЕТСЯ

СЕЛЕЗНЕВ
БОРИС АНАТОЛЬЕВИЧ

*член Нижегородской областной организации
общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»,
за многолетнюю и плодотворную творческую
деятельность, большой вклад в развитие
культурного пространства Нижегородской области
и в связи с 15-летием литературно-художественного
альманаха «Арина НН».*

Министр

С.А.Горин

г. Нижний Новгород, 2017 год

Администрация города Нижнего Новгорода
Департамент культуры

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

НАГРАЖДАЕТСЯ

**Селезнёв
Борис Анатольевич**

*главный редактор литературно-художественного альманаха «Арина НН»,
член Союза писателей России, поэт*

**за многолетнюю и плодотворную
творческую деятельность
и в связи с 15-летием альманаха «Арина НН»**

Директор департамента

Н.Е. Суханова

г. Нижний Новгород
2016 год

ПЕРЕКРЕСТОК

Анастасия УСТИНОВА

Анастасия Валентиновна Устинова родилась в 1995 году в Оренбурге. Автор поэтического сборника «Я иду по солнечному лугу» (Самара, 2013) и сборника рассказов «Эпоха по имени Люська» (Санкт-Петербург, 2014). Печаталась в журналах «Русское эхо» (Самара), «Арина» (Нижний Новгород), «Траектория творчества» (Калуга), «Гостиный двор» (Оренбург), «Молодёжная волна» (Самара), альманахе «Отчий дом» (Новокуйбышевск), журнале «Второй Санкт-Петербург» и др. Лауреат премии «Чаша бытия» для молодых поэтов. Член Союза писателей России. Учитесь в Самарской государственной академии культуры.

Пускай всегда сбываются
Надежды и мечты.
Пусть солнце улыбается,
И будешь счастлив ты.

Пусть небо будет яркое,
И радость в дом войдёт.
И лучшими подарками
Нас встретит Новый год.

Для бабушки — косыночку.
Духи для мамы в дар.
А мне — морскую свиночку.
А папе — портсигар.

Пусть солнце светит яркое,
Чтобы весна пришла,
Ведь лучшего подарка я
Не жду и не ждала!

Светлой памяти Ю.П. Кузнецова

Мама горько зарыдала.
Папа молча закурил.
Дядю Юру я не знала.
Знала, что поэтом был.

Чем же мне утешить маму?
Надо будет ей сказать,
Что и я поэтом стану,
Буду книжки сочинять.

Ну, а если — всё же, всё же! —
Бог не даст таланта мне,
То читателем хорошим
Я сумею стать вполне.

ЗА ГРИБАМИ

Я вчера сказала маме:
«Не сходить ли за грибами?
Или лучше подождём,
Чтоб не мокнуть под дождём?»

Утром вновь сказала маме:
«Может, сходим за грибами?..»
«Нет, — сказала мама строго, —
Подождём ещё немного!..»

У грибов свои порядки —
Поутру грибная рать
С грибниками любит в прятки
После дождичка играть.

Вот чуток просохнут кочки,
Солнце высушит росу,
И объявятся грибочки
Под деревьями в лесу.

Рыжик, скрипица, горькушка,
Груздь, белянка, зеленушка,
Шампиньоны и свинушки,
Сыроежки и волнушки.

Хороши грибы в сметане —
Убедитесь в этом сами!

ПАСХА

Настала Пасха — день счастливый.
Мы в церковь куличи несём.
Корицей пахнет и ванилью,
Сирень бушует за окном.

Народ у храма прибывает.
Все улыбаются вокруг.
Куличик словно предлагает:
— А ну-ка съешь меня, мой друг!..

Но я не съем тебя, куличик,
Покуда ты не освящён...
И заглушает пенье птичек
Высокий колокольный звон.

Я иду по солнечному лугу,
И на сердце у меня легко.
Я нарву букет ромашек другу.
Он сейчас от луга далеко.

Будет мой букет ему подарком,
И на сердце станет веселей
От цветов моих душистых, ярких,
От весёлых солнечных лучей.

Вдоль пруда гуляют важно утки,
Облака плывут, к себе маня.
Я нарву для друга незабудки,
Пусть не забывает он меня!

Листья наземь опадали,
Под ногой у нас шурша.
Мы тогда ещё не знали,
Что у листьев есть душа.

И шептались, и шуршали,
И, тоскуя о тепле,
Каждой жилкой припадали
К милой матушке-земле.

Только мать-земля не знала,
Как спасти от ветра их.
Жгучий ветер умоляла,
Чтоб скорее он затих.

Ну а ветер непокорный,
Не желая ей помочь,
Деловито и упорно
Гнал листву из парка прочь.

ВETERАНУ

Я долгое время жила и не знала,
Что рядом со мной проживает герой.
Обычный герой по фамилии Павлов —
Великой войны фронтовой рядовой.

Звала его в детстве я дедом Илюшей.
Потом его стала по отчеству звать.
Рассказы его интересно мне слушать —
Умел он Россию в бою защищать!

Голодный, худой, замерзал он в окопах.
В атаку вставал из последних он сил.
Не только Россию, но даже Европу
От злобных фашистов он освободил.

Ходил он в разведку в ненастные дали,
Где пули стальные без промаха бьют...

Награды его — ордена и медали —
Сверкают теперь, как победный салют!

ПРОЩАНИЕ С ДЕТСТВОМ

Глоток последний детской жизни.
Хочу я время обмануть.
Смотреть на жизнь сквозь блики призмы
Ушедших лет в далёкий путь.

Что детство в прошлом оставляет?
Любовь, опеку, благодать.
А будущее предрекает
Мечты, что может и отнять.

Вопрос насущный — кем же быть! —
Откладываю раз за разом.
Все краски детства позабыть
Не может неокрепший разум...

Пока ещё пугливо прячусь
В заботы суетного дня...
Ну где же ты, моя удача?
Смотри, не прогляди меня!

Вдыхая нервно дым твоей сигары,
Я думала — ты гадко поступил,
Когда в своём прокуренном рок-баре
Ты на другую взгляд свой обратил.

А мне казалось, я почти влюбилась,
Пробившись через дружеский барьер.
Но почему и ты, скажи на милость,
Как все — банальный пошлый лицемер?

Пускай несётся в адрес новой дуры
Твоих словес любвеобильных дым...
Неужто безразличен вид мой хмурый
Тебе, кто был так нежно мной любим?

Моя любовь в душе перекипела...
Я пальцем покрутила у виска,
И новую дурёху пожалела,
Достойную такого дурака!

Ты уже не заложница тела,
Ты проснулась, и ты ожила.
Ты восстала, как феникс из пепла,
И не будешь такой, как была.

Рассчитаешься щедро с врагами.
Мсть черна и взлелеяна сердцем.
Эта мсть в тебе зрела веками...
Но закончилось дерзкое детство!

А пока наблюдай безучастно
За агонией взрослого мира...
И да будет твой взгляд беспристрастным,
Не творя себе в жизни кумира!

ЖИЗНЬ

Жизнь мимо несётся, как бурный поток,
Разбитое сердце — разбитое чудо.
Никак не смириться, что мир так жесток,
В нём кровь, как вода, проливается всюду.

Побольше души да поменьше злодейств —
И сердце, и разум об этом мечтают.
Столкнувшись с барьером людских лицедейств,
Надежды на счастье безжалостно тают.

Врагам и друзьям все лукавства прощу,
Попав в западню бесполезного круга.
Но снова ошибки-вериги тащу
И твари последней готова стать другом.

Улыбчива и безмятежна на вид,
Пройду сквозь огонь, сквозь обман и увечья.
И снова душа в небеса воспарит.
Ведь что есть добро — не душа ль человечья?..

ТРАГЕДИЯ ИЗ НИЧЕГО

Швыряй на ветер, словно годы, фразы:
Ведь рокерам к тому не привыкать.
Кричи, что все вокруг — сплошные мрази,
Кричи про мать, а также перемать.

Из ничего трагедию раздуем...
Ведь ты вульгарной пошлостью пленён.
А я, увы, из касты чистоплюек,
Из коей рокеры не выбирают жён.

Уж много лет, как длится эта пытка —
Попытка быть во всём самым собой.
Я только саркастической улыбкой
Могу тебе помочь, любимый мой.

ВЗЛЕТАЯ НАД ПРОШЛЫМ

Никак не могу обрести я покоя,
Струится цианисто ревность по венам.
Я перед судьбой — как солдат перед боем,
К победам готовый — равно и к изменам.

На сердце — предчувствие скорой разлуки.
В весёлых глазах поселилась усталость.
А люди — актёры надуманной муки —
Опять репетируют пошлую жалость.

Под маской сарказма я снова спасаюсь.
Зачем горевать, что все люди продажны?
А я разве лучше? Вздохну и покаюсь,
Пусть Бог мне простит, остальное — неважно.

Кому-то боль первой любви растворяет
Такой милосердный цианистый калий.
А кто-то, рыдая, с высоты шагает
В небесные и непостижимые дали.

Ты лжёшь мне в глаза, я не спорю с тобой,
Измены предательский привкус изведав.
Но перед судьбой, как солдат перед боем,
Над прошлым взлетев, окликаю победу.

ОЛИМП ДЛЯ ГЕНИЯ

Олимп, где, прочим бездарям на зависть,
Пируют те, кто прославлял страну.
Здесь гении из праха возрождались,
И жизни их стояли на кону.

Не пощадил их век наш быстротечный.
Ведь жизнь не расположена к добру.
И современность ей важней, чем вечность,
И хеппи-энд всегда не ко двору.

Моя мечта — стать им своею в доску,
Хоть не поэт я, а простой придурок,
Поговорить с небритым Маяковским,
Терзающим свой тлеющий окурок.

Есенину пожать покрепче руку.
Назвать его по-дружески Серёжей.
Есенинской лирической мукой
Все наши души русские похожи!

Со Львом Толстым поговорю о славе,
Она порой над смертными смеётся.
А повезёт — сам Пушкин мне лукаво
И солнечно, как мачо, улыбнётся.

Ведь для меня они живее многих,
В убогой современности живущих —
Жующих, словоблудствующих, пьющих,
В пустопорожней суете снующих.

У них прошу совета и подмоги,
Хоть, говорят, они не всемогущи.
Все гении, хотя порой и строги,
Но очень сострадательны к живущим.

СУДЬБА ПОЭТА

Михаилу Корюкову

Поэтам суждено гореть,
Искриться, как протуберанцы.
Нет, мне не страшно умереть,
А страшно мне с тобой расстаться.

Поэта слово прогремит,
И пусть же, как нобелиаты,
Мы совершим в Стокгольм визит,
О чём мечтали мы когда-то.

Что жизнь поэта без мечты?
Она одна согреет сердце.
Но главное: есть я и ты.
Куда нам друг от друга деться?

Мы будем между звёзд бродить
По галактическим осколкам.
Урал не может не любить
Свою единственную Волгу!

Памяти Валентина Распутина

Воспоминания о Вас не подлежат забвению,
Пусть даже доживу я до седин.
Эпохи технотронной откровение,
Вы есть, вы будете, Распутин Валентин.

В литературе ничего не ново.
Но в мир иной ушли Вы столь некстати!
Побеждена негромким Вашим словом,
Я не найду вам равных в результате.

Я не прощалась никогда с Матёрой,
Урок французского сменяется английским...
Я думаю, что мы поймём не скоро,
Что к бездне не подходят слишком близко.

Чему Вы научить меня хотите?
Спасать Россию иль самой спастись?..
С укором из учебника глядите,
А тот учебник написала жизнь.

ДВОЕ

Облюбовав для строк двадцатый век,
Не рассчитав по-богатырски силы,
Они гадали — что есть человек
В мятущейся, растерзанной России.

Один прославил русскую деревню.
Другой лишь Революции был верен.
Один любил Россию, как царевну.
Другой в любви к России был умерен.

Пусть кудри одного подобны злату.
Второй черноволос, горлан циничный.
На гениев Россия так богата,
Но судьбы их России безразличны.

Их было двое, двое слишком разных.
И в то же время двое столь похожих.
Но образ той эпохи несуразной
Их волей и талантом подытожен.

А вы стояли на краю обрыва,
Где каждый вспоминает о своём?..
Осенний день — тоскливый и дождливый.
Листва вокруг, гори она огнём...

Ах листья, листья, что огнём горите?
Кто inferнальным взором вас прожёт?

Кто профессиональный искуситель
И совершил змеиный свой бросок?

Кто этот демон, властный надо мною,
Плеснул в бокал кровавое вино?..
Кто соблазнил, как яблоком, мечтою?..
Плевать, что вместе быть не суждено.

Бедою мне не быть! Вернусь с победой!..
Бесчестия не надо? Будь в чести!
Грешить боишься? Значит, исповедуй.
Моим не будешь. Значит, отпусти...

Валентину Устинову

Есть новости — от них спасенья нет...
Ты навсегда ушёл... И пепел
Всех недокуренных тобою сигарет,
С небес, как снег, летит, крылат и светел.

О чем мечтал ты в двадцать лет, отец?
О доблестях, о подвигах, о славе?
Ты теплоту остуженных сердец
Будил, я осуждать тебя не вправе

За то, что был ты от меня далёк.
За то, что ты не знал мои печали.
Что от разлуки долгой ты продрог
И счастлив был в разлуке той едва ли.

И за стихи, что ты не дописал,
И за любовь, не ставшую судьбою.
За те слова, что ты мне не сказал,
За женщин, недолюбленных тобою.

АЛЛЮЗИЯ НА ЛУКОМОРЬЕ

У Лукоморья дуб зелёный...

Вот ты какой — хвалёный дуб зелёный!
Хоть неказист, зато весьма удал.
Там каждый кот — не просто кот учёный,
А прямо-таки интеллеktуал.
На каждом дубе — золотые цепи.
Под каждым дубом — чёрный мерседес.
Русалки оккупировали ветви —
У них там свой интимный интерес.

Там интеллектом гопота исходит,
По падикам сидя на кортанах.
И речи заунывные заводит —
Про космоэкзистенций тлен и прах.

Самарское лихое Лукоморье
На тридцать три версты сквозит окрест.
Там каждая берёза на просторе
Поистине — невеста из невест.

Там на кривых заснеженных дорожках
Тебе охотно прикурить дадут.
Пока ты оклемаешься немножко,
Айфон твой трижды перепродадут.

Там восьмиклассницы, прекрасны ликом,
Вскрывают вены наперегонки.
Плейбои там исходят бабьим криком,
Их даже бить по морде не с руки...

Чего греха таить, и я была там,
С поэтами пила не только мёд.
И крыла всех пятиэтажным матом...
Кто был в Самаре — тот меня поймёт!

Я с жизнью играю ва-банк.
Ведь я осознала не вдруг,
Что каждый завистливый — враг,
А враг — это лучше, чем друг.

Любимый ступил на порог
И стал испытанием меня.
Зато научить меня смог
Быть льдиной в объятьях огня.
Мой друг, ты меня насмешил
И сам себе нынче не рад...
Ты стать мне врагом поспешил,
Быть другом страшнее в сто крат.

СЕССИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

От лекций вроде отстрелялась,
Грозится выпить кровь курсач.
Пока я музу дожидалась,
Явилась сессия — хоть плачь.

Червивый препод отыграться
На всех красавицах решил.
Мол, не хрен мне во снах являться,
Я вас об этом не просил.

Зато другой — красивый! — препод
Легко поставил всем зачёт.
Уж лучше бы поставил неуд,
Я бы к нему пришла ещё.

Видать, того и побоялся
Красивый препод — вот урод!
Хотя на лекциях смеялся,
Грозил, что вкатит незачёт.

Обломы без конца и края.
Опять не в лад и невпопад:
Уроды-преподы гоняют,
Красавцы ставят автомат.

ПРИЗНАТЬ И ПРИЗНАТЬСЯ

На кафедре так тихо и просторно.
А на душе печально и протяжно.
Я захожу к нему с улыбкой вздорной
И говорю невнятно о неважном.

Меня любовь к нему грызёт и греет.
Он тоже рад, хотя смущён немного.
Когда же наконец он осмелеет —
Его смущенье выглядит жестоко!

Я напоследок снова выдам колкость.
Он снова улыбнётся виновато
И снова не поверит мне нисколько,
Что я пришла не ради реферата...

ЭПИНЕФРИНОВАЯ СКАЗКА

К нашим бедам и глухо, и слепо,
И жестокосердечно подчас,
Равнодушное зимнее небо
Сложит грустную сказку о нас.

Мегаполис кипит, громыхает
И накручивает виражи.
От себя самого убегает,
Всё сильнее увязая во лжи.

И в объятых промозглой метели
Догорает лучистый романс.
Что есть жизнь наша в самом-то деле?
Резонёрство? Резон? Резонанс?

Паутину тщеславных ироний
Исцеляющий эпинефрин?
Как остался ты — сам ты не понял! —
С этой жизнью один на один?

СЧАСТЬЕ ВОПРЕКИ

Мне в гордом городе на Волге
Дана волшебная юдоль.
Да не гляди в глаза мне колко!
Ты для меня теперь не ноль.

Величина со знаком минус,
Ты плюсами не обрастёшь.
Пусть даже три столетья минет,
Другую ты не обретёшь.

В потёртой рокерской кожанке
Я рассекаю в Запанском.
И, как заправская волжанка,
Клянусь, любя, родимый дом.

Вчера заметили на Стошке
Девчонку, схожую со мной.
И каждой подзаборной кошке
В Зубчаге стала я родной.

В моём смятенье скрыта сила,
Так виски сладковат на вкус.
И в инстаграм я загрузила
Сто фоток про любимый вуз.

А в чём же мой секрет веселья?
Живу в печали, не скорбя:
Одной ноябрьской метелью
Мне город подарил тебя.

С таким подарком небо глубже,
И выше чаек хоровод.
И в каждой непролазной луже
Я вижу солнечный восход.

ПЕРЕДЕЛКИНО

Я могла бы к Переделкино прибиться,
Водку пить и никотин курить.
И у здешних старожилов научиться —
Прожигая жизнь, уму других учить...

Никогда на жизнь свою, мой друг, не сетуй.
Не всегда ты будешь молодой.
Пусть тебя одарит светом речка Сетунь,
Рыбой, рифмой, звонкою водой.

Я брожу по Переделкино приبلудой
И не сетую на Сетунь. Боже мой!
Хоть писатели — последние паскуды,
Но мне нравится такую быть самой.

Как же в нас так уживается всё это
И нахально называется стишком —
Акварельность дерзкой лирики поэта
И цинизма ледовитый снежный ком.

СЛАБОЕ МЕСТО

Старательно отводит взгляд
И держится сурово.
Какой он гад и ренегат
В хорошем смысле слова!

То мёдом сладко льнёт к губам,
То недопитым ядом.
И говорит: «Не надо драм!
Вот только драм не надо!»

Я потому и посему,
Чтоб быть ещё дороже,
И больше нравится ему,
Такой же стала тоже!

ПОДПОЛЬЕ

Здесь хлещут самопальный самогон.
Здесь неформат пентхаус и джакузи.
Давай ещё шавермы навернём
И пьяного бармена отвалтузим.

Клиенты плачут в тридцать три ручья,
А персонал исходит нервным стоном.
Принцесса в синих дредах — это я —
Снимает надоевшую корону.

Не надо ей ни водки, ни вина,
Ни косяков чумного сигаретъя.
Вчера ещё юна и влюблена,
Она взрослее стала на столетье.

Поэтами себя надменно мним,
Тусовочно прокуренные рожи.
Мы жизнь на ровном месте усложним.
Зачем? Да по-другому мы не можем.

Налей-ка, что ли, бармен, самогон!
Ментовские забудем заморочки!
В моей душе, поставленной на кон,
Пульсируют несбыточные строчки...

НЕНАПИСАННОЕ ПИСЬМО

Во царстве моём государстве
Владычество вьюги седой.
Покуда колдую с лекарством,
Почтовый свой ящик открой.

Фейсбук, инстаграм — что угодно! —
Открой и припомни наш спор.
Так глупо и так благородно
Я первой зарюю топор.

Ты снова во власти сомнений
И шпагу зарыть не спешишь,
Как миром не признанный гений,
С ехидцей про мир говоришь.

Опять независимо выдашь
Одну из убийственных фраз.
И душу сдает обида,
И дурость твоя напоказ.

Панельная клавиатура,
Языческих знаков семья.
Где каждая буква не дура,
И дура последняя — «Я».

Компьютера жёсткая память
Не хочет, не может понять,
Что как это просто — «Отправить»
И как это сложно — «Принять».

Вадим БАЛЬЗАМОВ

ДЕБЮТ

*Родился в 1969 году. Закончил филфак в «Лобаче» (ННГУ)...
Истинный ариец. Характер нордический. Прекрасный семьянин
и добрый самаритянин.*

Я жду вечернего заката,
когда случаются стихи,
когда прошедшее когда-то
меня берёт в свои тиски.

И пепел от сигары тонкой
бесшумно падает в тетрадь,
где слов застывшие обломки
мой разум силится собрать.

Как снег, белеет лист бумаги,
когда он не в ладах с пером
и капля подсолённой влаги
предательски дрожит на нём.

Я не рождён, чтоб быть поэтом,
мне людям нечего сказать.
Всё сказано о мире этом,
но мне как друг — моя тетрадь.

Друг, отвлекающий от скуки
и нужный только для того,
чтоб сердце избавлять от муки —
непостижимости ВСЕГО.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

(Вариант первый, романтический)

Смущаясь, Вы снимали платье,
и белизна нагого тела
была прикрыта лишь распятым,
что на груди у Вас желтело.

За окнами кружилась вьюга,
ночь незаметно надвигалась,
и нам, в объятиях друг друга,
минута вечностью казалась.

Мне тело Ваше отвечало
на ласку — чувственной дрожью.
Я видел в Вас любви начало
и благодать в Вас видел Божью.

И мне казалось, что последней
любовь начавшаяся будет,
что время на часах в передней
застынет и о нас забудет.

За окнами кружилась вьюга,
а мы, одни в пустой квартире,
считали годы друг без друга,
растраченные в этом мире...

ВАРИАНТ ВТОРОЙ *(Тригикомический)*

Смущаясь, Вы снимали платье,
и белизна нагого тела
была прикрыта лишь распяьем,
что на груди у Вас желтело.

За окнами кружилась вьюга,
ночь незаметно надвигалась,
и нам, в объятиях друг друга,
минута вечностью казалась.

Мне тело Ваше отвечало
на ласку — чувственной дрожью.
Я видел в Вас любви начало
и благодать в Вас видел Божью.

Услышал я шаги в передней,
в миг, когда мысль ко мне явилась,
что Вы — мой дар любви последней,
что так, по сути, и случилось.

В краю, где только тьма и звёзды,
теперь я ангелов целую.
Тогда спросил я слишком поздно:
— А муж Ваш точно во вторую?..

Уйти и вновь вернуться — вот мой крест,
в чужих краях не обретя приюта,
покой оставив благодатных мест,
но к новизне не отыскав маршрута.

К тебе вернуться, чтобы вновь уйти.
И изменить тебе, не изменившись.
И снова своё сердце принести,
от поисков бесплодных утомившись.

Когда-нибудь я жажду утолю.
Пойму, как свято то, что с нами было.
И в сотый раз, наверно, объясню,
что новой страсти сердце уступило.

Но страсть подолгу в сердце не живёт.
Она как сон, мираж в пустыне белой.
Твоя ж душа всегда в любви цветёт,
в противовес моей — оледенелой.

Но верю я — к ней прикоснёшься ты
и в тот же миг растают эти льды...

Начиная с чистого листа,
не приемля пошлости и фальши,
как художник около холста,
я стою и думаю: что дальше?

Открывая новую тетрадь,
где пока ни строчки и ни слова,
Я пытаюсь что-то написать,
но куда сердце не готово.

То, что написал, пора бы сжечь —
и освободить себя от плена,
всё, что передать способна речь,
сердцем забывается мгновенно.

Начало марта. Серый день.
Вновь небеса не распахнулись.
Нет никого вокруг, лишь тень
моя среди размытых улиц.

Пред неизвестностью пути,
пред неизбежностью кончины
стараюсь я вперёд идти,
для жизни находя причины.

И думаю, причины есть
у жизни хрупкого сюжета,
иначе для чего я здесь
и для чего судьба мне эта...

Не трогай, Время, милые черты
возлюбленной неведомой моей.
И небом, и землёю правишь ты.
Прошу тебя, будь милостиво к ней.

Её для нашей встречи сбереги
в нетронутой годами красоте.
И мне, как друг надёжный, помоги
найти её в холодной пустоте.

Не буду я себя приукрашать
и праздной мыслью омрачать чело.
И, встретясь с ней, сожгу свою тетрадь,
в которой прежде маялось перо.

И Время, что вело друг к другу нас
невидимой и долгою тропой,
к нам благосклонно будет в этот час
и наградит единою судьбой.

Ты добавишь каплю грусти,
каплю грусти в омут глаз.
Мы с тобою всё отпустим —
разлучающее нас.

Мы отпустим тьму ночную,
что нависла за окном,
мысли, что не я целую
твои губы перед сном.

Мы отпустим память прежних,
нас с тобой не знавших, лет.
И в объятьях самых нежных
встретим в первый раз рассвет.

Вы так прелестно улыбнулись,
что чувства лучшие проснулись
в моей измученной душе.
И я подумал: в неглиже
её ведь кто-то созерцает.

От зависти изнемогает
мой взгляд, и сердце в тон ему.
Мадам, скажите, почему
Вы так божественно прекрасны?
Кто Вас окутал негой страстной?
И очи Ваши не забыл
и той же негой напоил,
В зрачок вложив искру лукавства
и мягкость женского коварства, —
то, что не ранит — умилит,
волнением лёгким наградит.
А губы? Вот была бы встреча...
Вам руки опустив на плечи,
с устами Вашими сойтись.
По шее пальцами пройтись.
И ими же груди коснуться,
себя щипнув, чтобы проснуться
и, осознав, что Вы — не сон,
не сдерживать ни вздох, ни стон,
Вас обнажая, но не страстно,
а медленно, легко, чуть властно.
Ласкать ночами Ваше тело
и свято верить, что хотело
оно годами рук моих.
И что в объятиях иных
Вы лишь притворствоваться могли.
Что судьбы наши нас свели —
сегодня, в этот миг волшебный,
когда Ваш облик совершенный
навсегда мною завладел.
Поверьте, Вас так не хотел
никто ещё на свете белом.
Я покорён — и Вашим телом,
и золотых волос венцом,
и более всего — лицом,
которое всегда лучисто.
И магией улыбки чистой
я очарован навсегда.
Вы — моя радость и беда.
Беда — поскольку Вы не вечны.

А радость в том, что безупречны
и предо мной обнажены.
Нам губы для того нужны,
чтоб душу с плотью сочетать
и чувств гармонию познать...

Вот ещё один день прошёл
из тех дней, что всегда проходят.
И опять я Вас не нашёл.
Может, Вас просто нет в природе?

Может, в веке прошедшем Вы
на планете гостили этой?
Может, умерли от чумы
или стали жертвой вендетты?

В каждом лике ищу я Вас.
И, похоже, мой поиск вечен.
Лишь во сне Вы являлись раз.
Только был тот сон скоротечен.

Этот сон до сих пор со мной.
Ну а я... Я брожу по свету
и ищу Вас в толпе людской.
Но, похоже, Вас всё же нету.

СИРЕНЬ

Природа радуется маю.
Из дома выйду поутру,
тебе сирени наломаю,
кустов пятнадцать обойду.

Сложу у твоего порога
благоухающий курган,
нет в мире лучшего предлога
начать выстраивать роман.

Ты по звонку откроешь двери.
Сирень увидев, всё поймёшь,
в мои объятия — я уверен —
без колебаний упадёшь.

Сирень моя, моя отрада!
Всегда ты скрасишь серость дня.
Ты и для женщины услада,
и лишний козырь для меня.

Выезжаю утром на дорогу,
на дороге ждут меня менты.
Я не пью подолгу и помногу.
Взгляд мой ясен. Помыслы чисты.

Жигулёнок мой — моя обитель,
помесь старины и простоты.
Скажут мне менты: «Привет, водитель!»
Я в ответ им: «Здравствуйте, менты!»

Мне напомнят, что вчера был праздник,
что я подозренья в них бужу.
Но я далеко не безобразник
и машину пьяным не вожу.

Всё ж меня обнюхают с любовью,
ведь не все водители святы.
Спросят: «Пётр Иванович, как здоровье?»
Я отвечу: «Хорошо, менты!»

На их лицах вижу я страдание,
разочарование и боль,
ведь в моей крови, при всём желании,
не найти вчерашний алкоголь.

Тяжело со мной им расставаться,
но что делать, надо отпустить.
Их удел — в нас, грешных, сомневаться.
Наш удел — им повод не давать...

Я Вас просил меня забыть,
но Вы мне в этом отказали,
меня тем самым обязали
Вас до скончания лет любить.
Я думал: любят только раз,
а после быстренько уходят
и что-то новое находят,
как я нашёл когда-то Вас.

Теперь мне не сбежать, увы.
И я Вас этим утешаю
и мысленно себе внушаю,
что, может, счастье — это Вы?

На свете всем не угодить,
и всех уроков не усвоить.
Ты можешь чью-то жизнь устроить,
а чью-то можешь погубить.

В ошибках каяться своих
и повторять ошибки эти.
Быть мудрым для одних на свете
и дураком быть для других.

Прыщ на женской ягодице
выскочил, и не уснуть.
Мыслью женщина томится:
вдруг увидит кто-нибудь?

Вдруг пристроится мужчина,
как нарочно, с тыла к ней,
глянет вниз, а там прыщина
пышет свежестью своей.

«Это что за чертовщина!» —
отшатнувшись от прыща,
в страхе закричит мужчина,
к отступленью путь ища.

В тон ему воскликнет дама:
«Да вы, батенька, эстет!
Разве прыщ на попе — драма?
Драма — если попы нет!»

Успокоенный мужчина
лишь руками разведёт,
выпьет чашку капучино,
к даме спереди зайдёт.

Страсти прерванная тема
актуальной станет вновь.
Прыщ на попе — не проблема,
в жизни главное — любовь.

Женщина не позвонила.
На свиданье не пришла.
Может быть, она забыла?
Может быть, кого нашла?

Может, просто не успела?
Или просто было лень?
Может быть, не захотела
на мужчину тратить день?

Может, колесо спустило?
Или муж не отпустил?
Может, сильно загрустила?
Может, стресс, упадок сил?

Торт вчерашний проклиная,
может, плачет третий час,
ибо юбка выходная
не налезла в этот раз?

Может быть, каблук сломала?
Прыщ нашла на животе?
Сериал посмотреть устала
и уснула на тахте?

Может, за буёк заплыла,
но не рассчитала сил?
Иль коня остановила,
ну а конь ей отомстил?

Ожиданием тиранить
может женщина века...
Как не стыдно так «динамить»
в наше время мужика?!

ОБЕРЕГ ОТ ДУРНЫХ БАБ

Меня ты после выходных
встречаешь скалкой или плетью.
Мне оберег от баб дурных
ты подари на двадцать третьё.

Чтоб эти бабы меня в плен
насильственно не забирали,
чтоб сторонился я измен,
о долге помнил и морали.

Ты видишь в этих бабах зло,
но я секрет тебе открою:
дурные бабы, как назло,
не так уж и дурны собою.

Без оберега дух мой слаб,
да и с тобою связь непрочна,
мне без него всех этих баб
не разогнать — я знаю точно.

Меня ты больше не кори.
Я — жертва. Мягче с жертвой надо.
Ты оберег мне подари.
Сама потом ведь будешь рада...

Я выпил с Вами бренди и уснул,
хотя так грезил о внебрачной связи.
Снял галстук, и рубашку расстегнул,
и отключился на последней фразе.

Проснулся утром, Вас и след простыл.
Исчезло всё, включая пианино.
Будь моя воля, я бы запретил
свободную продажу клофелина...

ЁЛКА

От меня в быту так мало толку,
что уже четвёртую неделю
просишь ты, чтобы я вынес ёлку,
ибо дело движется к апрелю.

Речи твои страстны, взгляды — колки.
Ты твердишь, что мужики в округе
в январе выносят свои ёлки,
и за это хвалят их супруги.

С пола подметаешь ты иголки
и во мне рождаешь ощущение:
если мы избавимся от ёлки —
потеряем повод для общенья...

СУПРУЖЕСТВО-2

Стоял прекрасный летний вечер.
В сенях поскрипывал сверчок.
Зажёг в опочивальне свечи
с довольным видом мужичок.

— Тебе сюрприз я приготовил, —
торжественно сказал супруг.
Жену «сюрприз» обеспокоил:
— Ты пульт не потерял, мой друг?

— Не будет, как на той неделе:
ты вроде бы меня ласкал,
но подо мной на самом деле
ты пульт от телека искал?

— Нет, это лучший из сюрпризов.
Он под подушкой. Доставай!
Он исполнитель всех капризов
и знает путь кратчайший в рай.

Жена полезла под подушку
сюрприз желанный доставать.
А там — китайская игрушка,
вибратор дюймов в двадцать пять.

Жена лишилась дара речи.
Муж повернулся на бочок.
Стоял прекрасный летний вечер.
В сенях поскрипывал сверчок.

Я же вижу, как меня Вам хочется.
Вижу это в блеске Ваших глаз.
Только заразить Вас Одиночеством
мне совсем не хочется сейчас.

Я немного ранен Вашей нежностью,
и по сей причине — инвалид.
Только заразить вас Безнадежностью
не могу. Мне совесть не велит.

Вам найти кого бы поприличнее
И прижаться к верному плечу.
Заразить могу я Безразличием,
но сегодня точно не хочу.

Стоит ли со мною Вам морочиться.
Но уж раз я чувства в Вас бужу,
да и заразиться Вам так хочется,
я Вас лучше гриппом заражу.

— И в сорок пять я вас любил, —
шепнул Иваныч тётке Розе.
Не о годах он говорил,
он говорил ей о морозе.

И спирт по чашкам разливал
любви потомственный новатор,
и с антресолей доставал
китайский тепловентилятор.

От этих действий мужика
была в восторге тётя Роза
и с умным видом знатока
спирт смаковала в малых дозах.

Постель Иваныч расстилал,
снабжал её электрогрелкой
и тётю Розу развлекал
то песней, то тирадой меткой.

И становилось жарко ей
от спирта, вздохов, разговоров,
от пылкости мужских очей,
от нагревательных приборов.

И воцарялось в пять утра
на градуснике плюс пятнадцать.
Иваныч восклицал: «Пора!»
Давал отмашку раздеваться.

Снимали оба зипуны.
Снимал одним движеньем властным
Иваныч ватные штаны
пред взором женским любострастным.

Любовь возможна в сорок пять,
Речь не про годы, про морозы,
когда есть чем обогреть
квартиру милой тётки Розы...

Не чихай в шкафу, мужчина,
если уж в него попал.
Прячься тихо, благочинно.
Помни, что ты не амбал.

Понадейся на везенье.
Вспомни, что мы все умрём.
В недрах шкафа есть спасенье,
но чихать не стоит в нём.

Кашлять тоже в нём не стоит,
даже если птичий грипп
твои бронхи беспокоит,
а из лёгких рвётся хрип.

Тот мужчина, что снаружи,
весит девяносто пять.
Он в морской пехоте служит.
Так что лучше не чихать...

Наталья ДОРОФЕЕВА

САКСОФОНИСТ

Саксофон нам дарит нежный блюз,
Сладко растворяя тишину,
И спокойна я, не слышен пульс,
Вспоминаю нашу я весну.

Улыбаюсь как бы невзначай,
Взгляд задумчив, и туманен он,
Может, пригласить его на чай?
Ну да ладно, это просто сон.

Саксофон влечёт к себе, зовёт,
Как прекрасен он, саксофонист,
А душа тихонечко поёт,
Вместе с ним... в ладу, в любви... на бис.

В ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Простите все за то, что я живу,
За то, что Бог дал красоту и силу.
За то, что я немножечко строптива
И вроде бы любима и люблю.

Простите меня, люди, за стихи,
Кто понимает и не понимает.
За все мои неожиданные грехи.
Простите все, кто в них себя узнает.

И мир я вместе с вами познаю,
Мои друзья, хоть вас совсем не знаю.
Простите, что я душу тем дарю,
Кому всем сердцем в жизни доверяю.

Я в этот день прощения прошу
У всех, кого ценю, о ком скучаю...
За вас молюсь и вас благодарю
За то, что с вами счастлива бываю.

В ПОРОКЕ ВЕЧНОМ

В пороке вечном — искушение и много страсти и огня,
Ты мой магнит, моё мгновение и жить не сможешь без меня...
Как много нежности и веры, не надо ждать, живи сейчас.
Не зная бесконечной меры, люби, страдай, мечтай о нас.

Не спит душа, она витает вокруг родной души другой
И очень точно понимает, как потерять легко порой
Любовь. И в вечности страдает, хранит своей мечты покой.
Оберегает и летает... смиряясь вновь с лихой судьбой.

И ДАЖЕ В НЕУЮТНОМ ФЕВРАЛЕ...

И даже в неуютном феврале ты можешь стать вдруг для кого-то летом
Или зелёной нежною весной, вся в счастье и любовь, в зарю одета.
А в марте, что с ветрами слёзы льёт и оставляет грязное распутье,
К кому-нибудь, поверь, любовь придёт,
мечты вернёт на самом перепутье.
А веточка сирени бьёт в окно, как будто хочет что-то рассказать,
Вся жизнь похожа на сюжет в кино,
и время не вернет былое вспять.
Наступит май, проснёмся мы от сна
и захотим опять как прежде жить,
Весна прекрасна, и зовёт она нас всех
с любовью нежной примирить.

УТРОМ ЖЕНЩИНА ПАХНЕТ СВЕЖЕСТЬЮ

Утром женщина пахнет свежестью, нежностью, безмятежностью
И ощущением нежной заснеженности,
счастьем и чаем с лимоном...
небрежностью.

Ласково ножками пол обласкает,
прошелестит шёлком утренних грёз,
Простоволосая, сладко-нагая,
плещется в ванной из утренних роз.

И, обернувшись в махровый халатик,
кофе заварит с корицей себе,
Солнышко светит, немного печально,
думы придут о весне и тебе...

Вдруг улыбнётся, и кофе остынет, ой, на работу могу опоздать,
Взглядом нестрогим себя вдруг окинет,
ну и сегодня опять двадцать пять.

Верьте не верьте. Реснички подкрасит, губки алеют,
и шлейф от духов,
Хоть сорок пять, ну а кто это знает, женщина —
счастье, пришла из веков.

СКВОЗЬ СОТНЮ ЛЕТ

Сквозь сотню лет, сказав привет, не расставаться никогда,
Идти в обнимку или вслед, быть вместе — это навсегда.
Глядеть вдвоём на небосвод... Смотри, как падает звезда!
И в этот, новый уже, год начать сначала, не беда...
Пусть говорят, что не войти нам дважды в реку (сквозь года),
Но нет прекраснее мечты увидеть вновь твои глаза...
В них раствориться, утонуть и целовать тебя везде...
И просто рядышком уснуть... Найдись, прошу! Ну где ты, где?

А ЖЕНЩИНА КАСАЕТСЯ ГУБАМИ...

А женщина касается губами того, кого сама она захочет,
И будет нежной сладкими ночами,
а сердце от разлуки кровоточит.
А истинная женщина рискует, отдавшись сразу, потеряет разум,
И, не жалея ни о чем, тоскует и ждёт ответа, ну хотя бы фразы...
А искренне как женщину тревожит,
что отдалась душевному порыву,
И это не оценится, возможно, но как в душе звучали переливы...
И только настоящая миледи полюбит вас отчаянно и честно,
Без предрассудков, ложного кокетства,
ей с вами будет очень интересно.
Но вы, познав её, не разглядели, сочтя доступной,
чувства растоптали,
А вы в глаза в блаженстве ей смотрели,
да только вы... вы этого не знали?
Доступной только с вами быть хотелось, а вы не оценили,
не простили...
Вы сами так когда-нибудь хотели?
Вы сами так кого-нибудь любили?

НЕ ОДНА

В суете бегущих быстро дней так хорошо
хоть иногда остановиться
И в городе мерцающих огней случайно вдруг
в кого-нибудь влюбиться.
На крыше дома вместе посидеть и провожать глазами звездопад,
Держаться за руки, о чём-то тихо петь или шептать
на ушко невпопад.
И прогулять на улице всю ночь, болтая просто так, да ни о чём.
А мама ждёт в волнении... где дочь?
Луна и ночь, конечно, ни при чём.
С утра с собою счастье захватив и искорки в глазах,
прийти домой,
Обнять кота, подушку нежно взбив, уснуть так сладко в думках,
что он твой.
А мамочка, конечно, всё поймёт, сама была когда-то влюблена,
Край одеяла нежно подоткнёт, помолится за дочку... не одна.

ЛЮБОВЬ

Она набросит капюшон из звёзд,
Пойдёт гулять по небесам волшебным,
Как нежен её лик, красив и прост,
Что всё вокруг становится душевным.

Её походка манит за собой.
И хочется бежать за ней по звёздам,
Смириться с вечной жизнью и судьбой,
Уверовать, что всё ещё не поздно.

Любовь во сне приходит иногда,
Согреет сердце и спасает души.
Она сама, наверное, судьба,
А может, вечность, что порою рушим.
Любовь — она спасение для нас.
Терпимости, добру, надежде учит.
И в омут мы летим влюблённых глаз,
Осознавая — счастья нету лучше...

О АНГЕЛ...

О Ангел, ты меня забыл?
Где без меня опять летаешь?
А я влюбилась, нет уж сил,
Ты мне совсем не помогаешь.
Любимый обо мне забыл.
Мой ангел, ты со мной страдаешь?
А мне казалось — он любил...
Ну, подскажи, что делать? Знаешь,
Амур мне сердце подстрелил,
Пока ты в облаках витаешь
И мысли чьи-то там читаешь.
Вернись, прошу, ну нету сил,
Тебя молю, ты в дымке таешь.
Мой ангел, ты же сам любил,
Когда на этом свете жил,
За что меня ты покидаешь...
Вернись, я знаю, он любил,
Ты счастье мне вернуть сможешь.
Мир без него мне невозможен,
И вечер скучный осторожен,
Он так со мною нежен был...
О ангел, остуди мой пыл
И помоги забыть мне ложе,
Где столько страсти подарил.
Я верю, он меня любил,
И нет на свете чувств дороже.
Мой ангел...

КОЛДУНЬЯ-НОЧЬ ЗАВОРОЖИТ...

Колдунья-ночь заворожит, приманит
И синим звёздным небом завлечёт,
Судьба нас временами сильно ранит,
А ночь вдруг приголубит и спасёт.

Ночной порою мне совсем не спится,
Смотрю с мольбою в бархат чёрных грёз.
И слезы, словно росы на ресницах,
На сердце боль, а на душе мороз.

А ночь колдует, беды убирая,
Неся с собой блаженство и покой,
Луна глядит, загадочно зевая,
День завтрашний совсем уже иной...

НАЧНУ Я С ЧИСТОГО ЛИСТА...

Начну я с чистого листа сегодня жизнь свою лихую.
Забуду прошлые года, кого любила — не ревную.
Кого я в памяти храню, пусть будет счастлив и здоров.
Да, я ещё его хочу! Да, на крючке его улов.

Он понимает, что поймал, совсем не хочет отпускать
И, пригласив мечту на бал, велит желанья исполнять.
Но силой воли и любви золотая рыбка сорвалась,
Повреждена и вся в крови, она свободы заждалась.

Плыву по воле волн быстрее, погони мне не избежать,
Я избегу его сетей и жизнь свою начну опять...
Начну я с чистого листа, перечеркну, переревную,
Его по-прежнему люблю и мысленно ещё целую...

ПРИДУ К ТЕБЕ Я В ОБРАЗЕ ПРЕКРАСНОМ

Приду к тебе я в образе прекрасном,
Вся в бесподобно и бесстыдно красном.
Взволную, полюблю и обесточу,
И все твои мечты я напророчу...
Чего захочешь, то и пить ты будешь,
Меня, родной, уже ты не забудешь...
Я буду страстной кошкой, нежной ланью,
Какой захочешь, все твои желанья...
Приворожил меня когда-то взглядом,
Не знаю, рада я или не рада.
С тех пор тебе душой принадлежу я,
Грешу с тобой во сне и наяву я.
Ты пьёшь до дна меня хмельно и страстно,
И наша страсть нежна и так прекрасна!
Волнуешь, манишь и слегка дурманишь,
То гонишь ты меня, то обжигашь,

Ты ветер мой, и в жаркую погоду
В тебя вступаю, как в морскую воду.
И, поцелуем твоим жажду утоляя,
Всё для тебя... С тобой в волнах я рая.

ДОБРО И ЗЛО — КАК СВЕТ И ТЬМА

Добро и зло — как свет и тьма,
Как два таинственных начала,
И вечность жизни у причала,
Бьют нас разлуки и шторма.

В Эдеме яблоня в цвету,
Опять, как прежде, бесконечность,
И надоела эта вечность...
Зло набирает высоту.

Свою мы познаём беспечность,
Летим, как в пропасть, в пустоту,
Срывая маски на лету.
Кидаем яблоко раздора
Ради наживы, славы, спора...
Предав любовь, забыв мечту.

КТО-ТО ПО ЖИЗНИ СХОДИТ С УМА

Кто-то по жизни сходит с ума
И проживает её бесконечно,
Кто-то не сходит, скучая в домах
У телевизора целую вечность.

Кто-то рисует шедевры в стихах,
Кто-то в них песни любви замечает,
Ловит снежинки, летит в облаках
И от любви, словно льдинка, растаёт.

Кто-то по трассе летит, как шальной,
Адреналин он нигде не находит,
Ночь почти, надо бы ехать домой.
Он к ней летит, а она не выходит.

Мастер, что пишет судьбы силуэт,
Ночною порой за мольбертом мечтая,
Тоже творит путь любви неземной,
Сходит с ума, пока Муза летает.

Лучше по жизни сходить нам с ума,
Верить, любить, ожидать тайной страсти...
Чем просто в быте погрязнуть и жить
Или не жить... Нет мечты, нет и счастья.

В МОРОЗНЫЙ ЗИМНИЙ ВЕЧЕРОК...

В морозный зимний вечерок
Приятно просто полежать,
Или к друзьям на огонёк...
Да лучше книжку почитать.

И помечтать о том о сём,
О лете, море и песке,
Зима совсем тут ни при чём,
Без солнца вся душа в тоске.

А снег искрится при луне,
А света мало, как всегда,
Я душу утоплю в вине,
А дней не длится череда.

Зову, зову уже весну,
Ручья журчанье, но метель
Заносит, я опять взгрустну,
Залягу, как медведь, в постель.

Совсем не хочется вставать
И на мороз идти с утра,
В метро тихонько досыпать,
Работа ждёт... Пора, пора...

И повторится каждый день,
Меняя смысл и слова,
А жить становится так лень,
В камин подброшены дрова.

УХОДИМ

Уходим... оставляя за собой
кто что... Кто след обид и травм,
А кто несёт всем по судьбе покой,
Залечивая словом много ран.

Уходим навсегда в небытие,
Оставив след из утренних рассветов
Тем, кто остался и был равен по судьбе
И вспомнит с рюмкой и слезами ваше лето.

Уходим, оставляя тут стихи, слова
И тишину вечерних улиц...
Уносим мы с собою лишь тоску
О том, что вдруг ушли, вдруг не проснулись...

Вернёмся... мягким выпавшим снежком,
Грибным дождём, приятно морозящим,
А может, солнечным вернёмся мы к вам днём
И ветром, весело по улицам летящим.

Уходим... поневоле или нет,
Неважно, главное — вернуться!
Для будущих свершившихся побед,
Добра во имя, снова здесь проснуться.

Какая прелесть в зимний день
Ловить снежинки на лету,
И в белоснежной неге — лень,
Болтать с подружкой ерунду.

Резвиться хочется и петь,
Кружиться на коньках по льду.
За чашкой кофе посидеть,
Забыв проблемы, суету.

Смотреть в окно на зимний лес
И думать только об одном,

Что в мире много есть чудес —
Любовь, мечты, уютный дом.

ОНА ТАК УСТАЛА ЖДАТЬ...

Она так устала ждать и смысла не видит жить,
Ну сколько же можно лгать себе... и, живя, не любить.
Она так устала другим себя и тепло раздавать
И по обстоятельствам жить, о женском счастье мечтать...
Ах, как бы ей просто любви... его нежных, ласковых рук,
Его поцелуев в ночи, и он бы ей выжить помог.

Но он не её, он чужой, но тоже, скрывая, грустит
И чувствует тихо её, а сердце, скучая, болит.
И руку б ему протянуть, и номер знакомый набрать...
В глаза бы её заглянуть и в счастье и нежность упасть.

НЕ НАДО КРУЖЕВА ПЛЕСТИ

Не надо кружева плести из слов любовных и печалей,
Ты просто молча отпусти ту, что с тобой была вначале.
Она уйдёт в ту даль с другим, где небеса вас не венчали,
Не нужен ей такой экстрим, любви вы с нею не зачали.

Да, страсть была, наелась ей сполна она и так порочно,
И не её совсем вина, что не смогла любить заочно.
Хотела, да! Достоин ты любви большой и откровенной,
Но не с тобой её мечты, она не будет тебе верной.

Прости её, благослови на счастье с тем, кого полюбит.
И ей спасибо вслед скажи за то, что, не любя, не губит.

МЕТЕЛЬ ИГРАЕТ ТАНГО...

Метель играет танго на просторе,
Метёт, и тихо слышится фальцет.
Январь скучает в ласковом миноре,
И пасмурность в природе, солнца нет.

А хочется искристости, и вроде
Мелькает солнце — радует, зовёт,
Но сырость и тоскливость снова в моде,
И музыка печали — словно лёд.

Январь с собою Новый год приносит,
Ах, хочется, желается чудес,
И сердце радости, морозности так просит,
Но почему-то серый плачет лес.

Зима, зима, тебя мы вместе просим:
Укрой брильянтовой красою небосклон,
Пусть сырость сгинет, как уходит осень,
А мы споём с тобою в унисон.

Ты видел обнажённой мою душу,
Лишь только ты, пойми, никто другой.
Спокойствие собою вдруг разрушил
Лишь только ты, желанный, дорогой!

Ты, только ты испытываешь счастье,
Которое хочу тебе дарить.
А если вдруг забудешь в одночасье...
Меня... я не смогу мечтать и жить.

Ты знаешь мои слабости и беды,
Тебе только открыта я всегда.
Ценю, люблю я все твои победы,
Живу тобою, знаю — навсегда.

И, истинность любви познав однажды,
Судьбу за всё, за всё благодарю:
— Никто не ступит в эту реку дважды.
Тебя я одного боготворю.

Я верю — не обидишь, не оставишь,
И, даже если где-то далеко,
Ты помнишь обо мне, и понимаешь,
И ощущаешь, как мне нелегко.

Я принимаю всё как есть, я знаю,
Судьбу порой не надо теребить,
С тобой, любимый, в облаках летаю,
А ради этого, конечно, стоит жить.

Уходят постепенно старики,
И у подъезда лавочки пустеют,
А мы бежим по жизни, не с руки
Нам замечать, как уголёчки тлеют.

Уходят наши мамы и отцы,
Уходят прямо к звёздам, не сгорают,
Их души так ранимы и нежны,
Они там, сверху, нас оберегают.

На старых фото видим их глаза,
Мы помним, любим и по ним скучаем.
— Какая моя бабушка была...
В себе мы их невольно продолжаем.

А ты, пожалуйста, прими меня всерьёз —
Мои слова, мой взгляд, мою улыбку...
Хочу сейчас задать тебе вопрос,
И ты, надеюсь, мне простишь мою ошибку?

— Кто я тебе, да и зачем я тут,
И для чего меня сейчас ласкаешь?
Ты сам-то — мой родной, любимый друг,
Зачем тебе нужна я, понимаешь?

Ты говоришь, что вовсе нет любви,
И без меня совсем ты не страдаешь!
Откуда же тогда огонь в крови,
И почему ты так меня желаешь?

Да, не ответил ты мне на вопрос,
Ни на один. Лишь, нежно так целуя,
Ты мне шептал:
— Я твой, твой... господин.
И как же я тебя ко всем ревную.

А я тебе, любя, вся отдаюсь,
Плыву я по волнам твоих желаний,
И до сих пор сама себе дивлюсь,
Где гордость? Нет её среди признаний...

Прошу, не принимай меня всерьёз,
От нежности я на твоём плече заплачу,
Ведь без тебя в душе всегда мороз,
С тобой же сердце, как галопом, скачет...

А всё ж сейчас прими меня всерьёз...
Я за тобой пойду сквозь страх и ветер...
А без тебя — лишь вьюги, море слёз...
Ведь лишь с тобой
мне ярко солнце светит.

Ждёт весточки с фронта мать,
А сердце щемит и болит,
Ни есть не может, ни спать.
Лишь Бога о сыне молит —

Чтоб выжил и только не в плен,
А если уж смерть, то мгновенно.
Победы все ждут, перемен,
И просят о ней сокровенно.

Прошли те былые года.
Всё меньше осталось бойцов.
Мы помним, скорбим и всегда
Чтим память дедов и отцов.

Подняться с колен не дадим
Фашизму и прочему злу.
Мы, Русские, скажем другим:
— За мир!.. Но мы помним войну.

Во власти милых заблуждений
Живётся просто и легко.
Не ценим яркости мгновений,
Взлетая очень высоко.

Не понимаем: больно падать,
Соломку надо подстелить.
Во власти милых заблуждений
Порой мы не умеем жить.

А жизнь всё по местам расставит,
Кому престиж, кому тюрьма.
Кому-то миром даст поправить,
Кому-то рифмовать слова...

Кто духом низок поневоле,
Богат и жаден, неумён,
С деньгами, он не видел воли,
Рабом богатства он рождён.

А кто-то счастлив ветром в поле,
На небе солнцем и конём...
И он не видит лучшей доли,
Чем быть свободным, жить с огнём.

Не возгордитесь лишь на воле,
Что все для счастья рождены.
Мы – миг, мы сделаны из боли,
В слезах Марии прощены.

Лев ПРЯХИН

К ЮБИЛЕЮ АЛЬМАНАХА «АРИНА»

Нам вдохновения

в наших стараниях

Необходимости нет

Где-то искать.

Нам потребно внимание (или «вливания»?!),

Чтоб с ним не кануть в кювет.

И дабы в будущем

все наши творчества

Не обращались в нули,

Наш вдохновитель,

Борис Анатольевич,

Так, как и прежде, рули.

СЛЕД В ЖИЗНИ

Дела ступили — выросли следы.

Года прошли — остались отпечатки

Бурь — в жизни, и судьбы — в глотке воды,

Благие действия и опечатки.

Отлейте в гипсе мимолётный след,

Пока волна в песок его не вбила!

И пусть потомки через сотни лет

Оценят вдруг, чем стало то, что было.

ПРАВДА ИЛИ ИСТИНА?

У каждого, где б он ни жил, человека

(в заглавнике) спрятана личная правда.

Иначе (увы?!) не случается

в образе (и — в виде роли живой!) исключений.

И даже когда она

всем замечательным целям преграда,

Не сможет (никак!) отвертеться он

от её (трепетных!) предназначений.

А всякая правда, хоть краешком,

вцепится (рано ли — поздно ли) в некие ценные истины

бодрой реальностью.

Содружества их настоятельны с тем, чтоб войти (быстро),
алгебраически, в сумму всех правд человеческих душ.
Такая (тревожная!) сумма (не каждый в отдельности
из этих несокрушимых слагаемых) связывает человека
(любого?) с головокружительной оригинальностью.
И тот, кто осилит её лабиринты,
отхватит (душе!) здоровенный (заслуженно!) куш.
Он будет цвести-процветать-отцветать,
защищённый надёжнейшей коллегиальностью
Сумм. Вместе с таинственной мистикой!
И станут его ублажать (через что?! —
каждый раз разбирайся: кто твой благодетель в законе),
и воздух, и суша, и море.
Вот только никто, из цветущих, не смог раскусить,
как влезают (влезают же!)
в суть человека не правды, а истины.
Где в них приспособилось счастье?
И как они предупреждают людей о крадущемся горе?

А У СЕРЕДИНЫ...

Отец... ты не принёс нам счастья.

Ю. К.

Успел со счастьем под венец.
Потом к последнему причалу.
Естественен такой конец
Проникновенного начала.
Но проклинает сын отца,
В суть оправданий не вникая.
И нет у прошлого конца,
И нет у будущего края.

КАК ЭТО?

Услышать бдительность оков
И сладкий привкус воли.
Увидеть внятны шёпот поля
И пение стихов.
Нить ариаднину вместить
От мудрости до детства.
Учуять верный путь смиренства
И на него ступить.

НЕ О КОПЕЙКАХ...

Всякий красавец достоин сложиться брюнетом.

Правда, не всякий способен им стать.

И при том, и при этом.

А претендент, тот, что как-то сплошал — и родился блондином,

Вынужден жизнь коротать небрюнетовым сыном.

Каждый спесивец достоин стать честным.

Только не каждому быть с чистой совестью,

как с чистой шеей, вполне интересно, —

причём повсеместно.

Лучше остаться в своей, эксклюзивной,

пусть дюже поношенной, шкуре,

Ибо иначе друзья (или?) сбросят его с очень

при(х)ватизированной очень лично им, но —

по шатеновой милости, — дури.

Каждый всевидец достоин (естественно)

жить подцензурным,

Дабы излишняя глупость его не выплёскивалась

слишком часто, особенно гейзером бурным.

Если не нравится быт коротать «на крючке», надо,

в мере крутой, соблюсти, непременно, условие:

Сделаться членом вовсю цензурирующего сословия.

Каждый лукавец достоин

взять и записаться в сообщество верных.

Но, непонятно, кому? И за что?

За какие-такие эклеры, химеры, аферы?

Если

ты

знаешь ответы на эти (и кое-какие другие) вопросы,

то будь — почему и кому без подсказок поймёшь —

верным братом,

То есть задумайся (можно не очень) и стань меценатом.

(Ну, а пока ты несметно умён, то прикинь:

следует ли спешить в ре-,

чтоб тут же попасть уже в де-

генераты?!)

Мыслями этими путными (не исключается — путанными:

не беда) не исперчены наши деяния

В части искательства,

Где во главе обобщений бодрит наше
искреннее прихлебательство.
Вот почему нам успех обеспечить готов лишь
крутой симбиоз индивидуализма и демократизма:
невиданные ни в какие века
прогрессивных прожектов влияния
На связи — вплоть до слияния.
Непобедимость есть следствие этого месива,
Если и не по себе нам от этого разнообразия
или хотя бы, — лишь только маленьчко, — весело.
А наше будущее шустрой мудростью,
непостижимой умом (лишь моим?)
до безоблачности (в гром любой!), приспособлено
К нашим потребностям. Необъяснимым — особенно.
Но, в пику им, существует с момента творения жизни
(узнать подноготную всю поспеши!)
Бесподобное благоустойство души
Человеческой! И вот оно все возможные
и невозможные свойства —
Проникновенные, безукоризненные, безупречные,
даже на базе попыток героических,
В целях сварганить проект совершенного мироустройства, —
Преобразует, надув только губы, — в ничтожные силы.
Если припрёт! Этим качеством душ утверждается:
ни при каких наживных оборотах,
Даже под радость победно шурующих оборотней
и прикормленных ими заложников зла — обормотов,
У человека нет прав никаких быть,
хотя б на копейку,
унылым.

БЕЗ СОМНЕНИЙ...

Если бы Ева не согрешила,
Если б Адама не соблазнила,
Были бы люди бессмертны?
Если б предательств они не познали
И не извели смертной печали,
Были б дела их бессметны?
Богом бессмертье животным не дадено.

Ни самым смирным и тихим, ни гадинам.
Хоть они воле Его подчиняются.
Есть доказательства: люди — животные.
Традиционные. Как и ретортные.
Что и по-старому, и по научно-пробирному
в неких трудах зачинаются
И неизбежными качествами начинаются.
...Значит, не могут быть люди бессмертны?
Все алгоритмы (от Бога!) безвредны.
И для живого, и для не совсем.
И не во всём.
Действуй по ним, и что будет, то надо:
падение, отдых, подъём.
Жизнь — твоя собственность?! Дудки! Заём —
С целью создать в полосе её ценное нечто в себе,
но — для всех.
И не даётся она за лукавые глазки.
Видно, предопределения — не злоязычные сказки.
Жизнь — это тропка к пути в нигудыкино
или в бессмертие.
И чем естественней ход её, тем она ближе к последнему.
Если в бессмертие, то не всегда, чтоб впрямую:
грехов наворочено нами бессчётно
на тропках к пути заповедному —
Лезвию! Но не свались с него, в скорбном стремлении
многоголосие дел своих выменять на междометия.
Если бы Ева в те дни баснословные не согрешила,
То (вроде бы безусловно) бездельничала бы с Адамом в раю.
Если б потомки библейского Ноя не вышли в Европу,
то им о вершине
Власти над миром пронырливым, грешным мечтать
не пришлось бы (не правда ль?) во всю безоглядность свою.
Но никакими потугами не сокрушить оболъстителем жизнь,
пока бдит в ней целесообразность:
Тот коллективный святой, до которого жаждет добраться
их, тёртый, закон.
Ну, а пока он всесилен,
да здравствует несуетливая праздность
Тела!! Чтоб был у души разворот
безо всяких хватистых и меркантильных препон.

Ибо душе нет причины вдаваться
 в подробности действия разума.
А он обязан работать на все половодья души.
И потакать с крайним тактом душевным заказам, а
Дело в том лишь, что как будто бы все её
 будто бы дерзости без «будто бы» хороши.

ОХ, КАК МАЛ ЗОЛОТНИК...

Большое разглядится с расстояния.
А малое рассмотрится вблизи.
Но чёткость — не хозяйка осознания:
Мысль по надеждам ни на что скользит.
Прогресс! Твои адепты вездесущие,
В бреду от грандиозности задач,
Столпились перед входом в дни грядущие:
В путь, общество! И — непременно вскачь!
В чём малое?..

 Где слух о нём, безропотном,
Обочины трамбуящем не зря?
В него (в нём жизнь?!) — взглядеться бы.

 Но хлопотно.

К тому же темпы холодом сквозят.
И — результат... В громадном — червоточина.
В нём не понять, где пропасть, где стезя.
...Чтоб не были надежды обесточены,
Лить дар духовный на вражду нельзя.

А МЫ ЧТО ПРИ ЭТОМ?

Если жизнь возьмётся закалять
Тело безобразием комфорта,
А душе, без сбоев, поставлять
Пищу злонамеренного сорта,
Если будет чутко, не спеша,
Школить нас догматами бельмеса,
Выйдет из учения душа
В трещинах от разбитного стресса.

И её, теряющую нить
Цели, заключённую в неверие,
Будет с тайной радостью судить
Полное «участья» лицемерие.

БЫТЬ ИЛИ НЕ ПЛЫТЬ

Если быть, то надо быть
В невесомости весомым.
Если плыть, то надо плыть
Не водой — борьбой несомым,
Волн смиряя желчь и прыть,
Чтоб течение не сносило.
Если плыть, то надо быть,
Чтоб всем это ясно было.

ЧЕМ ЧТО И КТО?!

Хуже то, что хуже,
Или то, что лучше??
Хуже — занедужить,
Лучше — не наскучить.
Чем хуже — чем что?
Чем лучше — тем кто?
...Чтт прошлое? Влезь
В Историю глубже.
Кбк было? Невесть,
Где лучше, в чём хуже.
Нашёл? Руби на:
Вот хуже — вон лучше,
И — где глубина,
Где мелкая лужа.
Узнал, пролистав
Века и эпохи:
Чем — будни, как сад,
В чём — истинно плохи.
И...

Хуже — где лучше,
А лучше — где хуже!
Секрет хитрой кучи —
Друзьям нашим в уши.

И, стало быть, — нам!
К бузе равнодушным.
В судьбе — простакам:
Ни хуже — ни лучше.
Премудрость даётся
Лишь Богу послушным.
В них знание бьётся:
О «хуже» и «лучше».
Хорошее — или?
Что просишь — не надо?
Тебя просветлили
Безудержной правдой?
Как знать... Но поверю,
Что истинен ты.
Распахнуты двери
Твоей простоты.
Чем лучше живётся
Любимому телу,
Тем хуже придётся
И телу, и делу.
Бестактная взбучка —
Спасения средство,
Чтоб не было лучше,
Чем требует сердце.
... Тебе, друг, спасибо:
Твой опус есть знак
Брать правду всю, ибо
Так надо... Итак:
Найди. Сопоставь
Эти «лучше» и «хуже».
Запутался? Сплавь
С победою ужас.
Чем хуже — тем лучше?
Пора бы начаться
В нас праведной буче:
Прообразу счастья.
Чем лучше — тем хуже
При тяге к комфорту:
Душевная стужа —
Итог перебора.

Чем хуже — тем лучше?!
Свирепствует разум:
Бесстрастный лазутчик
В конюшню пролазов.
У духа попутчик —
Правдивости база.
Ни хуже, ни лучше —
Как надо! И баста!!
...А,
 впрочем,
 послушал?
И ум к небесам!
Что хуже, кто лучше —
Осмысливай сам.

О ХЛЕБЕ, О ЗАЙЦЕ...

Если чёрный очень чёрствый,
Если чёрствый нипочёмный,
Не берите много,
Не судите строго.
Если серый очень смелый,
Если смелый очень серый,
В серого не метьте,
В смелого не верьте.
Если хваткий очень сладкий,
Если сладкий очень хваткий,
 Значит, хваткий — реалист,
Значит, сладкий — активист.

ОБ ОБОРОНЕ

Опять занудливо дожди
По лету умершему плачут.
Опять всемирные вожди
И правду, и неправду прячут.
А ты сидишь и тщетно ждёшь,
Пока просохнет мыслей донце,
И всё же веришь в то, что дождь
В потоках не утопит солнце.
Растёт вражда, и гнёт цветёт,
И чахнет искренняя дружба,
Поскольку сделали её
Оборонительным оружием.

ЛУКАВЫЙ

Благословил войну и мир,
Порок и благородство.
Назвал величественным — миг,
Кощунственным — уродство.
Отбил округлую черту,
Внутри (дурачит) — вечность,
И запустил туда чету:
Тщету и бессердечность.
Безвольна вечная тщета,
Бесплодна бессердечность.
...Он утаил, что есть черта,
Чьё имя — человечность.

ОТКРОВЕННОСТЬ НАКАЗУЕМА?

Задавлены в бетонных кольцах блочных
Речные боль и радость, грусть и страсть.
Мы тоже можем жёсткой оболочкой
Удерживать над чувств разливом власть.
Нам осторожность сил немалых стоит.
Но риском многие ль рулить смогли:
Вдруг буря берега устоев смочет,
Вдруг смерч сметёт привычек корабли,
Вдруг твёрдостью не убедим кого-то,
Вдруг бросим тень участием в судьбе?!
Куда сподручней модная забота:
Топить всё откровенное в себе.
...Разливы рек умеет чтить природа,
Вливая в них почтенность и степенность.
А мы не ищем к ближним нашим брода:
Дарить святую ценность — откровенность.

ПОБЕДА? ПОРАЖЕНИЕ?

Природа облачает нас в движения.
И, обозначивши, намёком, верный след,
Толкает к приручению побед,
Не приучая (вовсе?) к поражениям.
Утрат нежданных слишком горек плод,
Чтоб укрепить надежды и терпение
В душе и сердце,
 чтоб искать оплот
Основам жизни в тяжкое мгновение,
Когда, сорвавшись с облачных вершин,
С землёю встретишься и разумом, и плотью.
...Считай, что путь победный совершил.
И вот он — ценный! В опыта лохмотьях.

О СВЯЗИ ПОКОЛЕНИЙ

*Светлой памяти бабушки Анны
посвящается*

Дождик убаюкивает,
 дождь,
Голосом на бабушку похож.
Бабушка, зачем и почему
Песню ты оставила ему?
Дождику степенному,
 дождю:
Тишины беспомощной вождю.
Дождик успокаивает,
 дождь:
«Ты устал, умаялся. Ну что ж?
Отдохни, обдумай, подтянись
И тяни. В неведомую высь.
Бабушка б погорилась с тобой,
Да, видать, не суждено судьбой».
Дождик приговаривает,
 дождь:
«Бабушкин напёрсток не найдёшь.
Лик её не смотрит со стены,
Ей поминки ваши не нужны.
Ну, а ты... В твоё житьё-бытьё
Помнишь ли ты доброту её?»
Дождик,
 прокурорствующий дождь,
Нет мне оправдания... Но всё ж
Перестань морозно моросить.
Бабушка найдёт, как нас простить.
Нас, — её потомков, — с нею гуж
Стягивает: неразрывность душ.

Надежда ВАСИК

Здравствуйте!

Меня зовут Надежда Васик, в поэтическом мире известна под псевдонимом Чувственная Ромашка.

Родилась и живу в Москве. Работаю в военной организации.

Люблю жизнь, путешествия, смех и искренние улыбки!

«Увядая» от непонимания и равнодушия.

Мои стихи — это мои мысли и моя Душа. В них самовыражаюсь и размышляю. В них же ищу ответы на вопросы.

Буду «цвести», если мои произведения найдут отклик в ваших сердцах.

С теплом и нежностью, ваша Чувственная Ромашка

С ДОБРЫМ УТРОМ, МОСКВА!

С добрым утром, моя столица,

С новым днём, родная Москва.

По тебе ходят сонные лица...

Да и ты опять не спала...

Зажигала подсветкой нарядной

Александровский дивный сад.

И от сердца опять приглашала

Погулять на Старый Арбат...

И опять в ночи запрягала

Ты четвёрку коней на Большом.

И Кузнецкий мост отмывала,

Чтоб он радовал вновь красотой.

И в туманы рассветного утра

Ты влюблённых звала уговором...

Словно в розовом перламутре,

Как мираж... Воробьёвы горы!

Чтоб гулялось гостям отратно,

Ты фонтанов включала наряд.

Чтобы в зной от взвеси — прохладно,

Чтобы каждый тебе был рад!

С добрым утром, моя подружка,
С новым днём, родная Москва!
Подниму за тебя я кружку...
Чтоб и ты счастливой была!

Я бунтарка с игривым взглядом,
Всплеск стихийный, порой опасный!
И не страшно тебе быть рядом,
Когда взор мой пылает страстью?

Но порой я задумчивой ланью
На тебя с надеждой смотрю.
Между нами стена молчания,
И себя я за это корю...

Жизнерадостна и мила,
Все привыкли такую знать...
А ведь часто и мне не до сна,
И от грусти рыдаю в кровать...

Бесшабашна, бесстрашна, бессовестна.
Слишком много с приставкою «бес»...
Дайте жизнь мне простую, спокойную,
Без каких-либо громких чудес!

Мне бы счастья простого и чистого,
И любви, чтоб до смерти рядом...
Только как приговор от милого:
«Ты бунтарка с игривым взглядом...»

Моя рука в твоей руке —
Так сжаты пальцы...
Моя судьба твоей судьбе
Мечтает сдаться!

Мой взгляд в тебя день ото дня,
Как в омут, тянет...
И наша страсть сильнее огня —
Так нас сжигает!

И вот стоим — рука в руке —
Мы у обрыва...
Боишься ты, и страшно мне,
Хоть не труслива!

Прыжок вдвоём и навсегда —
Да в неизвестность...
И знать: назад уже нельзя —
Лишь только в вечность!

И понимаем — сложно как
Сейчас решиться...
И сделать этот первый шаг —
Ведь мы не птицы!

Потоком ветра, если что,
Нас не поднимет...
Мы упадём с тобой на дно
И там погибнем!

И если мы ошиблись вдруг,
Вцепившись душами до дрожи...
Не разжимая крепких рук,
Взлететь, увы, уже не сможем!

Но верю я, и верю свято,
Что мы уже не упадём...
Любовью мы под крылья взяты —
Лишь только ввысь, и лишь вдвоём!

ВЕСНА...

Весну на кончиках ресниц
Сегодня вновь увижу я.
И расскажу про стаи птиц,
Летящих к нам издалека —
Сюда, где вновь стучит капель
И где проталины ажурны.
А небо — это акварель...
В оттенках бежево-лазурных!
И свежий воздух талых вод...
Что пить его и не напиться.
Вот так и ждём из года в год —
Весну... на кончиках ресниц...

Лето. Город. Тополя.
Зной и пух — от них не скрыться!
Только душу распалят,
Не давая мне забыть...
Запах твоей кожи...
Прильнула щекою к спине,
За пояс крепко вцепилась.
На байке летим к весне.
Где же она заблудилась?

Опять снег лежит на асфальте,
На солнце задорно сверкает.
Выпал под утро некстати,
И даже, зараза, не тает!

Но этим нас не испугаешь,
Лишь крепче прижмусь я сзади.
Шепчу: «Я люблю тебя... Знаешь?»
Вдоль щёк развиваются пряди...

Вдыхаю я терпкость кожи
И запах твоих волос...
Мы так с тобой не похожи...
Покрепче сжимаю торс.

А скорость так будоражит,
«Харлей» наш, как птица, летит!
И ветер нам путь укажет,
Где море грозно шумит...

Бросается дико на скалы,
И брызги летят врассыпную!
И грохот чуть запоздает,
Обрушивши силу такую...

А мимо проносятся люди.
Машины и свет фонарей.
Мы скоро свободными будем,
Быстрее гони, быстрее!

И вот мы у кромки моря,
Шуршат по гравию шины.
Тебя поцелую вскоре,
Тебя, любимый мужчина!

Ты солью сегодня пахнешь,
Бензином совсем немножко...
Меня своей силой манишь,
Я ластюсь к тебе, как кошка.

А позже, гораздо позже...
Рванём мы всё дальше, дальше.
И снова я запах кожи
Вдыхаю, тебя обнявши...

МНЕ СНИЛСЯ СОН

Мне снился сон, что мы летали,
С тобой в прекрасной синеве.
И звёзды ласково мерцали,
Светлело небо вдалеке...
Мне снилось, что внизу под нами,
Между зефирных облаков,
Плыла земля, полна цветами,
И Ты — сошедшая из снов —

В прозрачно-дымчатых одеждах,
Смеясь, плыла со мною рядом.
Как воплощение надежды,
Дарила счастье одним взглядом...
Мне снилось, нежная постель,
Перетекая, словно ртуть,
Кружа, как в детстве карусель,
Манила в неге захлестнуть...
Мне снилось, ты, в смешных бантах,
Так крепко за меня держалась,
Но это был не детский страх.
Ты больше за меня боялась...
Что я не сдюжу, упаду.
И что нечаянно проснусь.
И без тебя я пропаду,
И непременно разобьюсь...
Мне снился сон, как мы летали...
Я не хотел бы просыпаться.
И там, где звёзды нам мерцали,
С Тобой бы я мечтал остаться...

ПРОЩЕНИЕ

Вот так обидишь невзначай,
Взрастив в другой душе печали...
И горьким ядом сладкий чай,
Хотя вчера ещё мечтали...
О счастье чистом и безбрежном
И о волшебном детском смехе,
О ласках тёплых, сладко-нежных...
Что не остынут и вовеки!
И вот одна... и ты один,
И я грущу, и ты грустишь.
Но я шепчу в ночи: «Прости...»
А ты... наверное, ты спишь.
Да, но, немного погода,
Лишь дуновенье у виска —
Твой поцелуй, любовь даря,
Даст знать — закончилась тоска.

И сердце вновь забилося ровно,
Не жмёт, не стонет, не болит.
И ты мне шепчешь в ушко томно:
«Спи, мой Котёнок... Бог простит...»

Я ХОЧУ СЕГОДНЯ СМЕЯТЬСЯ!

Я хочу сегодня смеяться!
Просто так, от чувств преогромных!
И бежать, свободе отдаться!
По лугам, по полям хлебородным!
Босиком, чтоб колело пальцы!
Налегке, чтоб стегали травы!
Под луною — шальные танцы!
Сладкий стон с твоих губ... в дубравах!
Чтоб кричать, пусть до рваных связок!
И шептать... и любить эту песню...
Ведь живу я в чудесной сказке,
Оттого, что мы снова вместе!

Смотрю я в омут милых глаз
И словно впитываю нежность...
Как получилось — свет погас
И нас сковала неизбежность?!

И как же так произошло —
Утрачены в душе рассветы.
Ведь столько лун для нас взошло,
А всё не найдены ответы?!

— Не уходи! — кричу в слезах. —
Останься на единый миг!
Но твой ответ:
— Увы, нельзя...
Преодолев свой горький крик,
Взмахну я раненым крылом
И в муках в небо поднимусь...
Души не понял ты надлом —
К тебе я больше не вернусь...

Растерянно ты смотришь вверх
И безнадёжен от неверья...
Журавль твой белый — нежный стерх —
В последнем па теряет перья...

НЕВЕСОМОСТЬ

Еле слышно... на кончиках пальцев
В Твою жизнь тихонько войду.
И впервые не буду стесняться,
Сняв покровы свои на лету...

Моё сердце из жёлтого плюша,
А душа — предутренный свет.
И глаза смотрят так простодушно,
Будто ждали тебя сотни лет...

Ну а может, мне это лишь снится?
Я не знала, что можно так верить!
И любовь бьётся пойманной птицей...
Не понять это и не измерить...

Не найти слов, чтобы сказать,
Как боюсь, что это исчезнет!
Нереально осознавать,
Что возможно после воскреснуть...

Раствориться в тебе без остатка,
Окунаясь в тёплую томность...
Потерпеть поражение в схватке,
И почувствовать... невесомость...

Мы романтики — люди крыш.
Авантюры повсюду мнятся!
Хохочу я... а ты молчишь,
Ты отвык открыто смеяться.

Мы романтики — люди крыш.
Мы снежинки ловим губами,
И танцуем... а ты стоишь...
Ты привык стоять за углами.

Мы романтики — люди крыш.
На гитарах надрывно рвём струны!
Ну а ты отчего грустишь
И в глаза мне смотришь понуро?

Мы во всём видим свет и радость,
Закрывая порою глаза
На чужую чёрную зависть,
На ошметки людского зла...

Мы романтики — нам несложно
Понастроить воздушные замки!
И под силу даже, возможно,
Пригласить на уик-энд русалку.

Мы во снах оседлаем драконов
И помчимся спасать принцесс!
Мы противники глупых законов,
Мы посланники синих небес...

И, считая ночами звёзды,
Обнимая меня — молчишь...
Ты поймёшь, но немного позже,
Что ты тоже... романтик с крыш...

Неверный взгляд, случайный смех,
Небрежно брошенное слово...
И мы теряем снова тех,
За кем бежать были готовы.

Хоть по стеклу, по жарким углям,
Но только с ним, держась за руки!
И потерять с ним счёт тем дням,
Что провели в большой разлуке...

Ценить, любить и доверять.
И относиться с уважением...
Чтобы любимых не терять
И не терпеть крах поражения.

Касайтесь краешком души
И прорастайте в них корнями.
Не создавайте миражи...
Любите тех, кто дышит вами...

В ЛУЧАХ ЗАКАТА

На песке стою в лучах заката.
Лёгкий бриз целует мою кожу.
Этот сон я видела когда-то.
И опять он сердце мне тревожит...

На песке не напишу я: «Возвращайся»,
Ты ведь никуда не исчезал.
Пока я под солнцем наслаждалась,
Ты волной мне ножки щекотал...

А потом, наигравшийся вволю,
Ты с отливом уйдёшь в океаны...
Лишь на коже крупинки соли,
Мне напомнят о тонких ранах...

Уложи меня на ладошку
И поправь прядь волнистых волос.
Поласкай за ушком, как кошку,
Вытри пальцем дорожку из слёз.

Я с тобой, ты меня не обидишь.
Не солжёшь, никогда не предашь.
Я теперь вся твоя, ты же видишь.
И колотит волнение-мандраж...

Ты ладонью вторую укроешь,
Защищая от бед и печалей.
Храм любви лишь для нас построишь,
Где нас жизнь сама повенчает...

Ты подаришь мне так много ласки,
Захлебнусь от нечаянных нег!
Может, принц из какой-то сказки,
Но реальный, живой человек.

Если всё же решишь покинуть
Сердца нежного тёплый свет
И любовь всю мою отринуть
На десятки и сотни лет...

Отпущу... уходи, миную —
Синих глаз немой слезопад...
И, свою боль в себе несую,
Обернусь я тогда назад...

Там лежу я в твоих ладошках,
Согреваясь теплом и лаской...
Я ведь просто твоя... немножко...
И быть может...

тоже...

из сказки...

Украду лебединные крылья.
Прилечу к тебе на закате...
Ты прижмёшь к себе очень сильно...
Пять секунд... и расстёгнуто платье.

Ещё миг — воедино сольёмся
Под уютные блики камина.
Мы сегодня друг другом напьёмся,
Наслаждаясь страстью карминной...

Ты наутро меня не отпустишь,
Принесёшь чашку крепкого чая.
И про крылья мои пошутишь,
В дальний угол их убирая.

Но ты знаешь, мой долгожданный,
Хоть и долго об этом молчу,
Хоть ты Богом в опеку данный,
Но сегодня я улечу...

Лебединые крылья достану.
И рубашку надену простую.
И, скрывая тонкие раны,
На прощанье тебя поцелую.

Я была тебе ангел-хранитель...
Но как ангел — больше не нужный.
Покидаю твою обитель,
Уходя босиком по лужам...

НЕЖНОСТЬ

Я подарю сегодня свою нежность.
Ты далеко... неважно... даже пусть.
Ты всё равно согласишься в безмятежность,
И в этот вечер нас отпустит грусть.

Взметнётся белой птицей окрылённой,
Ловя прозрачные ветра.
Почувствуешь: немножечко влюблённый...
И не отпустишь до утра...

Я подарю немножко вдохновенья,
Играть мелодия сегодня не устанет.
И наших душ теперь переплетенье...
И близость тел совсем не ранит.

Бальзамом в сердце проливаясь,
Залечит шрамы глупых встреч.
И мы, друг в друге растворяясь,
Пообещаем всё сберечь...

Я пока что тиха и безгрешна.
Перламутр с ароматом малины...
Моя нежность так безмятежна,
Мои мысли тоже безвинны.

Всколыхнусь, набегая на берег,
И по кромке «барашков» пущу.
Ты откроешь мне снова двери,
Если я тебя попрошу?..

Налетит вдруг внезапно ветер.
Рябь в душе... и мечутся волны.
Я теперь в бирюзовом цвете,
Но пока что ещё непокорна.

Если всё же скажешь мне «нет»,
Зачеркнешь недописанный очерк,
Облачусь в темно-синий цвет.
Но и этот цвет непорочен.

Замерцают вдали зарницы...
Небеса вдруг затянут тучи.
Слишком мало одной страницы...
Мы могли б написать и лучше...

СВЕТЛОЕ

На улице дождь... Солнца не будет,
Но новое чувство тебя вдруг разбудит!
Свернётся уютно на тихой груди...
Растопит в душе накопившийся лёд...
Оставит печали твои позади,
Подарит тепло и тихонько уйдёт.

А ты не поверишь тому, что случилось,
Но неосознанно будешь искать
Ту нежность в душе, что сегодня приснилась,
Которая снова научит дышать...

БУДУ ТВОЕЙ ВЕСНОЙ

Я буду твоею Весной.
Долгожданной. Капризной. Звенящей.
Неверной и озорной,
Но всё же всегда настоящей.

Я буду твоим жарким Летом.
Солнечной. Яркой. Страстной.
Наполнено тело светом...
И я становлюсь опасной.

И Осенью тоже стану,
Рыдая дождями в жилетку.
В пурпурном резном сарафане,
Укрою пледиком в клетку.

И снежной холодной Зимой
Я тоже, конечно же, буду.
Но только! Только с тобою
Я стану прекрасным чудом...

МУРМЯУЧНОЕ СЧАСТЬЕ

Твой дивный кот сегодня в трансе.
Забился, бедный, в уголок,
Когда красиво, в ритме вальса,
Домой ты даму приволок.

Сидит и наблюдает киска,
Пытается чуть-чуть шипеть...
Косит с тревогою на миску,
Вдруг попытается спереть

С утра добытую голяшку,
Что у хозяина стащил.
И да, пускай. Она милашка,
Отбить добычу хватит сил!

Так-так... А это что за новость?!
Достал гитару? Начал петь?!
Хозяин! Пропил ты всю совесть!
И как мне всё это стерпеть?!

Ну всё... Терпение иссякло.
Иду в неравный ратный бой!
...Но тело грозное обмякло —
Она погладила рукой...

И кот пушистый оказался
В кошачьем сказочном раю...
Пред ней сосиской распластался,
Мурлычет песни, как Баюн.

Прикрыл глаза, усы вразлёт.
«Мур-мяу — тут вот поласкай-ка».
Комок блаженства, а не кот...
Мур-мяу! У нас теперь хозяйка!

ПРОГУЛКА ПО ЛУЖАМ

А давай с тобой гулять по лужам!
Смеясь, подставляя дождю наши лица.
О как же, о как ты мне нужен!..
Такая любовь лишь может присниться!

А давай кричать о нашем счастье!
Нет! Не закрывай ладонью рот!

Я стою одна... в промокшем платье...
Целый день... неделю... может, год...

ЗАГАДОЧНЫЕ ЖЕНСКИЕ СУМОЧКИ

Сегодня любимый поднял мою сумку...
И удивился — брови на лбу!
«Ответь мне, невежде и недоумку,
Что напихала в сумку свою?»

Я призадумалась лишь на минутку.
Лишнего в сумке нет ничего.
Но всё же проверила, якобы в шутку,
Чтоб успокоить нервы его.

Так, косметичка, тут всё в порядке —
Пудра, тушь, карандаш и помада...
Планшет, телефон, к нему же зарядка...
Ну как же без этого — это всё надо...

Жвачка, конфета и шоколадка,
Аптечка, расчёска, лак для волос.
Для мыслей крамольных в клетку тетрадка,
Платочки бумажные (вытереть нос).

Чулки запасные. Большой кошелёк.
Книжка в хорошем таком переплёте.
Подаренный мужем милый брелок
И ручка смешная... в а-ля позолоте.

Ещё там альбомчик, карандаши...
Точилка, пастель для чудных эскизов.
И всё это нужно, всё для души,
А не от каких-то дамских капризов!

Ещё я нашла антисептик для рук
И связку ключей от всего и от вся!
И отвалившийся летом каблук...
Собственно, вот вся поклажа моя.

Но гордость коллекции всё же не это...
Муж как увидел — вошёл сразу в ступор...
В сумке на дне... затерянный где-то...
Грустит о былом «серебряный» штопор!

В сумочке женской куча секретов!
И не пытайтесь их все разгадать —
Это как остров, затерянный где-то:
Вроде и есть, а рукой не достать!

Собираю себя по кусочкам.
Где-то тут душа обитала...
Где-то в сердце был уголочек,
Где жила, дышала, мечтала...

Только сердце я не найду,
Но оно ведь должно где-то биться?
Ведь без сердца я пропаду,
В эту жизнь не смогу влюбиться...

Надо вспомнить, куда же дела
Я капризную эту мышцу,
Что смеялась и счастливо пела,
Превращалась в нежную птицу...

И к тебе всегда улетала,
Чтоб с твоим в унисон стучать.
Чтоб хозяйка счастливой стала,
Чтобы вновь научилась ждать...

Чтобы вновь научилась верить,
Не бояться проснуться ночью.
И в душе приручила б зверя,
Что дерёт её сердце в клочья...

Да, оно у тебя, это точно...
Ведь его тебе подарила...
Я себя соберу по кусочкам...
Позабыв, как сильно любила...

Я сижу высоко на крыше,
Щурю взгляд свой куда-то вдаль.
Где-то там ты живёшь, ты дышишь.
Я не вижу тебя, как жаль...

Может, мне опуститься ниже
И в глаза заглянуть прохожим?
Я ждала тебя долго... слишком.
Но теряю опять, похоже...

Но ты знай, я найду, конечно,
По следам на песке океана.
И пускай волны слижут спешно,
Я успею, твоя Неждана...

Я успею, мы сядем рядом
И сплетём наши пальцы вместе.
Ты обнимешь меня тёплым взглядом
И притянешь в игривом жесте...

Наши взгляды поспешно встретятся,
А потом засмеются в счастье.
И мне верится, как же верится,
Что минует теперь ненастье!

«И я больше не потеряю», —
Прошепчу тебе тише, тише...

Но пока я тебя не знаю —
Я сижу высоко на крыше...

ЛУННАЯ СОНАТА

Июнь. Сверчки. Ночной туман.
На кромке поля плачут струны...
И свет, похожий на обман,
Рисует что-то вроде руны...

Там Серп тончайший из мечты
Ткёт образ Милой и Лучистой.
Льёт перламутр с высоты
Блестящей нитью серебристой...

И ищет он среди стогов
Такой любимый силуэт...
В обрывках ветра, в дымке снов
Её поймать желает свет.

Но загрустил, упал на ветки
Вовсю цветущего инжира.
Запутавшись, как птица в клетке,
Взывал с тоской в бездонье мира.

Сентябрь. Потоки звездопада.
Инжир медовый на ветвях...
Играла лунная соната,
Раскинув ноты на полях.

И лунный Серп парил над Милой...
Струилась в серебре неспешность.
Окутав бархат плеч любимой,
Дарил любовь свою и нежность...

Диана КАН

ФОРТОЧКА

Протискиваясь в форточку, я ласковым тихим словом вспомнила сразу двух великих мужчин — Сталина и Есенина. Первого за то, что в «домах-сталинках» форточки не такие узенькие, как в хрущёвках. Второго как оправдание себе: «Если не был бы я поэтом, // То, наверно, был мошенник и вор...» Хотя причём тут вор? Воры-форточники регулярно лезут в чужие квартиры, а я впервые в жизни пыталась вылезти из своей. Где-то на задворках мелькнула мысль о том, как хорошо, что неделю назад я таки села на диету — и теперь просочиться на улицу шансов побольше, правда, всё равно велик риск, что форточка окажется тесна в бёдрах... Застрять наподобие Винни-Пуха не очень хотелось, но в итоге так и вышло...

— Да ты сумку-то сними! — участливо посоветовала досужая соседка, прежде едва здоровавшаяся со мной, на сей раз она стояла рядом в полном намерении руководить процессом извлечения меня из окна. — Сумка-то большущая, мешает.

Пришлось протиснуться обратно, снять сумку, положить на подоконник и лишь затем ощутить, как форточка разжала свои деревянные челюсти и выплюнула меня на землю. Хорошо, что хоть первый этаж, и рука легко дотянулась до оставленной на подоконнике во чреве квартиры-мышеловки сумки.

— Вы не подумайте ничего такого, — извиняющимся тоном начала было я свои объяснения ситуации, попутно отряхиваясь от налипшей на джинсы извёстки со стены старого дома.

— Да что ты, деточка!

Надо же, подумалось, эта вечная неулыба-старушка способна проникнуться сочувствием к кому-то, помимо бездомных котов, которых в изобилии подкармливает возле дома. Видимо, её участь — сочувствовать обездоленным, в категорию которых нынче попала и я.

— Я тебя помню, ты Зоина дочь... Не ушиблась?

Да уж! Ушиблась ещё как! Причём головой-головушкой! А скорее даже не я ушиблась, а меня, видимо, уронили в детстве родители, иначе бы со мной периодически не было так весело и мне, и окружающим... Иначе бы связку ключей в комнате я тупо не захлопнула! Иначе бы не попёрлась более четверти века назад

в нищую литературу, вместо того чтобы податься в текстильный институт... Иначе бы в детстве, вместо того чтобы лазить по заборам, драться с пацанами и крутить собакам хвосты, прилежно сидела за проклятым пианино, долбя этюды и адажио и зубря на сольфеджио про септаккорды с секундаккордами!.. Иначе бы не написала тонну невесть откуда упавших на мою голову стихов, где предрекла такое, что когда оно начало сбываться, за голову схватилась уже не только я, но и мои близкие люди... Иначе бы не наговорила в разное время людям, которые искренне меня любили и любят, такого, что просто доселе, спустя годы, волосы дыбом становятся... Иначе бы... Однако — странное дело! — я вдруг удивительным образом ощутила, что моё настроение, пять минут назад близкое к истерическому, резко пошло на взлёт. А тут ещё неожиданно выглянуло солнце, причем не чахоточно ноябрьское, а самое настоящее застенчивое мартовское. Жизнь вроде бы начала налаживаться.

Попрощавшись с соседкой и пребывая в лёгкой эйфории, я набрала телефон сестры.

— Привет, это опять и снова я! Никуда не отпрашивайся, я уже справилась. Да очень просто! Вылезла в форточку!

— Да ты что! — то ли охнула, то ли ахнула сестра, и в телефоне воцарилось молчание, показавшееся мне лучшим из комплиментов, когда-либо слышанных от обычно очень сдержанной сестры, между прочим, спортсменки-конницы, к тому же увлекавшейся когда-то спелеологией и прочими видами спорта экстремалки. Но даже сестра-экстремалка никак не ожидала от меня, никогда не отличавшейся спортивностью, такой прыти...

...Жизнь, конечно, начинала налаживаться, но ключи от квартиры тем не менее по-прежнему пребывали в комнате с хлопнутой дверью. Путь лежал к мужу на работу. Но предварительно надо было отзвониться ему, чтобы перестал метаться между начальством, у которого надо срочно отпроситься, и такси, которое надо срочно вызвать, чтобы привезти непутёвой жёнушке, вечно попадающей в истории, свой комплект ключей... Шагая в направлении мужней работы, опять вспомнила Есенина и подумала о том, как много, наверное, поэтов не состоялись по большому счёту только потому, что были недостаточно «мошенники и воры». Литературной техники в России явно недостаточно, чтобы быть поэтом. Нужен, как ни забавно звучит, романтизм, вследствие отсутствия которого мужчины

вначале просто перестали лазать в окна к любимым женщинам. А потом и попросту перестали пролазить в окна!

Хотя, если говорить о разбойных специализациях, то на «должность» вскрывательницы сейфов, дверей и так далее я бы определённо не сгодилась: все мои отчаянные, перемешанные с мольбами и матом попытки стать медвежатницей и открыть проклятую дверь с помощью ножей, вилок, шпильки, даже стамески с треском провалились. Дверь стояла насмерть! Воистину ногти понадобятся вам через полчаса после того, как вы их отстрижёте! Ровно сутки назад я, как назло, непонятно по какой причине расталась со своими длиннющими ногтями. А ведь, возможно, они бы меня выручили, как, помнится, выручали в аналогичном деле Остапа Сулеймана Берта Мария Бендера!.. Но что теперь о ногтях! Длиннющие и вызывавшие всеобщее удивление у женщин, они остались в прошлом накануне происшествия...

Ладно, с профессией медвежатницы не повезло, зато — кто на что заточен! — профессию форточницы я освоила с первого раза. Победа над форточкой буквально окрылила меня, я не шла, а летела по улице, даунически улыбаясь в лица недоумевающих (вроде не вечер пятницы!) прохожих. Окрыляло сознание, что я не просто мама 20-летней дочери, известная поэтесса, лауреатка, дипломантка, автор множества книг и несчётного количества публикаций, не только член редсоветов и даже, страшно говорить, член Союза писателей... Короче, состоявшаяся личность и приличная дама, песенка которой спета! Я ещё кое-что могу! Проходить сквозь литературные стены, которыми меня периодически окружают окружающие, мне привычно, и это для меня никакое не достижение, а будничная реальность. Но вот лазать в форточки!..

Муж Серёжа встретил меня озабоченной полуулыбкой. Увидев моё сияющее счастьем лицо, он оторопел... Такой счастливой я не ощущала себя давно! Как же мало порой надо для счастья! Порой достаточно закрывшейся двери и открывшейся форточки, чтобы понять: если нет выхода — ищи вход!

Виктор МЕЛЬНИКОВ

Виктор Семёнович Мельников родился в Казахстане, но «милым пределом» для него стала подмосковная Коломна. В этом городе он не только написал свои лучшие произведения — Мельников основал «Коломенский альманах», настоящий творческий Дом для писателей, поэтов, художников, публицистов Коломны.

До сих пор читатели воспринимали Виктора Мельникова только как прозаика. Но оказалось, что в глубине души его таился поэтический огонёк, шло творчество, которое автор не торопился открывать миру. Однако затаённая мелодия всё равно прорывалась в прозе: в лирических описаниях, портретах, картинах природы. Его сегодняшняя подборка стихов зазвучит во всеуслышание.

СТАРЫЙ ДВОР

Вхожу я в дворы проходные,
Просторные наши дворы.
Мне только они... не родные,
Так жалко ушедшей поры.

Мне вдруг вспоминается сразу
Немудрого детства житьё:
Три связанных пленника-вяза,
Меж ними трепещет бельё.

Наш двор в непрерывном движении,
Глаза у мальчишек горят:
В кустах разыгралось сраженье,
Один на троих — автомат!

Ещё далеко до победы,
Ещё во дворе не темно...
За столиком мудрые деды
С азартом стучат в домино.

И хочется пленникам-вязам
Послушать про давние дни
Седых ветеранов рассказы,
Но связаны крепко они.

Во всех моих бедах повинна,
На дивных своих каблуках
Идёт королева — Ирина,
Несёт моё сердце в руках.

Ирина... Какую ты стала —
Ведь столько прошло с той поры...
Гляжу я с балкона устало,
Как выросли наши дворы.

Но нет в них и памяти детства,
И думаю я об одном:
Сегодня душе — не согреться
На сером дворе проходном!

РУССКИЙ КРЕСТ

Вдали от струящихся рек, перелесиц
Нашёл себе русский последний приют:
Над каждой могилой вокруг — полумесяц,
И душною ночью цикады поют.

Здесь птица незна́мая крикнет спросонок,
Как будто душа кому знак подаёт.
Здесь русский наш крест — невесом он и тонок —
Свечой восковой у ограды встаёт.

Под белым крылом у холодной метели,
От русского отчего дома вдали,
У старой немецкой заснеженной ели
Меж серых надгробий кресты проросли.

Лишь травы чужие склоняются низко.
Здесь друг не положит на холмик цветка.
Ушедшей душе — что кресты, обелиски, —
Ей даже полынь — да и та не горька!

ТЕНЬ СОЛДАТА

Полыхало огнём... Сизый пепел от сёл
Расползлся по дальним оврагам.
Злобный вражеский строй Украиною шёл
Под когитистым — со свастикой — флагом.

Не дожив до Победы, я умер от ран —
Лишь берёзы пришли к изголовью.
Но мне чувствовать больно, как грязный Майдан
Истекает народною кровью.

И встаёт моя тень... Как бы с чувством вины
По земле своей горькой блуждает.
«Разве мы не гасили проклятой войны?» —
У живущих она вопрошает.

Не восстала моя Украина от мук
И не стала с Россией единой,
Если с факелом ходит бандеровский внук
И поёт сатанинские гимны.

Снова взрывы тревожат людей поутру,
Задыхаются пламенем зори,
И кровавые реки стекают к Днепру,
И чадит неизбывное горе.

Небо в синем облако купает,
Пахнет луг ромашкой, резедой.
Богоматерь Светлая, Святая,
Сохрани земли моей покой,

Чтобы зрело золотое жито,
Колосились мирные поля.
Чтоб в народе было позабыто,
Как горела отчая земля.

Мать украдкой слёзы прячет,
Самый близкий человек.
Ей врачи сказали, значит,
Что уж мой недолог век.

Что ж... Тогда, друзья, придите,
Да и вся моя родня,
И по-русски помяните
Непутёвого меня.

Да не этой, заграничной,
Недешёвой... Чёрт ли в ней?
А бутылкою «Столичной» —
Так привычной и ладней.

Приподнялся на постели,
Удивлённый кинул взгляд:
То — не вольные метели,
Это — ангелы летят.

В окна белые проникли,
Свет божественный тая,
И к судьбе моей приникли...
Будто вновь родился я!

Руки есть... И ноги вроде...
Оба глаза, как у всех.
Мне при всём честном народе
Появиться так — не грех!

Я из дома. Ветер в спину,
Полы рвёт, ядрёна мать!
Я пойду на Украину
С дядей Сэмом воевать!

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Последний выстрел прозвучал вдали.
Закончился последний смертный бой.
Упал на грудь измученной земли
Боец последний — парень молодой.

И как обидно: кончилась война,
А вот парнишка — нем и недвижим.
Земля дрожит, печалится луна,
И вьются тучей вороны над ним.

А он, безусый... — он мечтал любить,
Но пуля жизнь его оборвала.
В бою кровавом — лиха не избыть:
Здесь даже травы сожжены дотла.

Там, в смертном сне, — и пусто, и темно.
Кровь с гимнастёрки смочит частый дождь,
И ветер в материнское окно
Ворвётся с болью: мол, напрасно ждёшь...

А он на землю будет с высоты
Смотреть, как ангел... Ей молить добра...
И вспыхнут свечи — алые цветы —
Там, где совсем недавно смерть прошла.

Погаснет лето. Ляжет листопад,
И землю обновит снежинок рой,
И только ветер вымолвит: «Солдат!
Болят ли раны — там, в земле сырой?»

Старик смотрел советское кино.
И убегала линия сюжета
В его весну, в наивные рассветы.
Он видел: колосилось рожью лето,
Казалось бы — ушедшее давно...

И лентой мчались годы перед ним
Далёкие... И сполохи сирени,
Друзей, подружек дорогие тени
Вернули те заветные мгновенья —
Прозрачных майских парков вешний дым!

Та девушка... И не её вина,
Что с ним была стеснительно-сурова,
Что не успел сказать святое слово.
Настанет день — она приснится снова...
Но их любовь похитила война.

Судьба его оставила в живых.
Пришёл с фронтов — ни звания, ни чина,
Лишь седина да ранние морщины.
В России на слезу скупы мужчины,
И слава показная — не для них.

И видится ему который год:
Закрыт дождями перелесок дальний.
В окне встаёт понуро день печальный.
Над Родиной его многострадальной
Седой туман из-за морей плывёт.

И пусть хапугам нынешним смешно:
«Всего-то и делов — медаль «За Прагу»!»
Он целым миром понят и оправдан.
Он знает эту горькую отраду:
Смотреть почти забытое кино.

Наталья ЕРМЕНКОВА

Наталья Михайловна Ерменкова — поэт, писатель, публицист, переводчик. Председатель Союза русскоязычных писателей Болгарии, член Союза болгарских писателей и Союза болгарских журналистов, главный редактор русско-болгарского литературного альманаха «Отражения». Участник Форумов русскоязычных писателей зарубежья 2012 и 2013 гг. Награждена премиями Центра европейской культуры им. Альдо Моро (Италия) и «Русской газеты» (Болгария). Победитель конкурсов Интернационального союза писателей за 2016 г. — им. Ф. Тютчева и им. А. Грибоедова. Работала переводчиком, редактором в агентстве «София Пресс», издательстве «Свят». Автор более десяти книг: «Леди Есен», «Лирика», «Отражения», «Калейдоскоп», «Наташки» и др. Пишет свои произведения на русском, болгарском, английском. Ее стихи входят в двухтомник «История Союза болгарских писателей», антологию болгарской поэзии на болгарском, испанском, французском, португальском языках, сборник «Русскоязычные писатели зарубежья» (Москва). Печатается в литературных журналах Белоруссии, Украины, Крыма. Родилась в Москве, ныне живет в Софии.

СЛАВЯНСКАЯ ДУША

Душа славянская —
загадка вечная:
бескрайний горизонт и звездный океан...
А на черте его заветной не был
никто из нас.

Он Господом нам дан!

Славяне мы.
Что значит это имя?
Отвага, доблесть, честь —
не занимать!
На свете нет того, что не смогли б мы —
почти!
А может, лучше нам и не узнать...

Славяне — кровь моя,
моя и ноша.
Душа вселенская — одна на всех.
Любимый тяжкий крест
я ни за что не брошу,
ведь на земном пути ищу я не утех!..

«Писание о правой вере»
создателей славянского письма —
вот путеводная звезда,
доселе
нам светит в сумрачные дни она!

Толстой и Пушкин,
Ботев и Мицкевич,
Чайковский, Дворжак —
прославление Души...

Мы на Любовь обречены —
навечно —
и на тоску «славянскую» в тиши...

Щедра природа:
красота славянки
не раз звала на подвиги мужей.
Но русокоые свободные беглянки
оков не терпят,
нет для них цепей —
лишь те, что украшеньем носят
самопожертвенной любви своей!

В Улановой Джульетта умирает...
В «Вечерней жертве» Христов —
как Христос...

Душа славянская всегда страдает
за всех и всё на свете —
вот вопрос!
Понять причину трудно —
и не надо:

мы следуем пути, что Богом дан...
Душа славянская —
что за отрада! —
Звездою Северной по жизни светит нам!

ОТРАЖЕНИЯ

Отражается солнце в капле росы.
Отраженье луны купается в море.
Я в глазах твоих вижу отраженье любви —
дай мне Бог никогда не увидеть в них горя!..

Отражение вечности — в лике иконы,
в кабинете на полках — мудрость веков.
Отражение предков — в старом альбоме,
в куполах золотых — полет облаков.

Отраженье друзей — в случайных открытках:
в эсэмэсках наш век отразиться спешит.

Мое сердце еще отраженьям открыто —
и Любви, и Надежды, и Веры —
Души!

Вижу в зеркале я отражение мамы...
Отраженье любимого — в дочке моей...
А в болгарских березках Русь отражается,
ностальгия — в той песне, что спел соловей.

Отражение осени — в ливне трехдневном.
В грязном снеге — усталого города быт.
Отозвалась свирель заунывным напевом —
отраженье разлуки так в сердце звучит...

Отражение нашей с тобой человечности —
лай счастливый, вертящийся радостью хвост!
Море с небом в обнимку —
в своей бесконечности.

И начало начал: церковь, Бог и погост...

ЛЕДИ ОСЕНЬ

Все еще прекрасна, величава:
старость — не антоним красоты;
в блеске благородного металла,
чуть надменны строгие черты;
в доме, где приспущенные шторы,
в чуть увядших тонких кружевах
наклонилась Дама над фарфором.
Кофе след на старческих губах.
В платье абрикосового цвета,
оттененном черною каймой,
Дама появляется к обеду.
Стол изыскан, но вкушать — одной...

Осень, Вы — стареющая Дама,
не жалеющая золота Луны.
Вы — в оранжерее, и сквозь раму
Вижу: наклонились к розам Вы.
Осень, Вы — закат.
Закат печален:
тысячи свечей из синевы.
И как Леди — гордо, величаво —
нас покинете, не оглянувшись, Вы...

МОЙ АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Я нередко терялась
и искала обитель:
ну куда подевался
мой ангел-хранитель?

Не закрыл он десницей
от удара меня,
не увез в колеснице
от воды и огня,
не шепнул, мол, не слушай
больше льстивых речей,
не согрел мою душу
ото льда злых очей,

не примчался на помощь,
когда я так звала...

Только — вдруг! — поняла я,
как была неправа:
и сейчас он со мною,
раз дает мне Слова...

ПРЕДКАМ

Один мой дед на Соловках остался.
Был коммунистом. Заслужил «покой».
Из «бывших» перевоспитался
и над сохой в поле загибался
до старости глубокой
дед другой.
Казак вольным прадед был —
по маме.
Отцовский —
из дворян (отсюда гордый нос).
А прапра воевал
и с поля брани
России славу,
офицера честь,
дыру в кармане
и книгу —
150 ей! —
мне принес...

Елизавета МАРТЫНОВА

«Нежного снега милость выпала навсегда...»

Елизавета Сергеевна Мартынова родилась в 1978 году в Саратове. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета и аспирантуру при нём. Кандидат филологических наук. В 2003—2014 гг. — доцент кафедры русского языка и культуры речи СГАУ им. Н.И. Вавилова. С 2008 года по настоящее время — главный редактор журнала «Волга — XXI век». Публиковалась в журналах «Наши современник», «Подъём», «Волга — XXI век», «Луч», «Вайнах», «Введенская сторона», «Русское слово» (Чехия), «Русское эхо», «Новая Немига литературная», «Сура», «Гостинный двор», «Отчий дом», в альманахе «Новые писатели России», коллективном сборнике «Новые имена в поэзии» (Москва) и других изданиях. Многократно участвовала в Форумах молодых писателей России (2006—2012). Стипендиат Министерства культуры РФ по результатам Форума молодых писателей России (2006, 2010). Автор книг «Письма другу» (2001), «На окраине века» (2006), «Свет в окне» (2009), «Собеседник» (2012). Лауреат премии им. Юрия Кузнецова от журнала «Наши современник» (2008), годовой премии журнала «Сура» (2013). Живёт в Саратове.

Это и есть Россия —
Белый крылатый снег
И города родные
В оцепенелом сне.

Что бы со мной ни случилось:
Радость, любовь, беда —
Нежного снега милость
Выпала навсегда.

Выпала в город старый
На золотой горе
И никогда не тает
В медленном январе.

Нет ни домов, ни улиц —
Белая мгла строга.
Здесь фонари, нахмурясь,
светят на два шага.

Тонкая колокольня
Тоньше ночных снегов.
Окна домов — иконы
В белом окладе снов.

Словно бы снег усердный,
Время назад склоня,
Я прохожу сквозь сердце
Тех, кто любил меня.

Дальние и родные,
Все вы мои навек.
Это и есть Россия.
Память. Надежда. Снег.

На клочке бумаги без помарок
Пишет он волшебные стихи —
Непонятный, сумрачный подарок
За его проступки и грехи.

Что бы ни случилось в эту осень:
Кутежи, дуэли, снегопад —
Музыка его уже не бросит,
Все слова до Бога долетят.

Как снежинки в хаосе метели,
Как искринки заревой свечи.
Вот и жизнь прошла на самом деле.
Но не плачь, а слушай и молчи:

Смерть лишь сон, и долго не продлится,
Кончится когда-нибудь она,
И душа, таинственная птица,
Снова будет жить и петь — вольна.

Сквозь влажный обморок листвы —
Шаги, шаги, шаги.
Шуршат оранжево кусты
Рябины и ольхи.

Там вспыхнет, рядом подмигнёт
Искринкой дождевой,
И не кончается полёт,
Задуманный листвой.

Земли покатою мокрый бок
Касается небес,
И смотрит изумлённый Бог
На ярко-красный лес.

Неуловима красота —
Она сотворена
На краткий миг из тайны тайн
В былые времена.

Беспомощна её душа,
Как веточка, тонка,
И дождь ложится не дыша
В резную тьму листка.

И человек, что здесь прошёл,
Выходит сам не свой
В мерцающий туманом дол,
В поля с ночной травой.

Деревья начинаются с мечты
Об их стволах, о кронах незнакомых,
О чёрных гнездах — тихих, невесомых
На уровне лазурной высоты.

Деревья начинаются с ворон,
С их тишины тяжёлой, полусонной,

С их выкриков, гортанных и огромных,
С томительной зимою в унисон.

Деревья начинаются с листвы
Прозрачной и просвеченной навечно —
В обнимку с фонарём стоят беспечно
Они, не поднимая головы.

Деревья начинаются с тебя,
Огнём зелёным в сердце прорастают,
Как горькая весна, как злая тайна
И добрая — соседствуют, скорбя.

Ты не умешь вырваться уже
Из душного цветения мирского,
Из лиственного шума городского,
Пока не вспоминаешь о душе.

Чёрного неба тягучий мёд
Льётся за горизонт.
Кто эту тяжкую сладость пьёт
Вместе с ночной слезой —

Тот навсегда свободен, а я
Слишком земной была,
И оставалась — летя, скользя,
Птицей гнездо вила.

Чёрной звездой сияло оно
В гуще лохматых крон,
И облетала его стороной
Стая старых ворон.

И миновали слухи его,
И обходила беда...
Но капля неба — всего ничего —
Однажды коснулась гнезда.

И вот, как пропасть, зияет оно,
И видно в его окно,
Что смерти нет,
И уже всё равно,
И боль отменить не дано.

И видно: бежит затяжная вода
По стёклам домов людских,
По зеркалам невинного льда,
Светлым глазам тоски.

И всё скрывает небесный дождь:
Души, сердца, крыла,
И обнимает синяя дрожь
Землю, где я жила.

Бог есть листва и пустынная гладь
Мокрой дороги от края до края.
Тихий, разреженный воздух погладь —
Дождь опадает, как яблоки рая.

Слева — неоновый отблеск реклам,
Справа — грозы уходящей ворчанье.
Но неизвестно, куда повела
Мгла золотая: к любви ли, к печали.

И остановишься, чуть подождёшь.
Клён над тобой перестанет качаться.
Жаль, что окончился нынешний дождь —
Крошечный дождик, похожий на счастье.

Не имеет значения,
Кто окликнул тебя —
В позднем небе свечение
Возникает, скорбя.

Если ты оглянулась
На него так легко —

Это сердце столкнулось
Со своим двойником.

И внутри тебя — солнце,
Рыжий свет — листопад,
И дорога, что вьётся
Через облачный сад.

Там звенят самолёты
И цветут фонари,
И дома, словно соты,
Светят небом внутри.

И вблизи, и далёко
Протекает река,
Словно смерть, одинока,
Словно жизнь, глубока.

Но смерти нет — есть прерванный полёт,
Весеннее обыденное небо.
Пока душа безумная поёт,
Не надо зрелищ и не надо хлеба.

Ещё грачи над городом кружат,
Ещё в глазах черно от их мельканий,
Но вот уже бессмертьем воздух сжат,
И музыкой объаты даже камни,

Дома, деревья голые, асфальт,
Большие голуби и куртки нараспашку,
И неба синего звучит высокий альт,
И облака с дождём вздыхают тяжело.

И мы с тобой по улице идём,
Перегоня неизбежный ливень,
И сами мы становимся дождём,
Не ведая, когда и где погибнем.

Кондратий ЕМЕЛЬЯНОВ

НЫРЯЛЬЩИК ЗА ЖЕМЧУГОМ

Когда в волну отвесно я летел,
Она играла рыбьей чешуёй,
И воздух солью на зубах звенел —
Тогда забыл всех тех, кто вслед глядел
С кормы высокой. Бронзовой иглой
Я синеву бескрайнюю пронзил,
И синева сомкнулась надо мной,
Я торопился скрыться под водой,
Мне тишина лишь придавала сил.
Я погружался плавными рывками,
А воды становились всё темней,
Уже с трудом я вспарывал руками
Их немоту, когда почти на дне
Ресниц моих коснулись плавниками
Медлительные тени. Я не смел
Прервать их скорбный ход, но косяками
Они все плыли в свой, иной предел,
Как будто не пускали меня дальше...
Но я тогда лишь одного хотел:
Достать жемчужину, и черную. Тисками
Уже давила на виски вода,
И лёгких слишком слабых колыханья
Для тех глубин — я чувствовал — едва
Ли хватит, чтоб вернуться снова к людям,
Но только ход тот скорбный поредел,
Продолжил я опять свое паденье,
Поющие подводные теченья
Меня скрутили: в мутной высоте
Я камнем падал на земной предел
И видел все забытые виденья
Кошмарных снов покинутой земли.
И потому, когда из недр пещеры,
Улыбкой в мир ощерясь, труп всплывал,
Как памятник моей глубокой вере,
Темнеющей в пустотах его глаз,
Я равнодушно взглядом мерил метры,

Нас разделявшие. И мертвеца узнал,
Лишь только тени, разные в размерах,
На грунте выровнялись. Он — всплывал,
Я — шёл на дно и ни во что не верил.
Когда проник под каменные своды,
Меня увлёл водоворот мечты.
Там мягкий свет разбуженной звезды
Просачивался в золотые гроты,
И чёрный жемчуг там повсюду стыл
Зрачками человеческими. Вечность
Мне открывалась бездной красоты...
Морской звездой там был я изувечен.

БЕССОННИЦА

В то время ночное, когда утомлённые люди,
Укрытые сном, словно тонкою тканью плаща
От горьких дождей, прожигающих светлые будни,
Мечтают о солнце, но нежатся в лунных лучах,
Я тоже хочу раствориться в загадочной дали,
Не вспомнить о том, что когда-то читали глаза,
Что слух поглощал и чем лёгкие долго дышали,
О том, что когда-то кому-то зачем-то сказал.
Но бедное сердце меня поднимает с постели,
К рассвету опять заставляя мой взгляд обращать,
И я понимаю, что жизнь состоит из прощений:
Никто никогда никому ничего не прощал.
Тогда понимаю, что сам я — одно подражанье
Дрожанью росы и пустынным зыбучим пескам,
Паренью орла и змеиному колкому жалу,
Вселенной, которой так тесно в моих же висках.
Всесильный в усталом бессилии, вижу я часто
Далёкого предка — добычу свою волоча,
Охотник плетётся, и тянется песня о счастье.
Та песня печальная — исповедь с самых начал.
И мне ли прощать его жизнь или верить в отмщенье
За слабости предка, чьё солнце угасло в мощах?
Но солнечный свет продолжается солнечной тенью,
И мера спасения учит достойно прощать.
Но звёздного света и лунного ночью мне мало,

И страшно, что солнце надолго угасло во мне:
Не выгорит горе, не высохнет грязь, что пристала
К подошвам сапог, разбивающих твёрдость камней.
В мой жизненный век мы себя отстояли — сумели.
И видится время моё в тех разбуженных снах
То пулей, запущенной предком в далёкие цели,
То целью, и, видимо, цель у него не одна.
По тем ли дорогам бреду я в потёмках так часто,
Добытую предками тяжесть с собой волоча?
Но солнце восходит, и слышится песня о счастье.
Безбрежная песня, космическая в ней печаль.

ИСТОРИЯ

В долгой погоне: песчаной, речной и ковыльной,
В ночи безумий красивый ребёнок зачат.
Брошены в прошлом костры догорающих былей.
Их пепелища висят над землёй по ночам.

ЛЮБОВНИЦА

Соцветие семи цветов:
Семь нежных лепестков летящей радуги.
Семь жизней засветились у висков —
От смерти и до смерти — только в радости.
От плача до рыдания, простите,
Так грешно жить, и подарить любовь —
Дороже всяких безыскусных истин.
(Безмолвие рождается из слов.)

ТРАПЕЗА

Я ждал гостей, замкнув квартиры двери:
Им не понадобится эта дверь.
Они пришли, в который раз, проверить —
Живой ли я и как живу теперь.
Ответные виновницы истерик
Далёких дней (их мне не подкупить)
Потребовали дерзко есть и пить
И на моё жильё смотрели зверем.

Направо от меня сидела Память,
А слева — Совесть, чей отважный вид
Смущал застолье; прямо села Ревность
И ела больше всех, теряя стыд.
Я всё терпел и, не стыдясь лукавить,
Расхваливал их волчий аппетит.
Всё съели гости. Если бы не леность,
Они посмели бы и кровь мою испить.
Когда насытились, меня спросила Ревность:
— Ты ждёшь любимую? Мы рады за тебя,
Мы радуемся всем твоим успехам
И всё, что делаем, то делаем любя.
Мечте твоей мы вовсе не помеха,
Но всё-таки хочу предостеречь...
Тут Совесть прервала пустую речь:
— Ты хочешь посмотреть, мой друг, на ту,
Что твой покой нарушит очень скоро?
И Память свой тяжёлый вскрыла короб,
И пустота сорвалась в немоту:
На стол, где смачные объедки стыли
И кольца дыма грациозно плыли,
Среди разбросанной, прокуренной посуды
Поставила серебряное блюдо.
На нём с улыбкой бесконечно блудной
Лежала голова моей любимой.
Икала Совесть:
— Это нетерпимо!
Тебя, мой милый, видно, не исправить!
— Блондинка, — усмехнулась пьяно Память.
Я встал. В глазах всё таяло и плыло.
Поцеловал холодных губ металл.
Мне было жутко. Мне приятно было.
Я ничего тогда не понимал.
Они ушли, а я застыл в преддверии,
Когда дверной звонок задребезжал.
Перед моей раскрытой настезь дверью
Стояла та... Зачем её я ждал?

ИЛЛЮЗИЯ

Светлячок играет на свирели,
Тёплый ветерок печалью сочен.
В сумеречных травах онемели
Поцелуи позaproшлой ночи.

Далеко, в разбросанной постели,
На краю другого измерения,
Как змея в изысканном сплетенье,
Пьёшь нектар чужого вдохновенья.

И цикада трепетно отпела,
И луна ушла дорожкой длинной.
И душа, как лотос, побелела,
С лепестков роняя яд змеиный.

ОТРЫВ

И лепестки цветка взметнулись крыльями;
И мотылёк, шутя, играет милями.

КАТАРСИС

Любовь полыхала пожаром...
Спасаясь, укрылась во лжи.
И, воплю судьбы подражая,
Себя навсегда пережил.

БРАК

Берег нашей любви
Раскололся тарелкой.
И страданий отлив —
До обидного мелкий.

КРИЗИС

Судьбы качели — вверх и вниз:
Мечта — что гнев, любовь — садизм.
О искаженность бытия:
И ты — не ты, и я — не я.

ПРИЗВАНИЕ

Когда сгорают звёзды при луне,
Луна томительней и пагубней во мне.

ГЛУПАЯ

И паузу выдерживала скрипка.
Проговорилась. Ветер дул с Багам.
И взгляд моей щеки коснулся липко
И спрятался в наполненный бокал...
Играли в перекошенной улыбке
Никем не оцененные ошибки.

Я замолчал, считая такты слов...
Чужая боль открылась как любовь.

ОХОТА

Эти брызги шампанского
Опаляют ресницы.
Фейерверком отчаянья
Я в тебе растворился.

Сколько нежности в лести —
Ты плетёшь ожерелье
На моей с жилкой шее...
Ты забыла о мести.

ИГРОК

Глаза партнёров загорелись сигаретами:
«Он вышел из игры. Отмщенье. Сталь!»
И зазмеились дымными секретами
Улыбки женщин: «Совестливым стал...»

А истина его проста —
Открылась в сердце пустота.
(Её мечту ва-банк метал,
И небо осквернил металл.)

СТАРЕЮЩАЯ

Её холодное эстетство,
Как вопль души, как крики сердца.
И одиночества кристалл
Господь ей в наказание дал.

СТРЕЛОЧНИК

«Ищите женщину, ищите!»
Но только после — не скулите.

ГЛУПЫЙ

Он долго по женщинам плавал,
И горло об этом гудит.
Наколкою выбито «Слава»
На вдрызг прокопчённой груди.

ОШИБСЯ

«Вампир» дотянулся до шеи
И высосал девичью кровь.
Его санитары тащили,
Как амбулаторный улов.

ТОРГ

Порхали разрезами платьев
Ресницы исполненных глаз.
Скупой — он четырежды платит
За неоткровенный отказ.

ВЫМОГАТЕЛЬНИЦА

Обиду смогла заплести,
Убит наповал — без ответа.
Её торжествующий стиль
Сверкает улыбкой браслета.

ПОЛИТИК

Плечи свои расправил
Грустный «боец без правил».
Все же «щеку подставил» —
Публика бьёт без правил.

ЗРЯ

Все лепестки прочитанных поэзий
Хранят неизгладимые грехи.
На Ваше ушко я «цветок» подвесил,
Теперь «бегу карающей руки».

ПРАВДОЛЮБЕЦ

Убит не словом, но ответом...
Ушёл себя искать по свету.

ВЫВОД

Он шёл по миру — бледен, одинок, —
Прижав к груди разбитые скрижали,
И взгляды женщин гневом провожали
Его лица немислимый упрёк.

САДИЗМ

Мир ополчился на инвалидов —
Против себя. А ты?
Неотторгаемость индивидов—
Сломанные цветы?
Это живые цветы.

Е. БЛАВАТСКАЯ И БРАХМАН

«...Индифферентный Брахман импотент»,
В развитии он «Высший интеллект».
От женщин Брахману дивертисмент,
«Царей рожают, глядя на «Объект».

Рождённый соответствует проблемам —
«Дух спиритизма ложью прецедента»,
Духовность — значит выжить по «Системам...»,
Народным гласом «...Имя президента».

ИМЯСЛОВИЕ Е. БЛАВАТСКОЙ

Лилит любовницей фантазии поэтов —
Бессмертна и разнообразна внешне.
«Философы с Софией все успешны...» —
До самой смерти в радости дуэтов:

Её вздыхания и крики наслажденья
«Вибрацией животворят планеты»,
Так мыслеформы — гения сомненья —
Материально обретут ответы.
Лилит рожает наши мыслеформы,
София Мудрость родила Ничто.

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Дуэлью творческая пристань
Или по сути «Демоном» блистал?
Рискнул дожить жизнь декабристов.
Но Вечность им грамматикой создал.

МУЗЕЙ

Исаак Далматский, духовник Валента,
Сбросить арианство убедил царя,
Тот вестготам битву проиграл моментом.
Сам пустил их в Мёзию, пожалевши зря;

Подняли восстание против всех чиновников,
Били полководцев, Фритингер — боец.
Император сотников пострадал от «гопников»
И в домишке дряхленьком был сожжён вконец.

Доминика-вдовушка раздала оружие
Гражданам столицы защитить страну.
Под Константинополем варваров порушили —
Римская империя вся ушла в войну.

Так, в Санкт-Петербурге встал в честь Петра рождения
Символом империи аж до Николая
Наш собор Исаакия — знак сопротивления —
«Варваров» «фигачили» после Октября!

Тысяч сто схоронено, сгибли на строительстве:
Памятник — строителям, гражданам — музей.
Всё «зубодробительство» «свистами» в правительстве.
Памятник вчерашним днём, как и Колизей.

Вспомните Историю: «Выход в Акваторию!»

ХАЛЯВА

Халява проституткам в драгоценность —
Окупится с лихвой умишка лень.
Так, депутатов «неприкосновенность»
Позволит продавать Народа Честность.

ФЁДОР ДОСТОЕВСКИЙ

Порабощён игорной страстью,
Халявных денег не искал,
Но, сострада «по несчастью»,
Он проституток оправдал.

ЦАРЬ ЭДИП

В год террора — кровавых репрессий
Мать Иосифа умерла,
Над народом «Эдиповой мезью»
Фрейда «комплекс» раскрыл два крыла.

А. ЛОСЕВ — КОСМОНАВТ

В глубинности «ментальной высоты»
Собрал «Ракету» вырваться наружу,
«Интуитивность в Вектор Красоты...» —
Софии Мудрой девственность порушу.

НЕСМЕЛОСТЬ

Её призыв вполне был ясен...
Он ревности своей боялся.
И, спотыкаясь в ровности кругов,
К своей любви был вовсе не готов.

ТА

«Скорая» уносит в пропасть
Ожидания, незнания.
Смерти бешеная лопасть
Пролетает эту пропасть,
Пропасть между нами.

СЕРЫЕ

Сначала был зависти свист...
Поэтов убили надолго.
На старости наполнился вист
Надёжно исполненным долгом.

ИТОГ

Домогался высоких наград
И наткнулся на Чёрный квадрат.

ПОЛИТИКАНКА

Ни знаний, ни ума, ни мужа;
Труссы харизмой для рожна;
Нам женское бельё не нужно,
Мужчинам Родина важна.

В СЕНАТЕ

В погроме государственной эпохи
Возвыситься, на совесть наступив;
На женщину, играющую плохо,
Желающую страстно полюбить.

И полюбила, всё дала предельно.
Умелый возраст мезью оживёт;
Энергии растраты и возврата
Финансов, чувств, но чувств наоборот.

Протоптана тропинка для альфонсов
Во власть и в заграничные бега.
Та женщина в России стала бонзой.
Альфонсы, она ждёт ещё пока.

Она уйдёт, другая выйдет смело;
В морали власти утвердилась страсть.
Так молодёжь взяла урок примером;
Чины за секс и деньги — это власть.

ОМБУДСМЕН-САДИСТ

«Чё? Как поплавали? Устали? Что ж вы, дети,
Натренируетесь — получится. Заметьте:
Вся жизнь, как «Полосатый рейс», — в «Привете!»,
Вы этот фильмик посмотрите — надо, дети...

Поголодали в лагере? Готовим
Из вас героев для родной России;
Вы закаляйтесь — мы для «нашей крови»
Из вашей «квинтэссенцию» осилим!

НЕНУЖНОСТЬ

Срываются последние замки,
Терзаются последние звонки.
И эхом распахнётся пустота
Непониманья — где ты? Навсегда?

РЕКВИЕМ

Отец вблизи и вдалеке.
И смерть его — засада...
Прощальный взгляд держу в руке
В последний миг заката.

ГАДАНИЕ ПО ЛОПАТКЕ

Предсказывал поэту. Вечность тлела.
«Нельзя гадать», — кричали журавли...
Шаман ушёл спокойно, между делом
Хлестнув полой запахнутой зари.

КУПАНИЕ

Не от себя, от сердца ли, от Бога
Роняют слёзы первые лучи.
Дыханье океана сонной ширью
Аккордом нотрадамовым звучит.

Необъяснима томная тревога —
В пучину погрузился небосвод,
Покой и воля разум сокрушили.
Душа вершит размеренный полёт.

ОПЫТ

Если друг оказался — «вдруг»,
То последствий опасен круг...

Оксана СЕРПОВА

Пишу стихи около пяти лет. Мне всегда интересно, что же получится из первой строки, которая приходит откуда-то... Буду рада, если мои стихи найдут своих читателей. В жизни работаю, занимаюсь психологией, мать двоих детей и просто красивая женщина.

НУ, СМЕЛЕЙ ЖЕ!..

Подари мне, любимый мой, шубку,
В ней зима, холода — не беда.
И улыбкой раскрасится утро.
Зубки белые, как жемчуга.

Не отказывай, мне не отказывай.
Украшай, хоть прекрасна и так!
И претензии мне не высказывай,
Поцелуем лишь только вот так!

А когда я надену ту шубку,
Обними меня в ней и под ней.
Как нежны твои крепкие руки,
Ну смелей же, смелей же, смелей!

Как с тобою всё это прекрасно...
Эта шубка, однако, опасна...
Ты кричишь:
— Подарю, подарю!
Я, наверно, тебя всё ж люблю...

АССОЛЬ

Настроение — в море волна,
Что качает, как в шлюпке, меня.
Я дрейфую и в дали смотрю,
Как Ассоль, свой корабль жду и жду!

Настроение, словно погода,
Так изменчиво, что время года.
Настроение — радуга чувств.
Я цвет выберу и окунусь!

Настроение — дар человеку.
Наша общность на шарике этом.
Но бывают и несовпадения,
Одиночество — друг настроенья...

ЖИТЬ ПО-ЖИВОМУ

Жить, жить по-живому —
Ну несмотря ни на что!
Пусть было трудное детство
И боли оттуда полно.

Жить, жить по-любому,
В радости, в боли, в печали.
Нам не дано знать — там что?
Прогнозы сойдутся едва ли.

Жить, жить с любовью!
Знать, признавать, что есть.
Любить, любить по-любому!
Чувством этим гореть!

Жить, жить по-живому!
Выбрать, с кем и за что.
Любить, отдавать, прощать,
Брать у жизни всё, всё!

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЁТ ЗВЁЗД БЕСПЕЧНЫХ

А в августе падают звёзды,
Закончив свой век золотой.
Летят они плавно, вальяжно,
Украшив дорогу собой.

И, тихо сверкая, сгорают,
Мне жаль — так вернуть их хочу,
Но нет же: отважные звёзды
Спешат и спешат в темноту...

Мерцает безбрежное небо,
Созвездием звёзд бесконечных.
Оставлю об августе память —
Последний полёт звёзд беспечных...

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ТЫ ТОЖЕ МОЙ, МОЙ

Я знала, я всё давно знала.
И снова, снова в мыслях к тебе бежала.
Ты превзошёл все ожидания...
Мои голубые глаза излучают желания.
А может, нельзя вот так сразу,
Без предварительных ласк,
Поддаться экстазу?
Но ты тоже мой, мой...
Санкт-Петербург! Накрыло взаимной волной...
Возбуждалась и раньше, понаслышке.
Уже не отпущу тебя ты, слышишь?
Я увезу с собой частичку света.
В твоих татуировках моё сердце.
Я так долго искала тебя в своих снах,
А нашла на невских просторах...
Ноябрь. 2016 год. Снега.
Моя любовь обжигает тебя!

РУКИ, ТВОИ РУКИ — ШЁЛКОВОЕ ПЛАМЯ

Танго у камина, шёлковое пламя,
Ты за фортепиано, пальцы меня манят.
Я замороженно лишь смотрю на них,
И танцует пламя музыку любви.

Будто не со мною ты играешь и
Укрываешь взглядом пламя, что внутри.
Платье золотое розами обвито,
Головы хмельные — наша карта бита.

Танго у камина нас соединяет,
Ты, мой пианист, звуками пленяешь.
Пламя разгорается, вечер весь в огне,
Руки, твои руки — словно шёлк на мне.

Руки, твои руки — они так хотят!
Искры из камина падают, летят...
Для меня играешь музыку любви,
Золотое пламя — это я и ты!

НА МИНУТУ, НА МИГ, НА ШАГ

Я так долго искала тебя в толпе прохожих
И встречала взгляды, и они меня тоже.
На минуту, на миг, на шаг была с ними —
С чужими мужчинами, очень-очень чужими...

Я так долго искала тебя в своих снах.
Ты не шёл, заполнялись они другими.
Там казалось, что всё на своих местах,
Просыпаясь, понимала, что хочу быть не с ними.

Я так долго искала тебя в стихах.
И от строчки за строчкой по следу шла.
О любви читала, в признаниях, в словах,
Отрываясь от них, зачарованно снова жила.

Я так долго искала тебя в городах,
Их листала, пребывая в чужих мирах.
Далеко-далеко, зачем мне туда?
Ты же рядом, откликнись... Когда?..

КОЛОКОЛЬЧИК

Невозможно объять необъятное,
Неприятное и приятное.
Погрузиться по уши, по темечко,
Сжать, постичь время-времечко.

Для чего убегать от былого,
Отголоски услышав снова.
Колокольчик звякнул весенний,
Седины не заметив осенней.

Он не спрашивал, нас не спрашивал,
А звенел, бытие приукрашивал...
Невозможно музыку на руки взять
И объять необъятное, что-то узнать...

СОЛНЦЕ И ЛУНА

Всё сложилось — как сложилось...
Кто же в чём тут виноват?
В отношениях вся сила?
Двое крутят маскарад.
И чего шпынять друг друга,
В поле воин не один.
...Солнце всё бежит по кругу,
А луна спешит за ним...

ВЛЕЧЕНИЕ

Ночная бабочка, лиловый цвет,
Ажурные чулочки, грёз букет...
Взмахнёт крылом и раз, и два,
Раздует пламя, зажжёт тебя!
И не спасёт её уже никто!
Неодолимое влечение сожжёт её...

ЛЕКАРИ

Я стирала все старые раны,
Перепробовав разные средства,
Выжигала молчанья, обманы,
Оставляя рубцы в наследство...

Любила кого-то когда-то, и кто-то меня,
Даётся всё это свыше и не проходит зря.
Ныли-ныли — отныли, жили-были — ушли.
Время не лекарь — друг другу лекари мы.
Мы — это люди с планеты Земля...
Пусть она вертится — всё тут не зря!

ЕЩЁ... ЕЩЁ... ЕЩЁ...

Ещё в глазах нет солнца, потерян свет,
И, уходящий в точку, бежит по снегу след...
Ещё рассеян взгляд, ещё везде, везде,
И скрипка музыкою стонет по тебе...

Ещё в руках скользит твоё тепло...
Несчастны мои платья со мною заодно...
Ещё в ногах осталась память тех дорог,
Бежала по которым к тебе встречать любовь.

TIRAMISU

Понедельник — день тяжёлый.
Каждый знает — так бывает.
Начиная всё по новой,
Зимней слякотью встречает.

Нет в ней прелести ничуть.
Чем раскрасить хоть чуть-чуть?
День, что не напрасно прожит,
Он началом подытожит...

Магазин, пакеты, снасти.
Я бегу, что за напасти?
Заглянула вдруг в кафе,
Села, выдохнув уже.

Кофе пью Tiramisu...
В ощущениях плыву...
Не напрасно всё ж живу.
Понедельник, I love you!

ТЫ КОРМИШЬ МЕНЯ ЭНДОРФИНАМИ

Ты кормишь меня эндорфинами,
Шутками, ласками страстными,
Зайчиком, солнышком ясным,
Чувством счастья прекрасным!

Мало серьёзного в этом,
Мы — как Ромео с Джульеттой,
Но обойдёмся без схемы —
Это Шекспира тема...

Идёт неразрывный процесс,
Эндорфины вокруг, везде.
Там даже, где тебя нет,
Счастья поставлен след!

В ОБЪЯТЬЯХ ТЁПЛЫХ, НЕЖНЫХ РУК

Давай, мой друг, притормозим.
Ласкает ночь нас томным взглядом.
Нам не приснится всё, что будет,
Увы, не навсегда мы рядом.
Надеясь, ждали и мечтали,
Что будет счастья час у нас.
Слова, слова, нежнее руки,
Ночной блуждающий экстаз.
И мчимся, мчимся в притяженье,
То отдаляемся в смятенье,
В объятых тёплых, нежных рук,
Давай притормозим, мой друг.
С тобой отважная я очень,
Теплее ночи твои очи.
И пред тобою на колени
Я припадаю в умиление...

Борис СЕЛЕЗНЁВ

МЕШАЮЩИЕ НОСЫ

Глава I

Вовка проснулся ровно в шесть и долго наслаждался сиянием утра. Это было фантастическое зрелище! Золотые лучи раннего солнышка подсвечивали молодые веточки и листочки юной берёзки, растущей у окна...

«Третий этаж, а уже доросла, — подумалось Вовке. — Будто мы её только вчера посадили на школьном субботнике. Вон какая уже вымахала красавица!»

Вырос с тех времён и сам Вовка. Но всё равно с детства любил он поваляться поутру на своём диванчике, любуясь и радуясь наступающему дню. Какое же это блаженство! И пофантазировать, и помечтать можно. И всё ещё впереди: окончание школы, последний звонок и гулянье до утра... Потом — армия, дембель и... свадьба!

Сейчас, конечно же, он об этом не думал. Просто предчувствие всех радостных событий будущего сидело в нём как неотъемлемая часть души и тела. А думал он (ну о чём же можно так долго и с наслаждением думать в шестнадцать лет?), конечно же, о вчерашнем вечере. Каждую детальку вспоминал, взвешивал и наслаждался...

С Верочкой он познакомился почти год назад, но только вчера попробовал её поцеловать. И... ничего не получилось. Нет, Верочка была не против и, похоже, даже хотела этого. Но, как назло, им мешали собственные носы — влюблённые ведь ни разу ещё ни с кем не целовались по-настоящему.

«Ну, всё ещё впереди, — весело подумал Вовка, — научимся! В кино-то вон как здорово целуются, и прямо даже взасос. Главное, что Верочка не сопротивляется...» А так, как в кино, с ней целоваться Вовка даже и подумать не мог — стыдно. Такое он и в мыслях не допускал — так зверски целоваться и тискаться — ужас! Этого он со своей нежной и любимой не позволит себе делать никогда! Да! Никогда-никогда!

С этими жаркими, но строгими мыслями Вовка спрыгнул с дивана — уже тошно становилось от бездействия — и побежал умываться.

В совмещённой ванной комнате уже, вся раскорячившись, чистила зубы младшая сестрёнка Зинка.

— Эй ты, сопля зелёная (сестра была ровно на два года младше), долго будешь ещё возиться тут?

Зинка повернулась с зубной щёткой в зубах и попыталась чего-то сказать, но вместо этого из её губёнок выдулся огромный синий пузырь и тут же лопнул, обрызгав брата. Вовка разозлился, а Зинка засмеялась, уже всю себя заляпав пастой...

— Вот как начнёшь свой день, так его и проведёшь, — бурчал наш герой, заправляя и складывая диван.

Зинка всё ещё плескалась в ванной, а Вовка вдруг запел:

— Ой, рано встаёт охрана!

И откуда она взялась — эта песня?

Наконец они приготовили яичницу на двоих, заварили кофе и уселись завтракать.

— Не слышал, как родители на работу ушли? — промямлила сестра, запивая свои слова кофе.

— Да нет. Мне тогда ещё утренние сны снились.

— Это про Верку, что ли? — ехидно прищурилась Зинка.

— Тебе какое дело? Любопытная ты Варвара!

— Почему это я Варвара? — выпучила свои огромные глазищи Зинка и тут же попалась...

— А потому что любопытной той Варваре на базаре оторвали! Оторвали — не пришили, потому что все спешили! Вот тебе!

— Ну и дурак! Влюбился как дурак, вот!

— Кто это? Это я влюбился?! — разыграл своё удивление Вовка, да так натурально, что подавился яичницей и закашлялся.

Зинка тут же бросилась брату на помощь и начала изо всей силы колотить его по спине.

— Хватит, хватит! Разошлась, дурища! Так и убить можно.

— Пора тебя уже убивать за такие проделки, шатун полуночный! Хорошо ещё лето, каникулы, а то бы уроки прогуливать начал.

— Это с Верочкой-то? Она же отличница — не то что некоторые. С ней напрогуливаешься... Как начнёшь, так и кончишь. Кстати, — брат сделал многозначительное лицо, — а как твой Васенька-кот поживает? Не кашляет?

— В отличие от тебя, не кашляет. Он спортом занимается, между прочим.

— Вот именно что «между прочим», — в очередной раз «прикол» сестру Вовка, — и как это он всё совмещает, уму непостижно!

— Твоему уму многое ещё непостижно, недоросль нецелованный, — уже куда-то в сторону пробурчала Зинка...

Но Вовка услышал. И он прекрасно знал, кто такой недоросль, — не зря же с отличницей дружил!

— Так! Это кто недоросль?! — медленно поднялся из-за стола грозный Владимир. — Ну-ка отвечай!

Зинаида Павловна не сочла нужным отвечать, а бросилась со всех ног, крикнув по пути:

— Ой, чайник забыла!..

— Я вот тебе сейчас дам по чайнику! — бегал за ней разозлившийся Вовка.

Зазвонил телефон, и сестрёнка на лету схватилась за трубку, тут же выставив в направлении брата оттопыренный указательный палец. Вовка сразу остыл. Звонила мама с работы, спрашивала, как у них дела и почему Зинка такая запыхавшаяся, на что и получила достойный ответ, что «её дети уборкой занимаются». Сестра никогда не выдавала брата, за что брат очень уважал сестру. А Зинка просто по-братски очень любила Вовку и, несмотря на то что была младше его, покровительствовала ему и даже защищала от нападок родителей.

Глава II

— Значит, носы мешают, — задумчиво произнесла сестрица, внимательно выслушав Вовкину проблему.

Здесь стоит заметить, что брат с сестрой довольно редко откровенничали на подобные темы. Но если уж такое случалось, разговор шёл начистоту, и младшая почти всегда выдавала правильный совет старшему «нецелованному» братишке.

— Ты вот что сделай, — после солидной паузы заговорщицки молвила Зинаида, — купи бутылку хорошего марочного вина. Только запомни: хо-ро-ше-го, а не того, что вы с пацанами перед танцами пьёте. Не вздумай эту гадскую бормотуху даже показывать ей (и откуда это она всё про нас знает, не без восхищения смотрел на сестру Вовка), понял?

— Чего ты? А-а-а... Понял, понял, — опомнился Вовка.

— Закуски купи, шоколадку, стаканчики не забудь. Только всё чтоб на уровне. Чтоб с плавлеными сырками не позорился, zapomнил, мужик?

Вовка только кивал и не думал обижаться.

— Выпьете, закусите, полюбезничаете, а там дальше дело само пойдёт. Не заметишь даже, что у неё и у тебя «мешающие» носы есть. Так-то, братишка! — закончила свой краткий «развратный» курс Зинка.

Вовка искренне поблагодарил сестрицу, не забыв шуткой восстановить статус-кво:

— Что бы я без тебя делал, а? Премудрая!

— Да сопли зелёные до старости жевал бы, — не забыла припомнить утреннюю обиду премудрая Зинка.

— Ну, ладно-ладно, забыто, — промурлыкал очень довольный сестрой и собой Вовка. Он уже был в предчувствии...

Глава III

«О времена, о нравы!» — сказал бы писатель. И ошибся бы, если б подумал, что первым это заметил и сказал. Ещё Гесиод так говорил, и вряд ли тоже был первым...

А времена стояли за окном тихие и солнечные. Потом какой-то невежа назовёт эти времена «застойными» — народ их сразу же перекрестит в «застольные», и будет прав. А жизнь тогда (по действительным ощущениям трудящихся) становилась всё лучше и веселее... Примерно так же думал о жизни Вовка, носясь по магазинам за выпивкой и закуской. Бумажка с Зинкиной инструкцией была крепко зажата в его руке. Всё шло как по маслу. Единственная запинка получилась с бутылкой марочного. Её без паспорта Вовке продавщица никак не хотела продавать. Но нашему герою и тут повезло: мимо проходил сосед, который уже отслужил в армии и был известен по этому поводу всем продавщицам. Его-то Вовка и зацепил со словами: «Да вот Евгений может подтвердить, что мне уже восемнадцать и скоро в армию...» Сосед машинально кивнул головой, тем самым подтверждая мужскую солидарность, и Вовке, не без скрипа, выдали вино.

«Вот наглая какая! — возмущался в душе юный покупатель. — Я, можно сказать, все свои сбережения выложил, а эта коза топырится ещё. Да потом мне же шестнадцать-то есть уже!»

При этом Вовка, конечно же, забывал, что паспорт его хранится в запертом родительском комодe, что ключ от детей прятали и что просить у родителей паспорт на такое дело было бесполезно. Да с необычной этой просьбой можно было и всё мероприятие провалить.

...Но мероприятие, похоже, удавалось, с восхищением думалось Вовке, когда он увидел вечером в назначенный час приближающуюся свою возлюбленную. Верочка как на крылышках летела к нему. Это было нечто сказочное! У Вовки тут же зашло дыхание, а сердце в пятки упало, не от страха, конечно. А было отчего. Верочка умела, что называется, «составить прикид», да так, что каждый раз выглядела по-новому. Каждый раз в ней высвечивалась неведомая Вовке ослепительная грань, и душа его просто кричала от счастья. Сейчас Верочка была в коротенькой юбочке, ярко-красной кофте и с распущенными волосами. Улётные туфельки на шпильках делали её стройные ножки ещё длинней... На неё оглядывались взрослые мужчины — единственное, что не нравилось Вовке. Но ведь и прохожих можно было понять, когда мимо них пролетает благоухающая свежесть четырнадцатилетней девчонки. Верочка была ровесницей Вовкиной Зинки. Но это «суть двух разных галактик», сказал бы философ. Однако нашему герою сейчас некогда было философствовать.

Глава IV

— Привет!

— Привет!

После взаимного приветствия сделалась глубокая и продолжительная пауза...

— Что, так и будем молчать? И чего это ты так вытаращился на меня, первый раз видишь? — пошла в наступление Верочка, хотя было видно, что Вовкино обалдение ей даже приятно.

— Вер, и правда, как будто первый раз вижу...

— Ну ты и подхалим, — засмеялась Верочка. — И чего это ты свой школьный портфель притащил?

— В нём лежит большой секрет, — таинственным нежным шёпотом отвечивал Вовка.

— Что за секрет?

— А вот пойдём на наше место, там и покажу. Не пожалейшь... — последнее слово получилось как-то совсем невпопад.

Верочка насторожилась...

— Это что такое за «не пожалеешь»? Ты уверен? — И собеседница высокомерно выпятила нижнюю губёнку, совсем как в младенчестве, когда ей предлагали попробовать первую ложку каши.

Вовку эта поза совсем рассмешила и сняла всё его напряжение и неловкость.

— Пойдём-пойдём, не бойся.

— Вот ещё, буду я бояться тебя.

— Да не меня не бойся (чего меня-то бояться!), портфеля не бойся.

— Ну вот, совсем уморил!

Тут Вовка взял Верочку за руку, и они пошли на «своё место». К слову, это был обычный советский детский садик, но вся прелесть заключалась в его глухих дощатых беседках, где вечером размещалась «вторая смена», то есть влюблённые парочки. Местный сторож к этому давно привык и выходил на территорию лишь в крайних случаях. Это был земной рай для юных сердец. Тем паче Вовка ещё год назад (в день знакомства с Верочкой) облюбовал в этом садике крайнюю беседку, которая была обращена лицом к берёзкам, а не к зданию, как все остальные. При желании сторож легко мог просматривать из окошек всё, что творится в беседках, кроме одной. Почему её так необычно расположили, никто не знал. И опять же — никто не знал, кроме Вовки, который был уверен, что это всё было сделано специально для них с Верочкой.

Глава V

Они уселись на лавочках в полумраке беседки друг против друга, и Вовка машинально погладил портфель.

— Чего ты его гладишь-то? — где-то даже с лёгкой обидой прошептала Верочка.

— Могу и тебя погладить, — попытался пошутить «детсадовский герой».

— Рискни...

Но Вовка не рискнул, а начал возиться с портфелем...

«Ну и трусишка, — насмешливо подумала Верочка, — целый год только баснями кормит...»

Но тут Вовка достал бутылку и расплылся в блаженной улыбке...

— И закуски полно... — начал было обороняться герой, но увидев, что Верочка не нападает, а только иронически улыбается (уже этим довольный), продолжил сервировать лавку.

— Всё! Баста! Готово!

На лавке, на газетке, лежали две груши, два яблока, шоколадка, зефир в шоколаде, стояли две рюмочки (из домашнего серванта Вовкиных родителей), и над всей этой роскошью торжественно возвышалась бутылка марочного вина.

— Ну и чего? Можно только глядеть? Заснул, что ли? — не утерпела Верочка, выйдя из себя от Вовкиной медлительности.

— А! Да-да! Открываю...

Вовка отколулал красивую обёртку горлышка, вдруг хихикнул, икнул и выдал:

— Ну ни фига себе!

— Чего такое ещё?

— Там... там пробка ведь! Ух, зараза...

— А у тебя и открыть, что ли, нечем? — догадалась Верочка и залилась своим звонким хохотом, да так, что зазвенели сдвинутые вплотную Вовкины рюмки.

Официант совсем упал духом, но вдруг вспомнил Зинкину инструкцию и разозлился: «Это точно она, Зинка, подстроила! А я и сам-то дурак, пень и валенок! Это так проколоться! — кипели Вовкины мысли. — Это ведь не простое вино! С бормотухой-то перед танцами всё просто было: зубами пластмассовые пробки только так срывались... а тут! Если внутрь протолкнуть — обольётся весь, да и неудобно перед Верочкой. Эх, штопор бы надо! Что делать, что делать?»

— Эй, винодел, опять уснул, что ли? — без вина веселилась подружка. — Давай хоть закусим, а то и погреться нечем...

— Эх, давай... — вздохнул виночерпий.

И они навалились на закуску. Всё дочиста уничтожив, кроме рюмок и бутылки, стали уже вместе смеяться. Вовка как-то по ходу подсел поближе к Верочке, обнял её и крепко прижал к себе... И тут их два дыхания слились воедино (как сказал бы поэт), и ничто уж не мешало им, даже собственные носы...

— Ты любишь меня? — спросила, задыхаясь, Верочка.

— Ещё как люблю! Так никто не может любить! — горячо шептал запьяневший без вина Вовка... И осмелевшая его ладошка уже готова была погладить Верочкину коленку...

А неприступную бутылку марочного вина они решили распить на собственной свадьбе, да и делу конец!

БЕРЕГ

В этот вечер Михаил гнал как ужаленный. Конечно, если можно назвать гонкой какие-то сто километров в час на стареньком, потрёпанном москвиче по опустевшим вечерним улицам города. Он словно боялся опоздать на место встречи с любимой девушкой. Именно сегодня какое-то странное чувство гнало его на берег реки. Это дикое место, где кончались ровные бетонные плиты набережной и начиналось фантастическое нагромождение камней, расколотых плит и прочего крупногабаритного стройматериала, он посещал уже сорок лет. Как странно, что за сорок лет ничего не изменилось тут! Совсем недалеко, за поворотом на набережной, давно уже кипела неудержимая молодая жизнь — мигали разноцветные огни ресторанов, баров и кафе. Гремела музыка, толпами гуляла молодёжь... А здесь, словно в совсем ином измерении, стояла мёртвая тишина, и только тихий плеск волн да крик одиноких чаек напоминал о том, что тут ещё местами реально осталась настоящая земля...

Как странно, но именно здесь «жизнь кончилась» для Михаила. Это было ровно сорок лет назад. И сегодня был своеобразный «юбилей» этому событию. Может, поэтому-то и гнал Михаил, хоть о «юбилее» вовсе не думал. Но, видимо, в особых случаях кто-то думает за нас — и мы совершаем совсем неожиданные, казалось бы, поступки...

Перед глазами у него раскручивалась четыре десятка лет назад здесь случившаяся катастрофа. Для постороннего глаза это была мелкая дорожная авария, где мотороллер врезался в грузовик. Кто-то пострадал. Приезжала «скорая помощь». И всё! Но Михаил видел... каждый раз видел и заново переживал это.

Они проезжали здесь с женой, совсем молоденькие (ему — 25, ей — 23) на мотороллере, беспечно распевали песенки и собирались завернуть на речку искупаться. Неожиданно (как это часто бывает) перед самым носом Михаила на дорогу вылетел грузовик. Удар пришёлся в правое крыло газика. Михаил перелетел через капот, а Настя-жена всем телом упала на искорёженное уже, острое железо. Всё произошло в доли секунды. Но в эти доли секунды Михаил увидел всю свою жизнь.

...Детство промелькнуло быстро, затем школа и знакомство с Настей. С этого момента, то есть со знакомства, и пошёл отсчёт жизни. Сознательной жизни, которую очень ценил Мишка — как

нежно-ласково любила его называть Настя. Они влюбились друг в друга мгновенно, даже не с первого взгляда, как говорят в народе, а словно некий небесный магнит включился — и они примагнитились... Да так крепко, что уже не могли оторваться.

Это была пора драк, разборок и потасовок. Дрались, что называется, улица на улицу. Парни оставляли своих девчонок дома и настрого запрещали им выходить в это время гулять. Другое дело Настёна, как называл свою возлюбленную Мишка. Она участвовала во всех мальчишеских побоищах, поскольку Мишкины возражения сразу были зарублены на корню:

— Ты же, Мишка, пропадёшь без меня! А я без тебя тут же умру!

С последним доводом Мишка никак не мог согласиться и разрешал Насте «только посмотреть» на драку. На деле, конечно же, всё было по-другому: когда Мишка в потасовке элементарно получал по уху, Настя такого не могла стерпеть и бросалась напропалую защищать своего друга. Нередко спасала его от нокаута, а иногда вытаскивала, бесчувственного, из кучи дерущихся, чтобы не затоптали её любовь.

Сейчас Мишка-Михаил уже даже и не мог вспомнить, из-за чего дрались. Видно, просто некуда было энергию девать. А повод к драке разве трудно найти?.. Так вот и жили... отчаянно жили. Свадьбу сыграли на все сто!.. И вот, такая нелепая смерть до безумия юной, красивой, искренне, жертвенно любившей Мишку Настёны... Тогда он совсем очумел и чуть не убил пьяного шофёра грузовика. Вовремя успели оттащить его водители из сразу же скопившихся машин... Сам-то Михаил только ушибами отделался.

После похорон Мишка неделю ревел и пил — и снова пил, и снова ревел... А потом как обрезало: проснулся он как-то ночью — голова трещит, как арбуз, — и только протянул руку к бутылке, почувствовал: шлёпнул кто-то ладошкой по руке. Поднял глаза: Настя стоит и плачет. Никогда не видел её плачущей, а тут...

— Настёнушка, — только и смог простонать Мишка.

А она погрозила так трогательно пальчиком:

— Не смей пить! — прошептала. — Тебе жить, а мне тебя ждать. И что же ты, Мишенька, место нашего расставания не навещаешь? Приезжай. Я там с тобой хоть рядышком посижу...

С тех самых пор и ездил Михаил на то самое место. Сядет на плиту, раздумается, глядя на волны... А потом чувствует —

рядом Настя сидит, вздыхает легонько. И такая благодать в эти минуты найдёт на душу... А бывало, чувствует — нет Настёны, не пришла... и тоска-тоска такая — не выскажешь! Уж и соберётся Михаил уезжать, а слышит, будто шаги торопливые, будто даже бежит кто-то...

— Мишенька, родной, — словно ветерок прошелестит...

И снова тихо. И снова — тоска.

Как только потерял Михаил Настёну, стал потихоньку к храму прибиваться. Благо по дороге на «их место» церковь была. Сначала только свечки ставил за упокой. Потом на службы приехал. А затем уж и исповедовался, и причащался. Вот и до этой поездки, дня за три, был на исповеди Михаил, причастился потом.

...Долго сидел он на плитах. Солнышко уж в волны окунулось. Но нет как нет Насти... Видит, из-за поворота свет фар полоснул, как бритвой по глазам. И вот уж рядом машина встала. Свет тут же погас. Остался только силуэт громадного джипа. Через некоторое время вылезли, матерясь через слово, трое «молодцов» и сразу же повернулись к реке нужду свою справлять. Потом, увидев Михаила, вразвалочку направились к нему...

— Это что за герой тут кукует? — насмешливо пробасил один, застёгивая штаны.

— Эй, лох, хочешь дам закурить? — прохрипел другой.

— А давайте, братаны, красоту ему наведём? — разбив наполовину пустую бутылку, приблизился третий.

— Вот и моё времечко пришло, — спокойно подумалось Михаилу, — хорошо, что Настя не видит. Эх, силы уж не те...

Извернулся Мишка, выбил ногой разбитую с острыми краями бутылку из руки бандита. Другому успел в пах ударить. И тут пошла карусель! Долго его пинали. Норовили всё по лицу, по голове попасть. И рёбрышки, и печёнку, и про почки не забыли. Прежде чем добить, решили перекурить.

А Михаил в это время в сознание пришёл. Разлепил он чуть-чуть один глаз (другой основательно кровью затёк) и видит: бежит к нему во весь дух его Настя, только волосы, как факел, бьются на ветру. И закричал он ей изо всех сил, чтобы разворачивалась она, что бандиты здесь. Кричит он... а только хрип вместо крика вырывается из изломанной его груди... И тут вспыхнул свет фар из-за поворота и замигали красно-голубые огни. Засуетились бандюги, попрыгали в свой джип и рванули

с места в другом направлении. За ними, так и не заметив лежащего в крови Михаила, промчалась и полицейская машина. А он снова потерял сознание.

Очнулся Михаил и почувствовал, что будто капли дождя каплют на его лицо. Пошевелился и сразу услышал Настин шёпот:

— Очнулся, родной...

Настя плакала и пыталась осторожно протереть оставшийся глаз Михаила. Так вот какой «дождь» орошал его исковерканное лицо!

— Теперь ты на границе двух миров и поэтому можешь видеть меня, — прошептала любимая. — Теперь как Господь рассудит. Но я помогу тебе... Попробуй встать и мы дойдём до машины.

Мишка попробовал отжаться от земли, но почувствовал такую боль, что чуть опять не потерял сознание...

Настя, увидев всё это, прошептала ему:

— Нет-нет, не надо... Давай хоть ползком, вместе доползём до твоего москвичонка.

И они поползли. Настя, как могла, подтягивала его, и они страшно медленно, но стали двигаться к цели. И странную вещь стал замечать Михаил: когда уходила боль, он так ясно видел и ощущал руки возлюбленной, а когда возвращалась боль, Настю словно бы окутывал туман — и он почти не видел её.

Она прочла его мысли и сразу пояснила:

— Это, Мишенька, ты балансируешь между жизнью и смертью, постарайся ещё маленько — и мы будем в машине.

Наконец немислимыми усилиями они забрались в москвич и тронулись с места. Настя внимательно наблюдала за Михаилом, а он старался «держаться» дороге.

— Пока доедем до обрыва и дорога перед ним будет поворачивать направо, всё станет ясно, — прошептала Настя.

На самом-то деле она даже не шептала, а только подумала. Михаил уже слышал её мысли...

Вставало солнце, и невидимые его лучи уже поджигали зеркало реки. Так вот, оказывается, как медленно они ползли и забрались в машину. Сколько уже времени-то прошло, подумалось Михаилу, а казалось, что быстро ползли...

— Вот скоро будет обрыв, и теперь уже нам надо на другой берег, — прошептала Настя и вдруг заговорила в полный голос:

— Пока есть силы — гони!!

Михаил как мог разогнал свой москвич...

— И не поворачивай! — крикнула Настя.

Только чайки могли видеть, как летящая по дороге на запрещённой скорости машина, не тормозя, пробила ограждение и полетела... над рекой! А потом стала подниматься всё выше и выше и наконец исчезла в золотых лучах восходящего солнца.

А в машине сидели и радостно улыбались юноша и девушка и самозабвенно глядели друг на друга...

— Ах, как долго я ждала тебя, любимый!

— А как я люблю тебя, Настя, это только Богу известно!..

— Это известно, известно... — пропел в ответ солнечный ветер.

.....
Всю ночь к приёмному покою дежурной по городу больницы подъезжали машины «скорой помощи».

— Тяжёлая ночь, — пробормотал вышедший покурить хирург и зажёл сигарету. Машинально осмотревшись, он заметил старенький москвич, который медленно подъезжал к дверям приёмного покоя. — Это что за новости? — возмутился врач и подошёл к машине, которая уже остановилась. Водительская дверка открылась сама, и из машины вывалился окровавленный человек. — Срочно в реанимацию! — истошно закричал напуганный хирург.

...Долго потом обсуждали поражённые врачи этот случай и так не смогли ответить на вопрос, как мог доехать водитель до больницы с такими смертельными травмами...

— К тому же сердце у него остановилось за сорок минут до прибытия, — повторял, как заведённый, старший хирург. И при этом важно и значительно поднимал вверх указательный палец.

Татьяна АНТИПОВА

На смену дням Великого поста,
На смену покаянию в молитвах
Приходит Воскресение Христа —
Весенний день в сердечных чистых ритмах.
И проповеди новые слышны,
И новые мотивы песнопений...
В заглавный Праздник праздников весны
Нам, грешникам, обещано спасение.
Как гром с небес, звучит «Христос Воскрес!».
И крестный ход с горящими свечами —
Огни, куда ни кинешь взгляд окрест —
«Воистину Воскресе!» отвечает...

Ранняя Пасха. Нежный рассвет.
Свежесть весеннего дня.
Смерти и злу — полновесное «нет».
Солнце пронзает меня!
Луч пробивает небес синеву
И достигает Земли.
Вечную жизнь не во сне — наяву
Здесь, на Земле, обрели.
Истина Солнцем горит в небесах,
Неба весеннего новь.
Изгнаны темень, неверие, страх,
И торжествует Любовь.

Хоругви, иконы и певчие,
И свечи в руках зажжены...
В глазах отражаются девичьих
Огни непорочной весны.
Высокая, хрупкая, юная,
Сама — как свечи огонёк —
С сердечными нежными струнами.
И об руку с ней — паренёк.
И оба такие серьёзные,
Без тени улыбки в лице.
Их ждут испытания грозные
На жизненном сложном кольце.
Но знают как будто заранее,
Куда за собой поведёт
Их первое в жизни свидание
И первый вдвоём крестный ход...

Тянутся небесные лучи,
Проникая до глубин сердечных...
Расскажи, признайся, не молчи,
Как Любовь из вспышки стала вечной.
Как глаза вместили целый мир,
Как открылись солнечные дали...
И вокруг разлившийся эфир
Расточает музыку печали.
Вечная Любовь. Предвечный Бог.
Простираю руки обречённо...
Сколько в мире солнечных дорог!
Только у любви — свои законы...

Вера ВЕРАХИНА

Рассвета светомузыка звучит
И тает во Вселенной, замирая,
А в небе тускло звёздочка горит
И угасает, свет зари теряя.
И в этой раствориться в тишине
Сего рассвета — в тишине покоя.
Его лишь созерцать возможно мне —
Это явление свыше, неземное.

Дождаться бы скорей начала дня.
До дива света, солнышка, дождаться,
Чтоб, волею Господнею хранясь,
Туда, где льётся кровь, смогла добраться,
Пройдя через леса, через моря,
И даже через горы, океаны.
Не упустить бы это время зря,
Ведь гибнут люди, города и страны.
И бросить клич живущим на Земле:
— Живите, люди, в мире и с любовью.
Одумайтесь живущие во зле,
Не заливайте Землю братской кровью.

ЛЕДОХОД

Какая мощная стихия,
Какой крутой водоворот,
Когда подводные, тугие
Вздымают воды толстый лёд!
Река вздохнула. С громким эхом
Лавину двинула вперёд,
И по большим и малым рекам
Пошёл обвальный ледоход.
И вот, на льдину дыбясь, льдина
Огромным айсбергом плывёт.
Эта могучая машина
Всё на пути своём сметёт.
Деревья с корнем вековые
Поток несёт средь бурных вод,
И баньку омуты крутые,
Как флагман, двигают вперёд.
Петух раскинул шире крылья
И, шею вытянув вперёд,
Он на трубе стоит в бессилье,
Во всю Вселенную орёт.
Кипят в потоке бурном воды,
Не умолкает грозный гул.
Какое зрелище природы
И необузданный разгул!

Евгения ОРЕХОВА

Люблю выращивать цветы я из листа, из череночка.
Смотреть, как наперегонки на свет выбрасывают почки.
Вот к солнцу тянутся листы и улыбаются друг другу.
И даже кактус по весне желает подыскать подругу.
Они безмолвны, как стихи, написанные на бумаге,
Но прочитай их — запоют безудержную песнь отваги.
И будут нежностью твоей и тайной умиротворенья.
...Вчера опять колючий мир испытывал моё терпенье.

СКАЗКА ДЛЯ СОФИИ

Вечер. Витрины местного «Арбата» областного городка NN освещаются скупой сигнальной подсветкой. Улица привычно начинает заполняться всегдашней публикой. Вот проходят Он и Она. Эти двое никуда не спешат. Им хорошо вместе. Лишь изредка перебрасываются малозначащими для непосвященного уха фразами. Общение идет по волнам внутренней, душевной связи. Часто встречаются одна с другой их улыбки. Она доверчиво опирается на Его надежную руку. Почему они здесь? Ничего пока не зная наверняка, мы можем лишь предположить, что эта улица навевает им добрые, приятные воспоминания. Может, родились и жили здесь. Или встретились. Кто знает, а может, когда были чуть моложе, тоже приходили сюда по вечерам «людей посмотреть и себя показать». Вроде тех зеленых юнцов, которые сейчас стайками с вызывающим и шокирующим благовоспитанных и почтенных граждан, спешащих с работы к ящику и тапочкам, видом, высоко подняв головы, в боевой раскраске, с умопомрачительными панк-начесами и наглыми глазами, свободной походкой суперменов проходят мимо уже отмеченной нашим вниманием пары. Эти «бои» с яростью юности поглядывают на клево прикинутых «старичков», тусующихся на одном из «пяточков» вблизи местного очага культуры, вечернего центра окрестного андеграунда.

У одного из «старичков», Толика, вполне немажорский прикид и волосы по плечи, прихваченные плетеным нитяным хайратником. Он немного смахивает на классического чуть прыщавого вечного студента. На лице выражение снисходительной насмешки. На пяточке раздается хохот. Видно, наш знакомец что-то отпустил по адресу прошедшей юной стайки. Спешу сообщить милому читателю, что это и есть один из героев нашей новеллы. Но, встретив его, мы сразу же с ним на время расстаемся, ибо сейчас все эти пиплы отправятся на сейшн, посвященный битлам, а точнее дню рождения Джона, куда мы с вами не пойдем, несмотря на все ваше читательское любопытство. Сейчас предстоит знакомство с милой героиней будущих «невероятных» событий.

Неяркий колышущийся огонек небольшой, уже оплывшей свечки в окне первого этажа. Этот огонек согревает души редких в этом тихом проулке прохожих. Всего через несколько переулков тот самый «вечерний Арбат», откуда мы только что перенеслись. Там сейчас, как говорится в народе, жизнь бьет ключом по голове, горят пуссеновские и раблезианские страсти. А здесь жизнь тиха, как в натюрморте. В робкую вечернюю тишину гармонично вписывается тихий гитарный перезвон, который не нарушает, а лишь усугубляет ее, создавая космически просторный образ покоя и гармонии струн человеческой души и природы. Нет, это не песнь любви местного менестреля за неимением такового в наши дни. Этот берущий за душу струнный перебор доносится из того окошка со свечой на первом этаже. Заглянем же скорее внутрь, ибо нетерпеливый читатель, наверное, уже с досадой поминает столь впечатлительного и часто отвлекающегося автора. Что же нас ждет тут?

На диване с ногами сидит хрупкая девчушка лет пятнадцати. Пушистые рыжие завитки обрамляют веснушчатое курносое лицо, которому само солнце велело быть жизнерадостным. Но сейчас на нем задумчивая грусть. Подслушаем украдкой мысли нашей опечаленной героини по имени Соня.

«Бабушка вот сидит и вяжет свои кружева, и ей дела нет до того, что у меня на душе. Только изредка она как-то хитро, по-доброму исподтишка поглядывает на меня. Вообще-то мы с моим бабульком милым хорошо живем. Она мне самый верный друг. Родители, хоть и звонят часто, и пишут, и приезжают два раза в год, всё же так далеко... Но это уже последний год их контракта,

и скоро мы опять будем жить вместе. Побыстрее бы время текло, что ли... А то вот опять с бабушкой вдвоем вечера коротаю.

И чего они смеются надо мной? Вот сейчас, наверное, опять пошли гулять в центр... а ко мне никто не заходит... Ну и пусть! Пусть! А я посижу с моими книгами, с гитарой, с кактусятами. Почему, ну почему они так не любят кактусы? Говорят, как можно любить иголки? И смеются! А ведь кактусы очень, ну очень красиво цветут, словно маленькие нежные огоньки загораются... Правда, редко... А может, они просто не видели никогда, как цветут кактусы?..»

Да, она очень любит книги, гитару, конечно же, бабушку и «колючки», за что над ней очень смеются в классе. Но эти злые насмешки, словно яростные морские волны о белый поблескивающий утес, разбиваются о ее добрый нрав и еще детское обаяние. Когда глаза насмешников встречаются с ее большими, жадными до чудес и счастья, с живым веселым огоньком, карими очами, те в каком-то смущении отводят еще мгновение назад злорадствующий взгляд и отходят. Но нет у нее в классе друзей. Она не принимает своей чистой юной душой пышным цветом расцветающие в этом десятом карьеристские, расчетливые желания: вызубрить «от сих до сих», чтобы получить «отлично». Сказать тайком учителю о помогавшем тебе же на контрольной товарище, что это он у тебя списал. Доложить: «А вот Сеньков с Захаровым в туалете курят». Посплетничать, даже позлословить с плохо скрываемой завистью о сдружившихся с четвертого класса Оленьке Лапиной и Саше Мазунове. Лишь эти двое близки Соне, но им как-то нет до нее дела в последнее время. Как говорят, третий лишний. Вот она и оказалась этим третьим, этим лишним... Им и вдвоем неплохо, а она... Грустно. Впрочем, нет, с нею всегда ее д'Артаньяныч, Витёк! Троешник. Чудак. Тоже фантазер, с виду робкий и тихий. На три года моложе. Ее сосед по подъезду. С ним интересно поболтать. Он добрый и никогда ничего плохого не говорил о кактусах. Они всегда из школы и в школу идут вместе, он несет Сонин портфель. По утрам он постоянно верно поджидает ее у подъезда. Но он еще «малыш», а Соня совсем взрослая, большая. И ребята в классе посмеиваются. В общем, не он — герой нашего «романа».

Вернемся к Соне, сидящей вдвоем с Грустью с ногами на диване. Несмотря на ее такой унылый вид, есть у нее сегодня и крохотная радость — расцвел ее любимый кактус, который она называет Тошкой-Картошкой. Он цветет раз в два года, и очень-очень

очаровательно. В обычное время он походит на ежа, расправившего свои колючки для обороны от злого врага. Его нежный розовый цветок — такой хрупкий, очень будто бы неподходящий для этого неуклюжего ошестинившегося ежа. Именно за это кажущееся несоответствие так любила Соня Тошку. Она ведь знала, что у каждого колючего кактуса есть добрая и нежная душа — его неземной, пленительной красоты цветок. Только надо суметь это разгадать, распознать, понять, и не умом, а добрым сердцем.

Бабушка у Сони была волшебницей, не смейтесь — не шучу. Соня, хоть и была уже почти взрослая, любила слушать бабушкины сказки, такие волшебные и очаровательные. Особенно полюбились девушке сказка о золотоволосой Царевне далекой Страны цветов. Никто никогда не видел этой страны наяву, но многим она не раз являлась во сне. Кому она хоть раз приснилась, тех никогда не покидало стремление увидеть ее хоть раз воочию. Был у Царевны свой сад, где росли ее любимые цветы со всего мира. Но уже пять лет в сердце своем золотоволосая Царевна носила горе. Ее любимый кактус не цвел. Она приглашала самых известных докторов наук, цветоводов и цветознахарей, но никто не мог ничем ей помочь.

Дело в том, что пять лет назад царевна повелела освободить свой сад от простых, полевых цветов — экзотическим растениям не хватало места. До тех пор «простушки» росли рядом с заморскими, и многие из них успели сдружиться между собой. Ромашка и любимый кактус Царевны так полюбили друг друга, что в разлуке с милой Ромашкой Кактус от горя и одиночества не мог цвести. Никто и не догадывался о дружбе цветов, только Царевна иногда задумчиво смотрела, как печально цветет за оградой цветника странная Ромашка, головка которой всегда обращена в одну сторону — к любимому. Другие же ромашки всегда улыбались солнышку.

«Утро. Солнце слепит глаза, светит так весело, а я должен отсиживать здесь скучнейшие пары. Неприятная процедура. А лекторша вроде ничего. Такая молоденькая, и накрутилась неплохо. Лопочет, правда, какую-то ерунду заумную. На улице прошла та девчонка. За ней, как всегда, мальчишка с двумя портфелями. Как она аккуратно ходит в школу. Наверное, комсомолка, отличница, активистка. Впрочем, это не совсем вяжется с ее таким

милым обликом. Вот и Шурик в окно уставился. Не того полета птичка, не попадетя в его сети. А какая у нее коса! В жизни не видал ничего роскошнее... Да что я, втрескался? Уже вторую неделю думаю о какой-то девчонке... Она похожа на полевую ромашку — проста и прекрасна. А хорошо бы было увидеть ее не только из окна, а где-нибудь... Если б узнали наши, вот посмеялись бы...

Интересная надпись: «Стоят столы дубовые. Сидят дубы здоровые. Сидят все без понятия и ждут конца занятия». А... вот и конец пары. Уф! Оттрубил. На свободу! До шести часов проболтаться где-нибудь, а там — на тусовку. Пойду к Шурику-Санчо, у него клевые новые записи. Посидим до вечера.

Хорошо у Санчо. Маг да водка в придачу. Клевый мужик. Хотя скучновато с ним иногда. Говорит он всё о политике, герлах да о сексе. Жутко озабочен этим. И что интересно — дома у него почти все есть (родители — за бутром свои люди, так что он почти мажор), а в голове у него — шиш. Почему ему так не повезло с умом? А вообще-то, не суди да не судим будешь, как говорит дед.

...На тусовке дымят человек семь. Вон Jane. Ее издалека узнаешь по длинной рыжей «химии» и красной куртке. Колючая, жесткая, умная. Бросила учебу, надоело притворяться, что мечтает, бежит аж падает, быть учителем. Работает лишь бы где, только чтоб бабки иметь на прокорм. Чем-то наши все похожи — никто не может жить «как все». У каждого в жизни свой облом. Вместе легче. Зачем живем? Жить быстро — наше кредо. «Все радости жизни — для нас», «старость — медленное гниение». Хочется чувствовать, что ты не обычный злыдень. И что не один. Долой мажоров и их тупую жизнь! Долой крутое официальное искусство! Да будут «митьки», битлы, Саш-Баш, Стругацкие во веки веков!»

Поздно и темно. Тусклый желтый свет фонарей едва разгоняет темноту в узком переулке. Соня едва не бежит домой. Сердце так и прыгает в груди. Никак не получалось уйти пораньше с дня рождения Оли Лапиной. А теперь вот одна возвращается домой.

Две быстрые тени из-за угла. Два «шкафа» с запахом перегара тоном без возражений требуют деньги. Мысль: «Не убежать».

Деньги, что были, отданы, но молодой девушке от двух здоровых парней, похоже, не уйти просто так.

Да, ей сегодня везет. Еще утром черная кошка не стала перебегать ей дорогу, вроде как уважительно пропустила вперед себя, будто что-то такое знала. Вот и сейчас послышались шаги. «Кричать!» Так и есть, бежит кто-то. «Шкафы» смылись трусливо, быстро, с деньгами.

— Благодарю, вы мне очень помогли.

«Вот так встреча. Это она, та школьница. Хорош же я в роли избавителя».

— Давайте я вас провожу. А то вы вся дрожите. Мало ли кто опять попадетса по дороге.

Она только кивает, все еще трясась от пережитого, и улыбается ему как другу.

— Можно, я зайду к вам завтра? Какая квартира? — осмеливается Он.

— Третья, вон мое окно с цветами, видите? Приходите, бабушка обрадуется, когда увидит моего спасителя!

«Какая сказочно добрая атмосфера у этой девчушки дома! Чудо-бабушка и прелесть-внучка не знают, как усадить меня получше. Даже уходить не хочется, чтобы не расставаться со сказкой».

Толик как бы оттаял после долгих морозов. Англо-блатной сленг испарился сам собой. Улетучился и тон «ну эт ваще твай праблемы», исчезла колючесть «кактусового поколения». Он не мог оторвать взгляда от чудесной девушки. Пропеты все песни с гитарой. Конечно же, рассказано о кактусах, о Тошке-Картошке. Он восхитился ее любимцем...

Когда Соня и Толик вспоминают эти первые встречи, у них теплет на душе. И они благодарны провидению за них. Их любовь — счастливая. Их дочь Любушка — прелестный смышленный ангелочек-проказник с волосами цвета спелой пшеницы и задорной улыбкой.

А бабушкина сказка закончилась так. Однажды семечко Ромашки перелетело через ограду и упало рядом с Кактусом. Это Ветер сжалился над разлученными влюбленными. Небо натурально сентиментально расплакалось. Ромашка выросла и необыкновенно зацвела, так что даже затмила своей красотой заморские цветы. Любовь Ромашки помогла Кактусу вновь зацвести.

Его цветы были чудом небесной, чистейшей красоты. Опять радость и счастье возвратились в душу понявшей свою ошибку золотоволосой Царевны, и воздух Страны цветов стал сладким и розовым, и зазвенели тысячами трелей голоса прелестнейших птиц. Исчезли темные краски с цветов. Умчались прочь уныние и печали и начали расти в саду чудеснейшие, прелестнейшие цветы, причем полевые перемешались с диковинными заморскими.

Гармония и радость, веселие и счастье воцарились в Стране цветов — и в душах наших милых героев, волею случая нашедших друг друга на улицах городка NN, с которыми мы вынуждены — жаль, но ничего не поделаешь, пора — теперь расстаться.

Александр ЛОМТЕВ

Александр Алексеевич Ломтев родился в 1956 году. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Как журналист побывал во многих «горячих точках» — Чечне, Косове, Южной Осетии, Приднестровье и т.д. Публиковался в различных литературных, научно-популярных и общественно-политических журналах России и зарубежья («Нева», «Сибирские огни», «Север», «День и ночь», «Волга», «Крещатик», «Новый берег» и т.д.). Автор книг «Путешествие с ангелом» (финалист Бунинской премии в номинации «Открытие года»), «Ундервуд», «Пепел памяти», «Лента Мёбиуса», «Финский дом» и др. Лауреат премии Союза писателей России «Имперская культура», Международной премии им. А. Куприна, публицистических премий Союза журналистов России «Золотой гонг», «Серебряное перо», премии «Патриот России» и др. Также автор четырёх персональных выставок графики. Живёт и работает в г. Сарове Нижегородской области.

ГОМБОРСКИЙ ПЕРЕВАЛ

Гомборский перевал
Меня дождями встретил,
Туманом спеленал,
Не принял, не приветил,
Там был рюкзак тяжёл
И путь в грязи и лужах,
И по нему я шёл,
Усталостью нагружен.

Гомборский перевал —
Не первый из высоких.
Я там не воспевал
Грузинок чернооких,
Я там не восхвалял
Цветения сиреней,
Я там не прославлял
Бессмертия селений...

Чего я там искал,
В звезду какую верил,
Среди снегов и скал
Тропу терпеньем меря?

Спустился и забыл —
Как будто бы не был?..

...Так что же вновь и вновь
Мне снится постоянно —
Шиповникова кровь
На ватмане тумана...

РАССТАВАНЬЕ

А солнце упало — пропало
За ломаной линией гор,
В ночи кольхаясь устало,
Дымил-догорал разговор.
И веки от дыма щипало,
И плакалось светлой слезой,
Прощаясь, оставишь немало,
Но больше захватишь с собой.
И утром, рюкзак поднимая,
Почувствуешь сладкую дрожь.
Некрепкие корни ломая,
По горной дороге уйдёшь...

БЕДУИН

Он сидел на пороге —
Кожа цвета оливок,
Черносливовый взгляд.
Не искавший наград
И не знавший прививок,
Тощий и мослоногий,
Он сто лет проживёт.
А быть может, и двести...
Моя жизнь — интересней,
Он — счёт дням не ведёт.
У него есть верблюды,
Есть пустыня и воля,
Всё, что нужно, с собою —
Весь нехитрый уют.
Жив — спасибо Аллаху.
Нет ни бед, ни тоски,
А дорога в пески —
Не дорога на плаху.
Аравийский песок
Год от года всё мельче.
Время вовсе не лечит —
Бьёт с размаха в висок.
Только боль и беда
Бедуину — пустое,
Мы в миру на постое —
Всё уйдёт без следа...
В небе наискосок
Пролетают кометы
Мне б поверить в приметы —
Ну хоть на волосок.

Мы с тобой случайно повстречались
На чужом пиру в дыму веселья.
В клубах дыма парочки качались,
Позабыв о завтрашнем похмелье...
В сизых клубах, в нежных столах скрипки,
Что кружила парочки по кругу,
Проплывая мимо, без улыбки,
Холодно кивнули мы друг другу.

Мы с тобой случайно повстречались,
Мы чужие, мы из разных серий,
Мы ведь не женились, не венчались,
Разошлись, друг другу не поверив.
Не поверив случаю, знаменью,
Не поверив сердцу отчего-то,
Но поверив ночи и затмению,
Разбежались ранним зимним утром...
И твоё лицо холодной маской
Через сигаретный дым светилось зыбко,
И звало к себе, и что-то властно
В сердце вдруг ударило:
— Ошибка!

РАЗМОЛВКА

Мелкой сеткою дождя
Разлинован мир.
Перед сеткой маюсь я,
А за сеткой — ты...

— Ты зачем ко мне ходишь? — спросила она.
— Я не знаю... — ответил я честно.

Мы стояли с ней рядом
вдвоём
у окна.
В темной комнатке, чистой и тесной.
В тесной комнатке лунный квадрат на ковре,
А в квадрате две тени обнялись.
А за окнами кто-то бродил во дворе,
А за окнами где-то смеялись...
— Так не знаешь? — спросила она, чуть дыша.
— Нет, не знаю, — признался я снова.
И в предчувствии томном заныла душа,
Но молчал я, как пень, бестолково...

Я простил, что ушла внезапно,
Что целуешь, смеяшь, других,
Я тебя не зову обратно,
Я печален теперь и тих.
Я простил тебе дни и ночи
Одиночества моего,
Поцелуи твои, если хочешь,
Все прощаю до одного.
Я простил, что, волной качаясь,
Голос твой под гитару плыл...
Всё простил я тебе, прощаясь...
Лишь любви твоей — не простил!

Отболело, отгорчило,
затянулось коркой льда,
Всё, что было, всё постыло,
Между нами вдруг застыло
это слово ледяное «никогда».
Словно пропасть это слово —
так наивно и так ново,
словно трещина в судьбе.
Всё по-прежнему на свете —
тот же свет и тот же ветер,
те же блики на стене и на воде.
Можно дальше жить с разбега, сгоряча,
Веселиться, водку пить
и слёзы лить,
палачом мечом судьбу свою — сплеча.
Между мною и тобою коркой льда
это слово неживое «никогда»,
как банально и как просто,
но так больно и так остро —
не спасают ни года, ни города,
ни удачи, ни паденья, ни вино.
Что там будет? Что ни будет — всё равно.
Всё равно я как в тумане, как в бреду,
по неверному, по тонкому по льду,
не гадая, пропаду — не пропаду,
всё на голос твой из прошлого бреду...

POST SCRIPTUM

В общем, это вовсе не потеря,
Это — продолжение пути...
Я в исчезновение не верю:
Где-то вновь придётся прорасти...

Вы не плачьте обо мне, не надо,
Дайте незамеченным уйти,
Смерть сегодня для меня награда —
Отдых после тяжкого пути.
Отдых, долгожданная отрада,
Луг полдневный, мягкая трава,
Скорбью вам меня будить не надо,
Не нужны ни слёзы, ни слова...
В путешествиях по дальним весям мира
Есть всему и мера, и цена,
Время есть в разгул любого пира
Для глотка прощального вина.

Пусть придётся каждому когда-то
Всё оставив, навсегда уйти:
Это не потеря, не утрата,
Это продолжение пути...

МЫ ИЗ КРЫМА!

ДАВАЙТЕ ДРУЖИТЬ!

Сразу трём датам: третьей годовщине возвращения Крыма в состав России, Всемирному дню писателя и Всемирному дню поэзии — был посвящён телемост, который организовали в марте Нижегородская областная организация общероссийской общественной организации «Союз писателей России» и Союз писателей Крыма. В акции приняли участие главные редакторы литературного журнала «Крым» Валерий Басыров, газеты «Литературный Крым» Вячеслав Килеса, культурно-просветительской газеты «Саровская пустынь» Александр Ломтев, заместитель главного редактора альманаха «Арина» Марина Зубова, нижегородские писатели и литераторы Союза писателей Крыма.

Нижегородские поэты и прозаики активно участвуют в литературной жизни полуострова — публикуются в крымских СМИ, становятся лауреатами конкурсов, проходящих в городах Крыма. Произведения крымских писателей также можно увидеть на страницах журналов и газет, выходящих в Нижегородской области. Например, лауреатами Международной премии А. Куприна, проводящейся в Крыму два года подряд, становятся писатели Нижегородчины: в 2015 г. — А. Ломтев (Саров), в 2016-м — Е. Крюкова (Нижний Новгород).

В программе видеовстречи звучали стихи, авторские песни, шёл разговор о том, что объединяет полуостров и остальную Россию, о современной литературе и проблемах писательских организаций...

По итогам этой встречи была достигнута договорённость о творческом сотрудничестве в различных форматах, а также об обмене публикациями: стихи и проза нижегородских литераторов будут опубликованы в крымских изданиях, а произведения крымчан — в нижегородских.

Подводя итоги этой первой встречи, председатель крымской писательской организации Валерий Басыров сказал:

— Нам есть чему поучиться у вас, а вам — у нас... Значит — будем дружить!

Валерий БАСЫРОВ

Окончил Литературный институт им. М. Горького СП СССР (1977). Автор более тридцати сборников стихов, прозы, переводов. С 1988 г. занимается книгоиздательским делом. Директор издательства «Доля». Подготовил к печати и выпустил в свет более 1800 книг профессиональных и начинающих литераторов общим тиражом около трёх миллионов экземпляров. Книга стихов «Нечаянная оттепель» (2,5 печ. л.) в 1989 г. была издана за 48 часов и явилась самым быстрым произведением в бывшем СССР, которое прошло путь от типографии до книоторговой сети. Член Союза писателей СССР (1990), Европейского конгресса литераторов (2011), Союза писателей Республики Крым (2014), Союза переводчиков России (2015).

Лауреат многих литературных премий. Среди них: премии Совета министров Автономной Республики Крым (2001), имени Арсения Тарковского (2012), имени Александра Грина (2014).

Награждён медалью «За заслуги в полиграфии и полиграфическом деле» (2012) и памятной медалью «200 лет М.Ю. Лермонтову» (2015), серебряной медалью первого Международного литературного фестиваля «ЛиФФт» (2016). С 1997 г. проживает в Крыму.

Вернулся я не вдруг издалека —
истосковался по земному раю.
Молчание здесь каждого цветка
легко, как человека, понимаю.

Вернулся навсегда издалека,
и так добра ко мне земля родная,
что долго воду пью из родника,
горячими губами припадаю.

Я тебя одену, я тебя обую
и сотру слезинки с побледневших щёк.
Видишь, я спокоен, даже не ревную
к тем, кто есть и будет у тебя ещё.

Но когда уйдёшь ты, кутаясь в разлуку,
я впервые в жизни загрущу о том:
предложил бы сердце, предложил бы руку,
да любовь едва ли возвратится в дом.

ЭТАП

Упал — пропал...

Упал — пропал:

пытала холодом природа.

Я часто падал, но вставал

и шёл среди «врагов народа».

Конвой смеялся надо мной:

«Ещё походишь по этапу,

всем хватит места под Шексной —

детишкам,

мамам,

папам».

Лежнёвка к Северу вела.

Тащила наши вещи кляча,

и на подводе мать спала,

лицо в бушлат от ветра пряча.

Я падал и с трудом вставал —

подножку ставила усталость.

Я был тогда настолько мал,

что мной ненастье забавлялось.

Упал — пропал...

Упал — пропал:

пытала холодом природа.

Я многого не понимал,

но по этапу шёл с народом.

ДЕНЬ ТЕПЛА

Остановись, оставь дела...
Через границу непогоды
мы просмотрели день прихода
неторопливого тепла.

Вчера озябшая ветла
топталась у крутого брода:
в лучах весеннего восхода
вода проворно лёд несла.

Какой простор на переправе!
Горбатый берег выполз к свету
навстречу солнцу, ветру, лету.

Плывём. И никуда не правим,
компанию реке составим,
покуда никого здесь нету.

Из осеннего вырвала плена,
из остылого дня.
Ты зачем в этот вечер, Елена,
отогрела меня?

Не надеялся я и не верил,
что оттаять смогу:
не хотел привыкать я к потерям,
не хотел быть в долгу.

Не хотел...
Но легко мне с тобою.
Где же ты столько зим
над своей колдовала судьбою,
когда я был один?

Быть может, мудрость наших лет
не даст любовь мою разрушить.

Открой окно.

Пусть чистый свет

Ночных светил

твою

очистит душу.

Ещё мгновенье, и рассвет
опять таинственность потушит.

Открыл окно.

Пусть чистый свет

ночных светил

мою

очистит душу.

Вячеслав КИЛЕСА

Член Союза писателей Республики Крым, Союза писателей России, Международного союза писателей СНГ, Национального союза писателей Украины, Союза писателей Северной Америки, Союза русскоязычных писателей Болгарии.

Автор книг «Весенний снег», «Провинциальные рассказы», «Истории, рассказанные вчера», «Лестница любви», «Оглянуться, остановиться», «Сид», «Детективное агентство «Аргус», «Юлька в стране Витасофии».

Могилы
исчезают
так же неизбежно,
Как память растворяется в столетиях...
И во сне
наступаем подошвами
на истлевшие судьбы.

Сумерки
скользят над дорогой,
как тень
бегущего человека...
Ночью
особенно трудно
скрыться
от одиночества.

Случайный попутчик,
собрав вещи,
выходит из вагона...
И вздох сожаления
вырывается из груди:
то ли по человеку,
то ли по канувшему в небытие
кусочку
твоей жизни.

Дереву,
потерявшему листву,
не заслонить
вечнозелёную ёлку...
Рубцы моих морщин
лишь подчёркивают
твою молодость.

Дети,
мечтая о еде,
несут домой
собранные бутылки...
Вечер.
Из стакана,
опрокинутого матерью
на пустой стол,
вытекает вино...

Старуха,
с остатками былой красоты,
подмигивает
молодым парням...
Время
забыло показать ей
свое зеркало.

В прошлом
много печали.
Настоящее
заполнено хлопотами.
И только будущее,
маня и обещая,
встречает улыбкой.
Будущее,
заканчивающееся
смертью.

Где те слова,
что обещали любовь?
Где губы,
что их произносили?..
Словно к воздуху,
привыкаем
к предательству.

Смыкаются
венчики лепестков,
захлопываются
ставни,
укутывается темнотой
солнце.
Но не спит
ненависть.

Говорить и мечтать
легче,
чем отдать обед
попрошайке..
Самые полновесные
монеты
чеканятся
из идеалов.

По утрам
из тёплых нор,
именуемых домами,
выходят в бесконечность
люди,
наивно верящие,
что нужны кому-то ещё,
а не только друг другу,
что они
выбирают дорогу,
а не она — их,
убеждённые
в неповторимости бытия,
неотвратимости государства,
бессмертии нации.
...Сын,
читая книгу
о пропавших в истории
народах,
спросил:
«Папа, зачем жили хазары?»

Юрий ПОЛЯКОВ

Член Союза писателей Республики Крым, Союза русскоязычных писателей Болгарии, Европейского конгресса литераторов. Обладатель золотого диплома Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «На лучшее произведение для детей» (Москва, 2009, 2010); лауреат Международного поэтического фестиваля «Чеховская осень» в номинации «Стихи для детей» (Ялта, 2010); обладатель Гран-при Всеукраинского поэтического фестиваля «На берегу Муз» (Евпатория, 2011); победитель первого Международного конкурса детских авторов «Серебряный ручеёк» в номинации «Сказки и истории в стихах» (Сочи, 2011); лауреат Международного литературного фестиваля «Под небом рязанским» в номинации «Литература для детей» (2012); победитель Международного литературного конкурса издательства М. Волковой «От 7 до 12» (Челябинск, 2012), лауреат литературной премии Автономной Республики Крым (2013). Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон» (Саки, 2015, 2016). Стихи Юрия Полякова были помещены в учебники для чтения и письма, утверждённые Министерством образования и науки Украины.

ПРОСТИ МЕНЯ, ПУШКИН!

(Маленькая трагедия)

*Из жизни ученика 7 «Б» класса Севы
Осьмушкина*

«Сижу за решёткой в темнице сырой.
Вскормлённый в неволе орёл молодой...»
Уже два часа я упорно твержу:
«...сижу за решёткой...»,
«...в темнице сижу...»

«...Мы вольные птицы; пора, брат, пора!..» —
Резвится вовсю во дворе детвора,
Мальчишки гоняют на улице мяч,

А я...
«...за решёткой...»,
«...в темнице...».
Хоть плачь!

За что?!

За какие такие грехи
Я выучить должен на завтра стихи
О том, как однажды в темнице сырой
Вскормлён был в неволе орёл молодой?

Пойми меня, Пушкин!
Пойми и прости!
В темнице темно, и орла не спасти...
Я как-нибудь после стихи доучу!..
Прости меня, Пушкин!
На волю
Лечу!!!

МНЕ ЖИВЁТСЯ ИНТЕРЕСНО...

Нынче ясная погодка,
Обдувает лёгкий бриз,
И петляет змейкой тропка,
И спешит с пригорка вниз.
К морю тянется тропинка.
По тропе спускаюсь я.
В рюкзаке моём — росинка
И журчание ручья,
Грома дальнего раскаты,
Запах скошенной травы,
Алый краешек заката
И кусочек синевы.

...Моря шум,
И песни леса,
Грохот грома далеко...

Мне живётся интересно,
Мне живётся интересно,
Мне живётся интересно...
И шагается
Легко!

ЭТО МОЙ КРЫМ, ЭТО НАША РОССИЯ...

Тёплого моря лазурная чаша,
Горная цепь за туманом седым —
Это мой край!
Это Родина наша!
Это прекрасный загадочный Крым!

Тянутся ввысь минареты мечетей,
Купол церковный сияет вдали —
Это мой Крым!
И на целой планете
Нет и не будет роднее земли!

Яркое солнце в безоблачной сини,
Бухты и скалы, сады и поля...
Это мой Крым!
Это наша Россия!
Это любимая наша земля!

Лариса АФАНАСЬЕВА

Член Союза писателей Республики Крым, Европейского конгресса литераторов. Печаталась в газетах и журналах, в сборниках и альманахах: «Вдохновение», «Крымские литературные встречи», «Свой вариант», «Форум», «Паруса творчества», «Камышовая бухта», «Россыпи», «Многоцветье имён», «Ковчег — Крым», «Хрустальные гроздья», «Творчі сили України», «Литературный Крым», в литературно-художественных журналах «Алые паруса» и «Крым». Автор сборников стихов «Написалось, как спелось...», «Абрикосы под дождём».

Лауреат международных фестивалей «Боспорские агоны», «Пристань менестрелей», «Алые паруса», «Чеховская осень», Всеукраинского песенно-поэтического турнира «Рыцари слова», Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон» (Саки, 2015).

АПРЕЛЬСКИЙ СНЕГ

Апрельский снег — какая глупость,
Когда так хочется тепла,
Но хлопья в буйстве неотступном
Зима швыряет нам со зла.

Апрельский снег. Какая дерзость —
На зелень яркую упасть,
Чтобы продуманно-небрежно
Соединить печаль и страсть.

Апрельский снег. Какая нежность
За лёгкой колкостью его.
Как слёзы ангелов — о грешных,
Как душ тоскующих родство.

Прощай, последнее тепло!
Ты смыто нудными дождями.
Приклеил ветер на стекло
Трёхпалый лист кленовый. В раме
Уныло-пасмурного дня
Пленяет зрелой желтизною
И просит трепетно меня:
— Впусти в пристанище земное
Души мятущейся твоей,
Я солнцем лягу на ладони,
Согрею среди хмурых дней,
Когда зима снега уронит
На плечи голые полей.

КРЕЩЕНСКИЙ СОНЕТ

Я под звёзды поставила воду,
А спустился крещенский туман.
Нет законов для крымской природы:
Что ни день, что ни час — то обман.
То веселье декабрьской теплыни,
То метель, то дожди в Новый год.
Высокосный ушёл. А в низине
Подо льдом одуванчик цветёт.
Ярко-жёлтое юное чудо
Дышит в келье прозрачной своей.
Как ты в зиму попал? И откуда
Эта стойкость средь зябких полей?
За подарок спасибо, природа.
Я под звёзды поставила воду.

Виктория АНФИМОВА

Член Союза писателей Республики Крым, Союза писателей России. Дипломант Всеукраинского поэтического фестиваля «Пушкинское кольцо — 2008», лауреат Международного поэтического фестиваля «Пристань менестрелей — 2010». Дипломант литературной премии им. Н.А. Кобзева. Заместитель главного редактора газеты «Литературный Крым».

На ладонях ветвей
Спят последние листья.
Я иду вдоль аллеи,
Что-то в них рыже-лисье.

Я хожу меж деревьев,
Как заезжая гостья.
Вы мне вместо варенья
Листья под ноги бросьте.

Вы мне вместо подарка
Ветром волосы взбейте,
Триумфальной аркой
Кружит золото ветер.

На осенних дорожках —
Тишина и безлюдье.
Осень грусти немножко
Подаёт нам на блюде.

Ночь глядит в окно лунной долькой.
Сын сопит тихо под одеялком.
Ах, о чём же мне жалеть? Только
Лет, потраченных даром, жалко.

На дела, о которых не вспомнят,
На людей, что пойдут нынче мимо.
Много лиц, разговоров и комнат
Бесконечной моей пантомимы.

Вспоминать буду только о светлом,
Верить в добрые сказки отныне.
Грусть — как птица ночная на ветке.
Мысли только о счастье. О сыне.

Завалило Москву снегопадом,
А у нас снова дождь, снова дождь...
Согревают сердца те, кто рядом,
Кого любишь, и знаешь, и ждёшь.

Пусть декабрьский день так недолог —
Вечер манит уютным теплом,
Когда мгла опускает свой полог
И притихшим становится дом.

И легко так теплом поделиться
И найти для любимых слова...
Дождь идёт снова в крымской столице,
Снегопадом объята Москва.

Тридцать дней января на исходе.
В окна бьётся назойливый дождь.
Не печалься о крымской погоде —
Мокро, холодно, ветрено... Что ж,

Значит, завтра всё будет иначе,
Шарф накинёт на плечи февраль.
А смешная девчушка-удача
Улыбнётся и скажет: «Миндаль

Уже выпустил первые почки
Там, у моря, за горной грядой.
Тонкоствольный подснежник листочки
Гордо поднял над талой водой».

Тридцать дней января на исходе.
Белый лист на столе у окна.
И послушная ручка выводит:
«Не печалься, я близко. Весна».

Александра ФЁДОРОВА

Член Союза писателей Республики Крым Александра Васильевна Фёдорова родилась в городе Челябинске. Образование высшее — Институт советской торговли (Москва). Ответственный секретарь творческого объединения «Литературное братство» (Братск). Член Интернационального союза писателей (Москва). Член Академии русской народной поэзии, академик (Тула, 2014). Лауреат и дипломант Международного литературно-музыкального фестиваля «В гостях у Шукшина» (Сростки, Алтай, 2010 год).

Лауреат и дипломант Международного фестиваля «Гринландия. Алые паруса» (Старый Крым, 2012), лауреат и дипломант Международного литературно-музыкального конкурса «Зов Нимфея» (2012, 2013, 2014), а также фестивалей сатиры и юмора «Юморина» (Керчь). Дипломант Международного фестиваля «Славянские традиции» (Щёлкино, Крым, 2012, 2013, 2014). Дипломант и лауреат I степени Международного литературного конкурса «Яснополянские зори» (Тула, 2014).

Автор двух сборников стихов и прозы: «С любовью к тебе, Братск легендарный» и «Золотые россыпи души» (2009). Печаталась в коллективных литературных изданиях городов Москва, Тула, Ростов-на-Дону, Нью-Йорк, Красноярск, Братск, Северомуйск (Бурятия) и т.д. Последние годы живет в Керчи.

КЕРЧЕНСКАЯ ЛИРА

Я стою на высокой скалистой горе,
Предо мной расстилается море,
На лазоревой, чистой рассветной поре
Древний город Нимфей лире вторит.
Он взывает к друзьям, он без нас одинок,
Словно путник, блуждая в тумане,
Бережёт он для нас свой из лавра венок,
Что за дружбу наградой нам станет.

Серебром заиграет морская волна,
В переливах звезда ярко светит,
И любовью, и негой природа полна,
Здесь поэты резвятся, как дети.
Пусть костёр догорает в вечерней тиши,
Круг друзей не становится уже,
А когда мы разъедемся, ты мне пиши,
Я скучаю, мой друг, ты мне нужен.

Я с тобой, город Керчь, связан жизнью своей,
Мои предки здесь жили когда-то,
И сегодня среди разноцветных огней
Мы сдружились, поэт стал мне братом.
Так давайте в бокалы немного нальём,
Тех восславим, кто с лирою дружит.
И заздравную городу песню споём,
Пусть над нами его образ кружит.

Вот она предо мною, гора Митридат,
Память древнего Пантикапея,
Будем славить в стихах всех ушедших солдат,
Наших дней и далёких Нимфея.
Где бы ни были мы, в ближних, дальних краях,
Будем помнить костры и обряды,
В серебристых волнах, словно гордый маяк,
Город Керчь и Нимфей с нами рядом!

РУССКИЙ ПАСПОРТ

Бывает же в жизни
такая минута,
Порой не минута,
а просто момент,
Когда неожиданно
надо кому-то
Раскрыть, предъявить
личный свой документ.

Какая же прелесть:
есть адрес и фото.
Двуглавая птица
взирает на вас.
И вот отодвинулся
в сторону кто-то,
Остался не тронут
словесный запас.

И, как Маяковский,
поддёрну штанину.
Гляжу, паспорт пряча,
на прочих в упор.
Приятна мне гордая
эта картина,
Я — русский! Я — здесь!
Вот и весь разговор!

Михаил БОРОВСКИЙ

Международный журналист, редактор, писатель и поэт. Автор сотен статей, интервью, репортажей и очерков. Жил в СССР, Израиле, Канаде, США и на Украине. Его рассказы и стихи публиковались в «Литературной газете» (Москва), «Литературной газете — Курьер культуры» (Севастополь), журналах «Берега Тавриды» (Крым), «Метаморфозы» (Беларусь) и др., в многочисленных коллективных сборниках и альманахах.

Выпустил два сборника стихов. Лауреат международных поэтических фестивалей. В настоящий момент живёт в Ялте. Член Союза писателей Республики Крым.

ЛЮБИМОЙ

Мы пройдем с тобой краем неба,
Там, где небо встречается с морем,
Где никто до нас ещё не был,
Где одни будем мы с тобою.

Мы заранее сбросим одежды.
Не нужны нам одежды в море,
Не нужны нам одежды в небе,
Где сбываются все надежды!

Станет море для нас постелью,
Небо звёздное — одеялом.
Мы не зря друг друга хотели,
Этой ночи нам будет мало!

Первый солнца луч долгожданный
Встретим мы между небом и морем.
В серебристой росе перевозданной
Мы с тобою друг друга умоем.

Поплывём на кошке перуанской,
Загребая волну ладонями,
Мы в прекрасном пустом пространстве,
Не нарушенном посторонними.

И, прервав на минуту греблю,
Дружно мы с тобой поклонёмся,
Что туда, на срамную землю,
Никогда уже не вернёмся!

РАСКОЛ

Крепкий настой ромашки:
Руки стали грубы.
Чай из надколотой чашки,
Жизнь из надбитой судьбы...

По мелочам рассеяно,
Растрчено по пустякам,
В пьяной тоске потеряно
Всё, что досталось нам!

Рассыпалось мелким бисером —
Захочешь, не соберешь.
Кажешься независимой?
Откуда ж на сердце дрожь?!

В счастье давно не верится,
Треснуло всё, увы!
Напрочь ничто не клеится:
Всюду грубые швы...

В ЧЕХОВСКОМ САДУ

День рожденья Марии, круглая дата.
Летнее солнце нагрело аллеи.
Был он в саду, только вышел куда-то...
Бабочка ищет соцветье будлеи.

Жаркое лето, плавится Ялта,
Тринадцатый год двадцатого века.
И в отголосках птичьего гвалта —
Голос родного ей человека.

Ей показалось — сказал из-за тиса:
«Маша, здоровья тебе и удачи!»
И проплыла по стене Белой дачи
Тень от посаженного им кипариса...

Ирина КОЛЯКА

Член Союза писателей Республики Крым. Родилась в апреле 1964 года в Карагандинской области Казахстана. Отрочество прошло на Новгородской земле, в городе Валдае, юность — в Ленинграде. В Крыму живет с 1986 г. Экономист по профессии, поэт по состоянию души. Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон».

Светлой памяти бабушки моей,
рабы Божьей Марии...

Мне бы баньку с пряным веником берёзовым,
Да по-чёрному, как в детстве, у реки,
Где в воде студили жар с закатом розовым,
Где ещё при доброй силе старики,
Друг за другом со смирением ушедшие...
Где витает дух парного молока....

Где живёт моё далёкое, прошедшее?
Там, где я, не повзрослевшая пока,
Вдаль бегу, траву сминая пятками.
Где одно простое платье на сезон,
И нет смысла сокрушаться над заплатками,
И о прошлом сокрушаться не резон.

Там, где я не городская, деревенская,
Тёплый сруб и красный угол в образах,
Где лишь раз, случайно, вроде на Смоленскую,
Я врасплох застала бабушку в слезах.
Вдовью боль от нас, внучат, надёжно прятала.
Был на всё с улыбкой ласковой ответ.

В чистом доме пахло выпечкой и мятой....
Сколько зим коротких, сколько долгих лет
Пролегло меж нами ныне.... Вслед за грёзами,
Путь мой в гавань, где погаснут маяки.
Мне бы баньку в ней, да с веником берёзовым,
Да по-чёрному, как в детстве, у реки...

Я не мыслю себя без России,
Где мой милый родительский дом,
Где мне чудился голос Мессии
В куполах, отражѐнных прудом,
Где душой принимала крещение,
Где венчалась под русским крестом,
Где у Бога просила прощенья
И грехи высекала кнутом
Благодатного Божьего слова...
Нынче я на Руси редкий гость.
Но зовѣт меня снова и снова
Затерявшийся в травах погост,
Где останки славянского рода,
И мою породившие ветвь,
Где российских просторов природа —
Несказанный, пречистый мой свет.

Под манящей берѣзовой сенью,
Упиваясь озѣрною синью,
Припадаю к земле на колени
И не мыслю себя без России.

Мы просто возвращаемся домой —
Другого не дано. Дай, Боже, силы!
Домой идём — не в омут с головой —
В объятия Крымской Матушки — России.
Идём во имя будущих детей,
Во имя предков, павших в правой битве.
Мы против разрушительных идей,
Вражды и злобы. В праведной молитве
Взываем к вездесущим Небесам!
На что Мамона вновь толкает братьев,
Страну ввергая в хаос, в стыд и срам,
В погранье прав бесчинствующей ратью?
Дай, Боже, Украине обрести
Благую и достойную свободу!
Дай с честью веру в завтра пронести!
Мы с братским обездоленным народом
Останемся и сердцем, и душой.
И пусть пока бросают камни в спину,
Поймут однажды — мы ушли домой,
Ушли, не предавая Украину!

Марина ШАМСУТДИНОВА

Родилась в 1975 г. в Иркутске. В 2003 г. окончила Литературный институт им. М. Горького (мастерскую Станислава Куняева). Автор шести книг стихов: «Солнце веры» (2003), «Нарисованный голос» (2007), «Дань за 12 лет» (2010), «Стихи» (2011), «Русская сказка» (2015), «Правда» (2016). Печаталась в журналах «Наши современник», «Сибирь», «Созвездие дружбы», «Первоцвет», «Огни Кузбасса», «Московский вестник», «Викинг», «Литературная Вена», «Крым» и др. Лауреат поэтической премии им. Юрия Кузнецова за 2010 год (журнал «Наши современник»). Победитель фестиваля «Славянские традиции» (2011, 2013, 2014), лауреат премии «Славянские традиции». Первое место на I Международном литературно-музыкальном фестивале «Интеллигентный сезон-2015» в номинации «Стихи для детей», лауреат III степени II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон — 2016» в номинации «Проза для детей». Победитель конкурса СП России им. Н.А. Некрасова. Член Союза писателей России, Союза писателей XXI века, Союза писателей Республики Крым, Академии поэзии.

Хорошо, что любимый не пишет стихи.
Его речи надмирны, добры и тихи.
Без напора и страсти, без дурацких затей
Прячет милое счастье от врагов и друзей.
Потому что святое — дом и тёплый очаг.
Чтоб не стал он золою, не потух, не зачах.
Прячут крепкие стены ровный, ласковый свет.
С ним для целой Вселенной меня нет, меня нет.

ПИСЬМО ИЗ КРЫМА

1.

Мы не блокадники, блокада Ленинграда
Была страшнее дантового ада,
И Ладога не Керченский пролив.
Пищу письмо, откушав и попив.

2.

Зимую на даче в Крыму,
Свет есть, отключенья всё реже.
Бывало, неделю заснежит —
И печка в угарном дыму.

Свечой согревали еду,
По-пушкински кутались в шали,
Смеялись и дружно прощали
Блокаторов злую байду.

Гуляли вдоль моря с детьми,
С гитарой сидели в подъезде,
И всех с незалежной болезнью
Просили: «Господь, просветли,

Подай им небесного света,
Пусть взрыва шальная комета
Морозного неба не рвёт!»
Рассвет уже близко, народ!

Заковала сердце в броню.
Не заденешь ни взглядом, ни словом.
Лупоглазую инженерю
Хохочу, что нашла другого.

У него богатырская статья,
В каждом городе по коттеджу,
Золотые кредитки листать...
Лишь ночами тобою брежу.

Ведь улыбкою на лице
Маскирую безбрежное горе.
Моя жизнь — в драконьем яйце,
А дракон — с зайчихой на море...

Труп страны заровняли суглинком,
А приказчик и ключник при деле.
Собирали добро по крупинкам —
Разбазарили за три недели.
Нашу землю ещё пятаками
Предки тысячу раз выкупали:
Оплатили и земству, и банкам,
И царям, и заносчивым барам.
Заслонили расплавленным танком,
Своим телом от вражеской свары.
Землю мы выкупаем по новой.
Отменились былые декреты,
Отсиделись менялы по норам,
Обветшалые всплыли заветы.
Не получим ни землю, ни недра,
Каждый купчик теперь при бумажке,
Есть владелец у солнца и ветра,
Есть хозяин у моря и пашни.
Нам в наследство досталась — Победа!
Мы — наследники... Вспомним про это.
Ведь «от тайги до британских морей
Красная армия всех сильнее»!

Зинаида ДУДЧЕНКО

Зинаида Ивановна Дудченко родилась в г. Лунинец Брестской области Беларуси. В восьмилетнем возрасте вместе с родителями переехала на Украину, в Кривой Рог, где прошли детство и юность. С 1971 г. живет в Крыму, в г. Армянске. Печаталась в коллективных поэтических сборниках, альманахах. Поэт, прозаик. Автор четырех книг на русском и украинском языках. Член Союза писателей Республики Крым.

НАСМЕШЛИВОЕ СЧАСТЬЕ

Уйти в себя, на край умчаться,
Залечь на дно...
Моё насмешливое счастье
Следит за мной.

Средневековой торговкой
Кричит мне вслед.
Мой неумелый, мой неловкий,
Любой секрет.

Нет ни забвенья, ни участия —
Всё западня.
Моё насмешливое счастье,
Покинь меня.

Миг так прекрасен, что просто понять,
Просто осмыслить — мало.
Если бы я умела ваять,
Я бы его изваяла.

БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ

Мне б уповать на матовость лица
Под видом незатейливой гризетки
И собирать разбитые сердца
Иль оставлять на них живые метки.

Пройти по жизни, воздух всколыхнув
Духами пробы знойного «Сирокко».
Не в одиночку отходить ко сну
И никогда не чувствовать сиротства.

Мне б надевать на лунные персты
Скорей колечко, перстень — не наперсток.
И чтоб при этом — помыслы чисты,
А на душе безоблачно и просто.

Но всё не так, как грезится порой:
Защита в латы, как Аника-воин,
Сама себе — защитник и герой,
И несть числа моих житейских войн.

На стихи В. Брюсова

Я, начитавшись ветреных стихов,
На миг как будто ветреницей стала.
К рукам твоим я потянулась станом
И задрожала от твоих оков.

Тянуться, встав на кончики носков,
И лиц руками повторять овалы —
Как это много, даже если мало,
Подсудно если испокон веков.

Но что нам суд юнцов иль стариков,
Ведь нас хранит природная стыдливость,
Хоть опьянение лишь мгновенье длилось,
Нам позабыть его не так легко.

И только ощущение чистоты
И ясности высвечивает душу.
Мы долго будем мудрость плоти слушать
Сквозь эти наведённые мосты.

Прислушаюсь к себе без суеты:
Светла душа, нет совести укусов.
Права ли я и виноват ли Брюсов?
Своим звонком ответишь завтра ты.

Асине МЕДЖИТОВА

Родилась 9 ноября 2000 г. в прибрежном городе Евпатория. Учится в 10-м классе физико-математической школы. Дополнительное образование получает в Литературной студии имени писателя Бориса Балтера МБОУ «Гимназия им. И. Сельвинского». За три года обучения в литературной студии успела стать дважды стипендиатом городского головы, стипендиатом Верховного Совета Республики Крым в области литературного творчества; действительным членом Малой академии наук «Искатель» по направлению «Литературное творчество»; многократным победителем республиканских и международных литературных конкурсов: победитель III и IV Республиканского молодежного литературного фестиваля «Прошу слова» в номинации «Триумф короткого сюжета»; лауреат IV Республиканского литературного семинара молодых авторов Крыма; лауреат II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон — 2016» в номинации «Малая проза»; лауреат VII Республиканского литературного семинара молодых авторов Крыма в номинации «Поэзия».

Я шагаю весной по лужам,
портя новенькие сапоги —
мне шестнадцать,
долой простуды,
и размыло водой пути...
Я шагаю весной по лужам;
дважды семь так и будет — семь;
мне шестнадцать,
и пляшет ветер у пустеющих школьных стен...

ДЕНЬ

Мой друг — одинокий ребёнок апреля,
вихрастый и солнечный,
как воробей;
в его тощих руках исчезают недели,
и нам бы встретиться
поскорей.

ЕВПАТОРИЯ

Мой город солнечный
презрительно назовут
«провинцией».
Я не обижусь,
но,
наверное, усмехаясь,
отвечу:
«Я — провинциалка».
Не сказать, что ярая патриотка,
но мой город солнечный,
где веет запахом соли,
всё-таки
мой.
Город
на дальнем отшибе
суши,
крохотный полуостров,
омытый морским заливом,
залитый солнцем,
мой город похож
на какой-нибудь
муравейник,
где копошатся люди,
рутинно, обыденно, серо.
Мой город омыт
Каламитским заливом,
и солнцем, и щемящей
нежностью
моего
сердца.

КРЫМ

Как сладок, нежен Крым...

Я вдыхаю его.

Чувствую, как дрожат пальцы и сжимается сердце...

Я вдыхаю его. Слышите, вдыхаю!

Набираю морскую воду в пригоршни,

и солнце смеётся в моих ладонях

и убегает сквозь пальцы вниз, вниз, вниз...

Я вдыхаю его.

Горы, похожие на спящих драконов,

плоские яйлы,

морозный воздух и листья, шелестящие под ногами,

призрачные водопады,

потоки прозрачных ручьёв,

гладкие скользкие камни,

влажность, от которой кудрявятся волосы.

Я люблю Крым.

Щемит сердце глубоко-глубоко.

Воспоминания образами тревожат душу.

Легенды Крыма, впитанные с молоком матери...

Сердце их помнит, потому что оно едино

с моим народом, с моим Крымом.

И небо, ночное небо — чёрное и бесконечное,

блистающее мириадами звёзд!

Посмотри в Бесконечность,

и Бесконечность откроется тебе.

А если боишься, сделай шаг

на исхоженные мной тропинки Крыма,

и он останется в твоём сердце

монеткой из Бахчисарайского фонтана.

Крым — моё сердце...

Слышите!

Я говорю о моей Родине.

У нас лето девять месяцев в году,

море нежное, как материнские руки,

раскалённый прибрежный песок

и жаркий степной ветер, пышущий пылью и духотой.

А зима — три ноября и неделя снега и гололёда —

закованные в лёд алые головки шиповника,

море, покрывшееся ледяным панцирем, будто лужа,
в которой дети любят проламывать лёд,
а затем дожди — мелкие со снегом,
свинцовое небо и свежесть,
изредка выпадает хрустящий пушистый снег,
и декабрьские розы на клумбах в безветренных местах.
Я вдыхаю его.
У меня дрожат пальцы и сжимается сердце от нежности...
Двигутся по кругу девять частей июля
на три ноября — горы — степь — море...
Горы, степь, море.
Солёная вода течёт сквозь пальцы
и жжёт все мелкие царапинки.
У меня в венах, артериях и капиллярах течёт солёная вода.
Солёная.
Черноморская.
Я вдыхаю его.
Слышите?!
...Я кидаю монетку в Бахчисарайский фонтан.
Крымом грезили мои деды,
Мои родители,
А я вдыхаю его.
Крым — моё сердце...
Слышите!

ОТДЕЛ КРИТИКИ

SYMPLEGADES

Валерий СДОБНЯКОВ

В ПУСТОЙ БОЧКЕ ЗВОНУ МНОГО

ФЕЛЬЕТОН

*(как «писатель» Владимир Седов
Ивана Алексеевича Бунина в свои подмастерья определил)*

Принесли мне тут как-то новый журнал, начавший выходить в Нижнем Новгороде. Принесли с запозданием, да, как я понял позже, не случайно, а с умыслом. Видно, хотели лишний раз меня «зацепить», чтоб не больно в своих требованиях к коллегам-литераторам был строг. Только получилось всё наоборот. Прочитал я указанную мне в этом журнальчике заметку и от всей души расхохотался. Да не абы как, а чуть не до слёз. Вот уж повеселил меня автор, так повеселил.

И заметка-то, прямо надо сказать, пустяшная. Но так в ней господин «литератор» раскрылся (прямо до самых, как у нас говаривали ещё не так давно, печёнок, до самой глубины своего дремучего невежества), что куда там современным пересмешникам. Нет, и они бы не сдюжили, не смогли бы так высмеять нашего «героя», как высмеял тот себя сам.

Ну, посудите сами — разве ж кому-то в здравом уме и трезвой памяти (хоть пусть он и считает себя в местной провинциальной литературе величайшим из великих) придёт в голову ставить себя и свои убогие мыслишки, кои, как я думаю, не всякая районная газетка решится опубликовать, выше произведений Ивана Алексеевича Бунина. Ведь это ж позор несмыываемый на себя навести — никак не иначе. Ведь и сто лет пройдёт, а кто-то дотошный всё ж раскопает эту публикацию и ужаснётся. А потом и посмотрит в газетке — кто же это был её редактором, что такую пошлость на страницы своего изданьца допустил? Ведь автор-то в своих мечтаниях, может, и ставит себя выше классика мировой литературы, да только это ж всё химера-с, туманец, заблужденьице-с, так сказать, незрелого ума, разыгравшегося болезненного воображеньица-с. Но редактор журнальца, видимо, суда потомков не боится. И правильно, родимый, делает. Иначе как бы мы получили такое удовольствие, которое сейчас в полной

мере и совершенно безвозмездно для нашего кармана (журналистик издаётся за счёт бюджета областного правительства) имеем.

Да уж не буду лишнего томить вас, дорогой моему сердцу и нетерпеливый интеллигентнейший наш читатель. Всё как есть, всё, что имею сказать вам, сейчас же, и без всякой задержки, объясню.

Речь я свою нескладную веду о недавно опубликованных в том самом новом нижегородском журнальчике «Пяти страничках из дневников Владимира Седова (2014) — Ивана Бунина (1919)». И не думайте, что я тут допустил ошибку или как-то по злобе своей неизбывной искадил название опубликованного в журнальце материала. Ничуть-с! Истинно так и стоит — сначала Седов, надо полагать с уверенностью, что имя этого «писателя» читателям, без всякого сомнения, известно более, чем имя второго, какого-то там Бунина. Потому мыслищи первого и подкрепляются, подвёрстываются внизу, в подвальчике-с, записями второго.

Первый, то бишь Седов, говорит о великом, глобальном, например, о том, как он посетил нижегородское «шоу» Comedy Club и был настолько расстроен увиденным и услышанным («На сцене небритое, невымытое полусонное слабо говорящее на человеческом языке существо... [Вот он — образ-то, вот она — великая проза великого художника слова! — В. С.] Анекдоты, мат, сиськи, письки...»), что в глубоком гневе своём не стал наш «писатель» дарить «говорящему на человеческом языке существу» своей великой книги «Зелёное пальто». Так прямо безжалостно и написал — как отрезал: «Приносил свою новую книгу «Зелёное пальто». Не отдал».

Вот теперь и гадайте, любезные читатели, как «небритое, невымытое полусонное слабо говорящее на человеческом языке существо» сможет жить без новой книги Седова. Никак не сможет-с! Ему только теперь и остаётся, что ложись да помирай. Ведь великих строк оно прочитать уже не в состоянии, приобщиться, так сказать, к культуре, услышать истинно человеческую речь не получится.

Вы, может быть, подумали, что я что-то упустил в заметке нашего «писателя». Мол, нельзя же назвать, в истинном смысле этого слова, произведением то, что я вам только что процитировал. Ну почему же нельзя? Вот главный редакторец журнальца уверен, что так оно и есть — истинно произведение литературы. И я разве ж посягнул бы, посмел что-то из этого произведения упустить? Да ни в жизни! Я ж понимаю, с чем имею дело. Сам-то

нет-нет да книжки почитываю. А тут возьму да этакой силищи мысли-с утаю. Это ж преступление перед потомками — и никак не иначе-с. К тому же за этими мыслищами, переживаниями какая силища духа видится! Ведь вот книгу-то — не отдал!

Конечно, после таких строк Седова Бунин как-то «не дотягивает», как-то он, родимый, мелковат, что ли? Только что и годится его текст, написанный в самые страшные послереволюционные времена, на «подвёрстку» нынешних «глубинных» рассуждений современного автора. Вот что цитирует у Ивана Алексеевича наш «писатель»:

«Новая литературная низость, ниже которой падать, кажется, уже некуда: открылась в гнуснейшем кабаке какая-то «Музыкальная табакерка» — сидят спекулянты, шулера, публичные девки и лопают пирожки по сто целковых штука, пьют ханжу из чайников, а поэты и беллетристы (Алёшка Толстой, Брюсов и так далее) читают им свои и чужие произведения, выбирая наиболее похабные. Брюсов, говорят, читал «Гавриладиу», произнося всё, что заменено многоточием, полностью. Алёшка осмелился предложить читать и мне, — большой гонорар, говорит, дадим».

Так ведь эти известные литераторы, чтобы не умереть с голоду, пошли на такое самоунижение. Шли на хлеб насущный зарабатывать, чтобы жизнь свою и своих близких спасти. А Бунин, так тот и на это, несмотря на голод, не пошёл. Хотя, известное дело — нет страшнее чувства для человека, чем когда есть нечего. А ты-то, так и хочется спросить новоявленного «писателя», чего пошёл в этот самый Comedy Club? Ведь вот И.А. Бунин не пошёл в «гнуснейший кабак». А ты туда «завалился» именно для того, чтобы про эти самые «сиськи» и «письки», мат да срамные анекдоты послушать. Ах да, ещё книжку свою подарить. Ну и ожидал, что встретят соответственно — как местную знаменитость. Обласкают и слов сладких наговорят. А оказалось, что никому ты там не нужен. Хоть и человек, как я слышал, далеко не бедный. Вот и обиделся.

Ну да ладно, читаем дальше. К тому же следующая заметка касается непосредственно нас. Приведу сей замечательный документ полностью.

«Сдал свою вещь (рассказ «Пенсия») в журнал «Вертикаль». Сам никогда его не читал. Слышать — слышал, видеть — видел, но не читал. А зря. Когда напечатали, пришлось прочитать от корки до корки. С кем буду в соседях. Стало стыдно. Надо было

бы всё же вначале почитать то, что называется — «литературный журнал».

Ну уж тут, дорогой читатель, мне писать комментарий — сплошное наслаждение испытывать. Прямо скажу — удружил мне наш «писатель».

И первое — действительно, зачем читать книжки и журналы. Ты же не читатель — писатель. Быть грамотным и начитанным тебе вовсе необязательно. Оттого и распечатка принесённой в редакцию «вещи» была с огромным количеством ошибок. Даже предложения все сплошь написаны слитно. Такое впечатление, что о правилах пунктуации наш «писатель» слыхом не слыхивал, да просто о существовании таковых не имеет понятия. (В редакции случайно эти несколько листов сохранились — на обороте их, в качестве черновика, распечатан другой материал, и любому желающему сей шедевр «творческой мысли» мы с превеликим удовольствием покажем.)

Прочитал я тогда сей текст, посмеялся да и отбросил его в корзину. Но друг мой попросил — подготовь. Тема социальная, о том, как тяжело оформлять пенсии в современной России даже таким небедным людям, бывшим министрам, как Седов. «Текст крошечный, ты легко его приведёшь в порядок». И я, каюсь, поддался на уговоры, пошёл против редакторской совести. (За что и получил сейчас большое «мерси-с».)

Но, конечно, в том виде, в каком написан текст, его печатать было невозможно. Позвонил автору, сказал, что говорить о публикации можно только после серьёзной редакторской переработки. Тот согласился безоговорочно. Я переписал эту социальную зарисовку (всего-то она в журнале заняла две с половиной странички) и опубликовал в рубрике «Современные нравы» — не в «Прозе».

Не буду пересказывать, как мне от нашего «писателя» звонили секретари и помощники, как просили переслать отредактированный текст, как ждали публикацию. Одним словом — времени, чтобы ознакомиться с журналом, было навалом. Но нет — не превозмог себя, не смог сконцентрировать всю мощь своего непревзойдённого интеллекта, не осилил, не почитал.

Зато потом на нашего героя вдруг снисходит озарение: «Надо было бы всё же вначале почитать то, что называется — «литературный журнал». Знаете, и я того же мнения — надо!! Тем более если считаешь себя «писателем».

Но каких соседей, «прочитав от корки до корки» 41-й номер «Вертикали. XXI век» (тут я, дорогой читатель, непременно обращаю ваше внимание на фразу «от корки до корки», что обозначает, что судит «писатель» Седов о всём содержании прочитанного им номера), увидел вокруг себя на журнальных страницах наш герой? Соседство его зарисовки с какими произведениями привело его к столь острому и нестерпимому стыду? Стыду за то, что его «высокое» произведение оказалось осквернённым соседством всё сплошь с неизвестными для него писательскими именами да низкопробными художественными произведениями — повестями Владимира Крупина и народного писателя Якутии Николая Лугинова в переводе замечательных современных прозаиков Петра Краснова и Владимира Карпова. Стихами Николая Заболоцкого (так мы отметили юбилей классика русской поэзии, впрочем, это для кого-то он классик, а Седову с ним в одном журнале печататься — стыд непереносимый) и поэмой из архива Олега Шестинского, стихами Николая Рачкова, с литературно-критическими статьями Валентина Курбатова и Людмилы Сипко. Ну и далее, далее, далее...

К тому же писатель из Якутии Николай Лугинов заканчивал трилогию о Чингисхане, отрывок из которой и прислал в журнал «Вертикаль». Теперь по этой книге снят фильм, а саму трилогию, как мне сказали, выдвинули на Государственную премию. Но соседство и с таким произведением для Седова — стыд. И правда, что это за труд по сравнению с двумя страничками его «Пенсии». Абсолютное баловство-с, не иначе. Как и эссе Валентина Курбатова о военных повестях Виктора Астафьева. Опять же, вы уж извините меня, дорогие читатели, но не удержусь, повторюсь, это ж как минимум надо знать прозу Виктора Петровича, книжки и литературные журналы, извиняюсь за грубость выражения, хоть иногда почитать, а не только в Comedy Club захаживать, где анекдоты, мат да про «сиськи и письки» толкуют. Тогда, может, и не так стыдно будет, что с такими писателями, поэтами да критиками в одном журнале публикуешься. Может, даже порадовался бы. А так — один конфуз.

Словом, я понимаю, насколько все эти имена и произведения непривычны «изысканному литературному» слуху нашего «писателя».

Впрочем, не идёт ли эта неприязнь ещё и оттого, что в те времена, когда «писатель» ещё только командовал вещевым рынком

(в простонародье — «барахолкой») и не помышлял о творческих взлётах, все перечисленные мною прозаики, поэты, критики уже успели многое сделать в отечественной литературе? Нет ли в его отношении к ним «писательской ревности»?

Ну, право же, не знаю, что и подумать.

Конечно, эти по праву заслужившие любовь сотен тысяч читателей писатели и поэты, чьи произведения, к тому же, переведены на многие языки других народов мира, не знают, что и почему можно с выгодой купить и перепродать. Оттого-с «цена» их в глазах посетителя Comedy Club может оказаться ничтожной, плёвой-с. Я это вполне допускаю. Только тогда хочется у него спросить — какое же это отношение имеет к литературе?

В общем — просто теряюсь в догадках...

Хотя ведь есть у нашего народа такая поговорочка, знаете ли, не совсем приятная, но, честное слово, лучше ведь и придумать невозможно-с: «Не суйся со свиным рылом в калашный ряд». Может, кого и смутил я сей резкостью (впрочем — оговорюсь, оговорюсь, родимые мои — это не я, это всё народец наш, который, видишь ли, тёмный, груб да необразован, в Comedy Club не ходит — так какой с него спрос?), а попробуй-ка скажи точнее. Нет, не скажете. Об любой заклад, родимые, бьюсь, что не сыскать вам точнее слов — хоть и грубоватые-с они для изысканного слуха некоторых-с.

Ну, дальше-то я разбирать записи нашего «писателя» не стану. Признаюсь, насмеялся я вволю, а уж далее скучать начну-с. Этого мне, как на духу признаюсь, ну никак не хотелось бы. Уж больно у меня сейчас хорошее настроеньице-с!

Post scriptum.

Посмеяться-то я посмеялся вволю над этими «писательскими» изысканиями, а потом и задумался, когда напомнил самому себе, что, между прочим, сей литератор в 2000-х годах несколько лет был министром культуры Нижегородской области, определял, так сказать, культурную политику региона — какие книги публиковать, какие спектакли финансировать, каких художников поддерживать, кому и какие средства выделять.

В общем — по своему разумению внедрял культуру в тёмные и необразованные народные массы. И всё с таким-то вот изысканнейшим вкусом, с высоты, так сказать, непоколебимого

авторитета и незыблемого интеллекта. При этом не уставая повторять, что с самим Никитой Сергеевичем Михалковым на дружеской ноге.

Теперь итоги этого правления мы расхлёбываем... Ну так чья очередь смеяться?.. И что если не в одной Нижегородской области подобные субъекты похозяйничали в культуре? Что тогда? А вы их всё пугаете, объявляя один год Годом культуры, другой — Годом литературы... Корабль меж тем плывёт ранее проложенным курсом.

Валерий СДОБНЯКОВ
Нижний Новгород

НЕ ТАКИЕ КАК ВСЕ

Ещё раз поздравляю «Арину» с 15 летним юбилеем, желаю ей и Борису Селезнёву интересных авторов и ещё больше читателей.

Обладая несколько ироничным складом ума, я выделила бы в предыдущем номере двух несомненно талантливых авторов: Диану Кан и Льва Пряхина

Вся подборка Дианы Кан пронизана непростым чувством к мужчинам-поэтам:

*Здесь ещё чужая. Там уже чужая.
Полно!.. То потеря в жизни небольшая.
Ну ка, ногу в стремя, в руки — удила.
Отродясь насильно милой не была.*

Похоже, фигурально и Александру Пушкину с горячей руки досталось: «Вали, вали к змеище Вальке»... Но снова Диана Кан в седле и с шашкой наголо: «не желая быть, как все...»

И на контрасте другой автор — Лев Пряхин. Симбиоз ироничного мыслителя и доступного философа, былинным языком уводит вглубь веков, очаровывая так, что теряясь, растворяешься в его творчестве.

*Когда почувешь интерес обильный
К судьбе далёких пращуров своих,
То оживают сказочные были,
Перед которыми бледнеет стих.*

Или:
*Молчание не троньте, не трясите.
Не рассыпайте многогранный гам
По дремлющим озёрам и лугам,
По весям и по городам России.
Она всё взвесит, всё решит до срока
И всё молчанием расскажет нам.*

С какой тонкой и умной иронией сказано!
Читайте хороших авторов! Читайте «Арину»!

Людмила ЭДИГАРЬЕВА

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ
НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ»**

Информационное письмо № 1 (18), 2017 г.

5 мая 2017 г. Союз писателей России и редакция журнала «Бийский вестник» наградили Валерия Сдобнякова медалью «Василий Шукшин».

С Днем Победы председателя Нижегородской областной организации Союза писателей России поздравил председатель Законодательного собрания Нижегородской области Е.В. Лебедев.

30 апреля и 3 мая 2017 г. в Нижегородской государственной академической филармонии им. М. Ростроповича в рамках Пасхального фестиваля (художественный руководитель Валерий Гергиев) были показаны симфоническая и камерная программы, на которые был приглашен главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век» В.В. Сдобняков. Симфонический оркестр Мариинского театра исполнил произведения М. Равеля, И. Стравинского, А. Брукнера. В камерной программе прозвучали произведения в исполнении солистов Академии молодых оперных певцов Мариинского театра (художественный руководитель Лариса Гергиева): Антонины Весениной, Виктории Ястребовой, Юлии Маточкиной, Ильи Селиванова, Григория Чернецова.

29 апреля 2017 г. Художник М.В. Занюга передала в дар редакции журнала «Вертикаль. XXI век» свою картину «Полдень на реке Белой».

24 апреля 2017 г. Санкт-Петербург. Прошла международная профессиональная конференция, приуроченная ко Всемирному дню книги и авторского права, на которой присутствовали издатели, юристы, писатели из России, Эстонии, Финляндии, Германии. В работе конференции приняли участие около 40 человек, в том числе главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век» В.В. Сдобняков.

4 апреля 2017 г. Глава города И.Н. Карнилин подписал Постановление №51-п от 23.03.2017 г. о награждении председателя Нижегородской областной организации Союза писателей России, главного редактора журнала «Вертикаль. XXI век» В.В. Сдобнякова «Почётным знаком главы города Нижнего Новгорода». Высокой награды Валерий Викторович удостоен «за большие заслуги в области культуры, литературы и искусства, большой вклад в изучение и сохранение культурного наследия, высокий профессионализм, многолетнюю плодотворную общественную и творческую работу и в связи с 60-летием со дня рождения».

28 марта 2017 г. Департамент культуры администрации Нижнего Новгорода в усадьбе Рукавишниковых отметил День работников культуры и День театра. На торжестве выступили глава города И.Н. Карнилин, министр культуры областного правительства С.А. Горин. После концерта состоялся торжественный приём, в котором от Нижегородской областной организации Союза писателей России приняли участие В.В. Сдобняков, И.К. Кузьмичёв, В.П. Киселёв.

22 марта 2017 г. В Нижегородском государственном художественном музее прошла расширенная коллегия областного министерства культуры, на которой от нижегородских писателей присутствовал В.В. Сдобняков. Показательно отношение министерства к труду писателей. В своём докладе министром С.А. Гориным достижения местных литераторов не были упомянуты вовсе.

21 марта 2017 г. Художник Александр Викторович Домничев преподнёс в дар редакции журнала «Вертикаль. XXI век» свою графическую работу.

20 марта 2017 г. Нижегородская областная организация Союза писателей России и Государственный музей-квартира А.М. Горького провели литературную встречу. Поэты, прозаики, публицисты Б. Селезнев, Т. Антипова, С. Леонтьева, П. Тарабрина, М. Рубцов, В. Сидоров, И. Соловьёв, А. Тремасов, А. Альпидовский и другие представили свои новые книги, обменялись мнениями о современном литературном процессе. Вел встречу Валерий Сдобняков, который подарил музею журналы «Вертикаль. XXI век» (№ 49, 50) с публикацией глав из своей новой книги «Искры потухающих костров» и книгу «Память сердца» (издательство «Вертикаль. XXI век», 2017).

20 марта 2017 г. В издательстве «Вертикаль. XXI век» вышла новая книга Валерия Сдобнякова «Память сердца». В книгу собраны очерки главного редактора литературно-художественного журнала «Вертикаль. XXI век» о нижегородских писателях и художниках разных поколений — Юрии Адрианове, Сергее Карасёве, Иване Борькине, Александре Костине, Василии Осипове, Валентине Николаеве, Евгении Расторгуеве, Викторе Кумакшеве, Александре Цветнове, Константине Проимине, Семёне Шуртакове, Владимире Заногге, Викторе Пурихове, Николае Мидове, Владимире Чугунове.

16 марта 2017 г. В Законодательном собрании Нижегородской области прошло заседание постоянно действующей рабочей

группы по совершенствованию законодательства о некоммерческих организациях, в которую входит председатель НОО СПР В.В. Сдобняков.

18 февраля 2017 г. Вышло постановление общего собрания Нижегородской областной организации Союза писателей России. Заслушав отчётный доклад председателя правления организации В.В. Сдобнякова, выступления членов правления и членов организации Б.А. Селезнёва, В.А. Чугунова, Ю.В. Назарова, М.А. Сатирской, Л.Ф. Калининой, И.К. Кузьмичева, А.М. Коломийца и других, общее собрание постановляет: признать работу правления Нижегородской областной организации Союза писателей России во главе с В.В. Сдобняковым в период с 2012 по 2017 г. удовлетворительной. Голосование — единогласно. Избрать председателем организации на новый пятилетний срок В.В. Сдобнякова. Принято единогласно. Избрать новый состав правления: Валерий Викторович Сдобняков, Анатолий Александрович Абрашкин, Алексей Маркович Коломиец, Александр Васильевич Мюрисеп, Александр Алексеевич Ломтев, Владимир Аркадьевич Чугунов, Юрий Владимирович Назаров, Юрий Александрович Курдин, Владимир Серафимович Новиков. Принято единогласно. Избран новый состав ревизионной комиссии: Борис Анатольевич Селезнев, Евгений Иванович Галкин, Михаил Иванович Рубцов. Принято единогласно. Секретарь собрания Б.А. Селезнёв.

13 февраля 2017 г. В большом зале областной писательской организации открылась новая выставка живописных работ «Белоснежная палитра» Марии Заноги. Картина «Мельников-Печерский» Владимира Заноги представлена в зале правления организации. Организатор выставки — редакция журнала «Вертикаль. XXI век».

6 февраля 2017 г. В помещении Нижегородской областной организации СП России открылась выставка графики художника Александра Викторовича Домничева, организованная редакцией журнала «Вертикаль. XXI век».

4 февраля 2017 г. С. Сартаково. В музее был отмечен юбилей известного поэта и общественного деятеля В.Н. Исайчева. Среди приглашённых гостей — губернатор Нижегородской области В.П. Шанцев, митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий, председатель Нижегородской областной организации Союза писателей России В.В. Сдобняков, vicарий Нижегородской митрополии епископ Илия, глава Богородского

района К.В. Пурихов и многие другие. Все они тепло поздравили Владимира Николаевича с 75-летием.

В 2017 г. в издательстве «Вертикаль. XXI век» вышли книги:

Темнухин В. Каяла, или Повесть о походе Игоря Святославича, внука Олегу Святославичу, который правнук Владимиру Святославичу Красное Солнышко;

Рубцов М. Ход особого назначения. Очерки;

Антипова Т. От Рождества до Рождества. Стихи;

Коломиец А. Три венка сонетов;

Соловьёв И. По следу цветочного льва. Истории и сказки для детей;

Сдобняков В. Память сердца.

30 января 2017 г. Нижегородский дом актёра. На вечере, который вёл Валерий Сдобняков, была представлена книга заслуженного артиста РФ профессора Нижегородской консерватории А.В. Мюрисепа «Степень свободы», вышедшая в издательстве «Вертикаль. XXI век». Предваряя встречу, председатель Нижегородской областной писательской организации вручил автору книги почётную грамоту за создание литературной композиции по книге Владимира Миронова «Я... вернусь». Затем своим мнением о творчестве актёра и писателя поделились Т.В. Цыганкова, В.Ю. Белоногова, Н.В. Морохин, В.Я. Осьминин, В.И. Жучков, А.М. Цирульников, В.Р. Ерёмин, В.В. Никитин, Т.Е. Яровикова и др. А.В. Мюрисеп порадовал гостей вечера великолепным чтением стихов Бориса Пастернака и Юрия Андрианова.

16 января 2017 г. Город Бор. Был отмечен 80-летний юбилей протоиерея, члена Союза писателей России, художника Евгения Николаевича Юшкова. К этой дате в местном краеведческом музее была открыта персональная художественная выставка священника. На вечере, который проходил также в зале краеведческого музея, о значении творчества, духовного служения отца Евгения в своих выступлениях говорили писатель В.В. Сдобняков, публицист М.И. Рубцов, прихожане, представители местной творческой интеллигенции.

8 января 2017 г. ПРАЗДНИЧНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «СВЯТКИ НА РОЖДЕСТВЕНСКОЙ — 2017»

14.00. Открытие фестиваля. Протоиерей Сергей Муратов. Молитва.

14.30. Вступительное слово председателя НОООО СПР Валерия Сдобнякова.

15.00. Праздничные распевы на Святки. Хоровая капелла Епархиального женского училища Нижегородской митрополии. Руководитель — Татьяна Кострова.

15.30. Представление нового выпуска литературно-художественного православного альманаха современной русской поэзии «Арина».

16.00. Праздничный рождественский концерт с участием нижегородских поэтов, прозаиков, музыкантов, авторов-исполнителей и вокальных групп. Ведущий — Борис Селезнёв.

5 января 2017 г. В Союзе писателей прошла встреча памяти В.Г. Цветкова. Три года назад Владимир Георгиевич ушёл из жизни. Своими воспоминаниями о писателе поделились В.В. Сдобняков, А.М. Коломиец, Е.И. Галкин, М.И. Рубцов.

Новогодние поздравления. На имя В.В. Сдобнякова поступили поздравления с наступающим 2017 годом и Рождеством от губернатора Нижегородской области В.П. Шанцева, председателя Законодательного собрания Нижегородской области Е.В. Лебедева, главы города И.Н. Карнилина и главы администрации города С.В. Белова.

24 декабря 2016 г. В Нижегородской областной организации Союза писателей России состоялась новогодняя встреча, на которой присутствовали члены правления В. Сдобняков, А. Абрашкин, Д. Фаминский, А. Коломиец, Л. Калинина, поэты и прозаики, гости.

21 декабря 2016 г. В Литературном музее прошло подведение итогов уходящего года сотрудниками Музея А.М. Горького. В расширенном учёном совете от Нижегородской областной организации СП России приняли участие В.В. Сдобняков, В.П. Киселёв, В.А. Чугунов.

15 декабря 2016 г. Город Балахна. Открытие выставки живописи В.И. Заногги в историко-художественном музее (дом Плотникова). Вела вечер директор музея кандидат исторических наук М.В. Карташова. Выступили архимандрит мужско-

го Благовещенского монастыря о. Александр, В.В. Сдобняков, Е.И. Юсов, В.К. Тырданов, В.Ерофеев, Н.И. Жданова, М.В. Занога.

29 ноября 2016 г. В помещении Нижегородской областной организации Союза писателей России состоялось очередное заседание Общественной топонимической комиссии. Повестка дня: утверждение списка № 2 исторических названий улиц, площадей, переулков, съездов Нижнего Новгорода; о повторном обращении в администрацию и думу г. Нижнего Новгорода по вопросу о переименовании (возвращении исторического названия) площади Лядова; о переименовании улицы Пискунова; о делегировании членов Топонимической комиссии в состав Топонимической комиссии при департаменте культуры города и в состав Комиссии по переименованиям при администрации г. Н. Новгорода. В заседании приняли участие В.В. Сдобняков (председатель комиссии), В.А. Смирнов (секретарь), С.В. Устинкин, М.И. Рубцов, С.С. Скатов.

25 ноября 2016 г. В «Арсенале» (Волго-Вятском филиале Государственного центра современного искусства) министерство информационных технологий и средств массовой информации Нижегородской области провело круглый стол на тему «Издательские стандарты и нормативы», в котором приняли участие гости из Москвы — вице-президент АСКИ О.В. Филимонов, представитель Российской книжной палаты Г.П. Калинина, а также нижегородские издатели В.В. Сдобняков («Вертикаль. XXI век»), Н.Я. Николаев («Литера»), О.И. Наумова («Кварц»), Я.И. Гройсман («Деком») и др.

20 ноября 2016 г. Г. Саров. В Доме ученых состоялся творческий вечер «Семь цветов радуги», посвящённый 55-летию создания литературного объединения «Радуга». Поэты, участники объединения прочитали свои стихи. На большом экране демонстрировались фотографии и видеозаписи с участием тех, кого уже нет с нами. Обратился к собравшимся и Геннадий Ёмкин. Сам он не мог быть на торжестве, но и с экрана слова поэта звучали проникновенно. Подготовлен вечер Г.С. Сывороткиной и прозаиком Еленой Кашевой. Гости вечера: председатель Нижегородской областной организации СП России Валерий Сдобняков (вручил почетную грамоту организации), писатель из Екатеринбурга Екатерина Наговицына.

12 ноября 2016 г. Литературный музей. Работа круглого стола «Максим Горький в XXI веке: проблемы и перспективы».

Выступили представители музеев писателя в Нижнем Новгороде (Л.Ю. Моторина, А.М. Лебедева, Е.Г. Агафонова, Т.А. Шухарева), Арзамасе (Т.В. Казнина), Казани (М.Ф. Гаврилова), научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН В.П. Вольнова, доктора филологических наук В.Т. Захарова и М.Г. Уртминцева, председатель Нижегородской областной писательской организации В.В. Сдобняков и др. По итогам работы круглого стола была принята резолюция.

6 ноября 2016 г. На имя В.В. Сдобнякова поступили поздравления с Днём народного единства от губернатора Нижегородской области В.П. Шанцева и председателя Законодательного собрания Нижегородской области Е.В. Лебедева.

5 ноября 2016 г. С Днём народного единства председателя Нижегородской областной организации СП России В.В. Сдобнякова поздравили глава Нижнего Новгорода И.Н. Карнилин и глава администрации города С.В. Белов.

В издательстве «Вертикаль. XXI век» вышли книги: Анатолий Пафнутьев. Гимн любви А.С. Пушкина; Полина Тарабрина. Рассвет. Стихи. Валерий Темнухин. *Каяла или Повесть о походе Игоря Святославича, внука Олегу Святославичу, который правнук Владимиру Святославичу «Красное Солнышко»*; Михаил Рубцов. **Ход особого назначения.** Очерки; Татьяна Антипова. **От Рождества до Рождества.** Стихи; Алексей Коломиец. **Три венка сонетов**; Игорь Соловьёв. **По следу цветочного льва.** Истории и сказки для детей; Валерий Сдобняков. **Память сердца.** Очерки; Татьяна Демина. **Мои воспоминания.** Стихи, проза.

Публикации наших авторов.

Валерий Сдобняков:

Хранитель свитка времени. Газета «День литературы» (Москва), № 8 (238), 2016 г.

Нижегородский романист. Журнал «Столица Нижний», № 10 (43), 2016 г.

Блаженнее давать, нежели принимать. 2004 год. Журнал «Истоки» (Красноярск), № 26, 2016 г.

Объединяла русская боль. Беседа с Александром Казинцевым. Журнал «Истоки» (Красноярск), № 26, 2016 г.

Нравоучительные и полемические сочинения преподобного Максима Грека. Журнал «Истоки» (Красноярск), № 26, 2016 г.

Испив из чаши горькой... 2002 год. (Из дневника писателя). Альманах «Под часами» (Смоленск), № 15, книга 2, 2016 г.

Патриарх нижегородского литературоведения. Журнал «Столица Нижний», № 11 (44), 2016 г.

Сохраняя традиции. Книга-альбом «25-лет Нижегородскому землячеству в столице», 2016 г.

Литература — это свобода. Газета «День литературы» (Москва), № 11 (241), 2016 г.

Слышать человека, Небо и Бога. Журнал «Столица Нижний», № 12 (45), 2016 г.

Как избавиться от клеветы и ненависти. Альманах «Арина», № 29, 2016 г.

Слышать человека, небо и Бога. Газета «Слово» (Москва), № 23 (932), 2016 г.

Оторваться от земли. Журнал «Столица Нижний», № 3 (46), 2017 г.

И воздастся по делам нашим. Отрывок из повести. Журнал «Бийский Вестник» (Алтайский край), № 2 (54), 2017 г.

И воздастся по делам нашим. Повесть. Журнал «Новая Немига литературная» (Минск), № 2,3, 2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора «С НАМИ БОГ»

Борис СЕЛЕЗНЁВ 3

«НЕТ ОБЩЕГО ДЕЛА БЕЗ ЛЮБВИ И БРАТСТВА»

Валерий СДОБНЯКОВ 5

«НЕПРОСТЫЕ ГОДЫ»

Владимир ЧУГУНОВ 8

«ВОЗРАСТ НАДЕЖДЫ»

Александр ЛОМТЕВ 9

«ТРИЖДЫ РАДУЮСЬ»

Владимир ГОФМАН 12

«ОБОЙДЁМСЯ БЕЗ ВОПРОСОВ, МНОГО ИЛИ МАЛО ЭТО — 15 ЛЕТ»

Сергей МУРАТОВ 13

«МНЕ НРАВИТСЯ ИМЯ «АРИНА»

Марина ЗУБОВА 14

ПЕРЕКРЁСТОК

Анастасия УСТИНОВА 20

Вадим БАЛЬЗАМОВ 38

Наталья ДОРОФЕЕВА 53

Лев ПРЯХИН 67

Надежда ВАСИК 79

Диана КАН 98

Виктор МЕЛЬНИКОВ 101

Наталья ЕРМЕНКОВА 108

Елизавета МАРТЫНОВА 113

Кондратий ЕМЕЛЬЯНОВ 119

Оксана СЕРПОВА 132

Борис СЕЛЕЗНЁВ 139

Татьяна АНТИПОВА 151

Вера ВЕРАХИНА	153
Евгения ОРЕХОВА	155
Александр ЛОМТЕВ	162

МЫ ИЗ КРЫМА!

Валерий БАСЫРОВ	171
Вячеслав КИЛЕСА	175
Юрий ПОЛЯКОВ	179
Лариса АФАНАСЬЕВА	182
Виктория АНФИМОВА	184
Александра ФЁДОРОВА	186
Михаил БОРОВСКИЙ	189
Ирина КОЛЯКА	191
Марина ШАМСУТДИНОВА	194
Зинаида ДУДЧЕНКО	197
Асине МЕДЖИТОВА	199

ОТДЕЛ КРИТИКИ symplegades

«В ПУСТОЙ БОЧКЕ ЗВОНУ МНОГО» Фельетон Валерий СДОБНЯКОВ	204
«НЕ ТАКИЕ КАК ВСЕ» Людмила ЭДИГАРЬЕВА	211

Информационное поле Нижегородской областной организации общероссийской общественной организации «СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ»	213
---	-----

Литературно-художественный
православный альманах
«Арина НН»
Современная русская поэзия и проза
Выпуск № 30

Издатель:

Селезнёв Борис Анатольевич

Адрес издателя:

603146, Нижний Новгород, ул. Бекетова, 54–12.

Альманах зарегистрирован Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
по Нижегородской области.

Свидетельство о регистрации издания
ПИ № ТУ 52-0425 от 24 февраля 2011 года.

Учредитель: Б. А. Селезнёв.

Адрес редакции:

603146, Нижний Новгород, ул. Бекетова, 54–12.

Контактные телефоны: 417–17–80, 8 910 395–23–12,
8 952 784–62–55. E-mail: basnn53@mail.ru

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов.

При перепечатке материалов ссылка на «Арину НН» обязательна.

Подписано в печать 30.05.2017 г. Выход в свет 25.06.2017 г.

Бумага офсетная. Заказ № Усл. печ. л.

Печать цифровая. Формат 60x84/16.

Тираж 500 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии «Печатная мастерская «Радонеж»